

Медицинский
факультет
московского университета
в реформах просвещения
первой трети XIX века

Из истории
Московской медицинской академии
им. И. М. Сеченова

А. М. Сточик

М. А. Пальцев

С. Н. Затравкин

Медицинский
факультет
московского университета
в реформах просвещения
первой трети XIX века

Издание второе, дополненное

Москва
"ШКО"
2001

УДК 378.661:93(470)

ББК 5г

С 81

Авторы:

- А. М. Сточик — академик РАМН, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой истории медицины и культурологии ММА им. И. М. Сеченова.
- М. А. Пальцев — академик РАН и РАМН, доктор медицинских наук, профессор, ректор ММА им. И. М. Сеченова.
- С. Н. Затравкин — доктор медицинских наук, заведующий отделом истории медицины НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н.

С 81 Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. 2-е изд., доп. — М.: Шико, 2001. — 368 с. ISBN 5-900758-19-2

ББК 5г

© А. М. Сточик,
М. А. Пальцев
С. Н. Затравкин, 2001

ISBN 5-900758-19-2

От авторов

Дополнения и изменения, внесенные при подготовке настоящего второго издания, базируются на выполненных в последние годы авторами и их сотрудниками исследованиях истории создания и деятельности медицинских институтов при российских университетах, внедрения в учебный процесс в Московском университете патологической анатомии, подготовки во второй половине 30-х—первой половине 40-х годов 19 века реформы высшего медицинского образования, принципиально изменившей методологию и уровень подготовки российских врачей.

Анализ выявленных при проведении этих исследований ранее неизвестных архивных документов позволил детально проследить зарождение и формирование большинства преобразований организации и содержания учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в первой трети 19 века, оформленных в дальнейшем университетским уставом 1835 года, а также установить, что реформа просвещения 1828—1935 годов не решила важных проблем высшего медицинского образования.

Внесение дополнений не вызвало необходимости в радикальной переработке монографии, пересмотра ее идеологии и основных положений. Вместе с тем, введена новая глава, посвященная становлению патологической анатомии, уточнены отдельные вопросы организации

учебного процесса на медицинском факультете в 1804—1835 годах, порядок и содержание "приуготовительных" курсов, сроки обучения в эти годы. Более подробно изложены история создания Медицинского института при Московском университете и его роль в изменении целевых установок деятельности медицинского факультета. Значительно расширены последние главы, главным образом за счет рассмотрения и анализа проблем, не решенных общероссийским университетским уставом 1835 года. Последнее служит своеобразным прологом к книге, посвященной реформе высшего медицинского образования 40—60-х годов 19 века, над которой авторы работают в настоящее время.

Предисловие к первому изданию

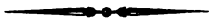
Настоящая монография посвящена важнейшему периоду истории медицинского факультета Московского университета — первой трети 19 века, когда в результате коренной перестройки учебного процесса и внедрения клинического преподавания деятельность факультета была полностью переориентирована на подготовку практикующего врача и сложилась новая модель подготовки врача, действовавшая в нашей стране в течение полутора веков. В результате осуществленных в этот период преобразований медицинский факультет Московского университета сравнительно быстро вошел в число лучших высших медицинских учебных заведений Европы; эти преобразования надолго определили высокий уровень подготавливаемых специалистов.

Процесс реорганизации преподавания излагается на фоне проведенных в России в 1802—1804 и 1828—1835 годах реформ просвещения, с которыми неразрывно связаны все преобразования, осуществленные на факультете. Для сравнения и правильного понимания происхождения отдельных идей и преобразований в монографии приводятся сведения о становлении клинического преподавания и реформировании учебного процесса в передовых университетах Европы.

Поскольку организация и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского и других

российских университетов в историческом аспекте исследуются впервые, возникла необходимость в анализе большого массива ранее не введенных в научный оборот или поверхностно использовавшихся архивных документов. Результатом проведенного анализа, как в этом убедится читатель, стал пересмотр целого ряда сложившихся в историко-медицинской литературе стереотипов.

Исследование и работа над рукописью продолжались около двух лет. В процессе работы авторы постоянно встречали доброжелательное отношение и получали необходимую помощь от коллег, друзей и специалистов. Академики РАМН Ф. И. Комаров, Ю. П. Лисицын, Н. Р. Палеев, профессора В. И. Бородулин, Э. Д. Грибанов, В. П. Жмуркин, М. Я. Яровинский внимательно ознакомились с рукописью или ее отдельными главами и высказали ряд ценных замечаний и предложений. В сборе архивных и редких печатных материалов большую помощь оказали В. М. Белостоцкий, И. Л. Великодная и М. В. Вершевская. Переводы многих научных публикаций по истории университетского образования и истории клинического преподавания в Европе выполнили И. В. Гузеева и Н. А. Гукасова. Много сил в подготовку книги вложил заместитель директора издательства "Медицина" В. С. Челюканов. Всем им авторы приносят сердечную благодарность.

КАК ГОТОВИЛИ ПРАКТИКУЮЩЕГО ВРАЧА В УНИВЕРСИТЕТАХ ЕВРОПЫ

(вместо введения)

В историко-медицинской литературе, посвященной позднему средневековью и эпохе Возрождения, можно встретить так много ярких и остроумных высказываний по поводу порочной постановки преподавания на медицинских факультетах университетов, их оторванности от жизни, их неспособности подготовить врача, пригодного для самостоятельной практической деятельности, что создается впечатление, будто выдающиеся европейские врачи 14—18 веков — от Бернарда Гордона и Томмазо ди Гарбо до Т. Сиденгама, Г. Бургаве и Ф. Гоффмана — прославились своей практической врачебной деятельностью исключительно вопреки тому, что обучались в университете.

Исследователи истории медицинского образования осторожнее в формулировках и излагают главным образом фактический материал, избегая по возможности современной терминологии, обобщающих оценок и едких упреков в адрес "чванливой и невежественной" университетской профессуры. Их осторожность можно понять. Ведь даже средневековые университеты, со всей их "схоластичностью и от-

решенностью от жизни", "отлучением естествознания и медицины от опыта" и приматом дедуктивного метода, были единственным местом, где можно было получить научное образование. Научное потому, что другой науки, кроме схоластической, и других интеллектуальных приоритетов, кроме книжного знания, комментирования, принципа субъективной достоверности, стремления "постичь премудрость Создателя", в эпоху господства средневековой идеациональной культуры попросту не существовало. В дальнейшем изменения интеллектуальных приоритетов, представлений о сущности науки и научного образования оказывали влияние на содержание и формы преподавания в университетах. Процесс изменения содержания и форм преподавания в университетах протекал болезненно и продолжался более двух веков, что соответствует времени становления в Европе современного (чувственного) типа культуры и современной экспериментальной науки.

Однако при всех изменениях одно положение университетской традиции сохранялось неизменным: университеты не готовили специалистов для практической деятельности и в идеале представляли собой "...собрание ученых, которые высоким наукам... до какого состояния они дошли, молодых людей обучают". Такое представление о целевых установках обучения в университете, сформулированное на основе лейденского, оксфордского и немецких университетских статутов Л. Л. Блюментростом, господствовало не только в эпоху Средневековья, но и в век Просвещения. М. В. Ломоносов, разделяя, подобно своим зарубежным коллегам, все "учением приобретенные знания" на науки и искусства ("художества"), четко определял, где какие знания следует приобретать: наукам обучаются в университете, искусствами ("художествами") овладевают под руководством опытных и образованных специалистов (мастеров). При этом по-настоящему овладеть искусством может лишь тот, кто предварительно изучил науки ("...до какого состояния они дошли..."), потому что только "науки подают ясное о вещах по-

нятие" и "художествам путь показывают"¹. Обучая "высоким наукам", университеты, таким образом, готовили своих питомцев не только к "ученой" и педагогической деятельности. Курс университетских наук служил фундаментом для последующего овладения практической специальностью.

Врачевание со времен Гиппократов традиционно относили к искусствам, и, судя по сохранившимся документам, это обстоятельство учитывалось с первых лет существования университетов как при преподавании медицины, так и при решении вопроса о предоставлении окончившим медицинские факультеты права на самостоятельную врачебную практику, которое в той или иной мере всегда находилось под контролем властей. Анализ состояния медицинского образования в средневековой Европе, проведенный профессором Уэллкомского института истории медицины Ч. Талботом, показал, что на медицинских факультетах европейских университетов, особенно в Монпелье, Оксфорде и Кембридже, в 13—15 веках "практический аспект медицины изучался в довольно большом объеме". Меньшее внимание практической медицине уделялось в учебных программах университетов Италии. Но даже в таком оплоте схоластической медицины, каким в 14 веке была Болонья, "как правило, в день читали четыре лекции: две — утром, посвященные теории, две — днем, посвященные практике"². Основными источниками для преподавания практической медицины служили переводы из Гиппократов, Галена, ар-Рази, Ибн Сины. И как бы ни были искажены переводчиками и комментаторами тексты этих великих врачей, из них невозможно было "выхолостить" описаний методов обследования больного, симптомов болезней и их оценки, лечебных рекомендаций и т. п. Такие учебные программы нельзя на-

¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. — Т. 2. — М.—Л., 1951. — С. 351.

² Talbot Ch. Medical education in the Middle Ages//History of medical education. — University Press of California, 1970. — P. 79, 83.

звать "чисто теоретическими" и "полностью оторванными от жизни"³. Но сугубо теоретическими были формы преподавания, основанные главным образом на заучивании текстов источников и комментария лектора, в котором профессор, по словам Ч. Талбота, постоянно переходил "от одной крайности к другой — от чистой практики к чистой теории или философии"⁴. Подобно лекциям, активная форма преподавания — диспуты, даже при постановке на них вопросов практической медицины, применялась не для обучения студентов умению анализировать конкретные, выражаясь современным языком, клинические данные для принятия диагностических, терапевтических или прогностических решений, а почти исключительно с целью выработки у них способности вести умозрительные, схоластические дискуссии, использовать при "анализе медицинских случаев всевозможные силлогистические аргументы".

Такими методами можно было подготовить к практической деятельности теолога или юриста, но не врача. И в этом, похоже, отдавали себе отчет и органы власти, и университетские профессора. Во всяком случае освоения полного курса наук медицинского факультета и получения степени бакалавра медицины для приобретения права на самостоятельную врачебную практику было еще недостаточно. Бакалавру медицины, освоившему науки, требовалось овладеть искусством врачевания. Для этого он должен был пройти стажировку в лечебном учреждении под руководством опытного врача, имеющего от властей лицензию на право обучения практическому врачеванию. Стажировка за-

³ Значительный объем практического материала в учебных программах стал одной из причин того, что средневековые юристы ставили под сомнение правомерность включения медицинских факультетов в состав университетов, утверждая, что медицина является не "истинной наукой", а лишь "эмпирическим и механическим искусством" (Thorndike L. *Science and thought in the fifteenth century*. — N.-Y., 1929. — P. 24—58; Salutati C. *De mobilitate legum et medicine*. — Florence, 1947).

⁴ Talbot Ch. *Op. cit.* — P. 78—79.

нимала примерно два года, после чего соискатель права на самостоятельную врачебную практику сдавал экзамен специальной комиссии, в состав которой нередко входили и профессора местного университета. Любопытно, что, хотя теоретическое знание в средневековой Европе ценилось выше, чем практическое, к занятиям в лечебном учреждении (у постели больного) допускались только бакалавры медицины. Студентам медицинских факультетов в 14—15 веках, как правило, не разрешалось посещать больных даже в присутствии квалифицированного врача. Именно в средневековых университетах сложился принцип последовательности подготовки врача, сохранившийся в современной высшей медицинской школе, принцип, согласно которому клиническому обучению должна предшествовать теоретическая подготовка.

Примерно в 14 веке сложилась модель подготовки врача, обладающего правом самостоятельной практики, которую мы условно будем называть двухэтапной, поскольку она предусматривала как университетский, так и послеуниверситетский этап обучения. Университетский этап, или этап теоретической подготовки, начинался с освоения общеобразовательных программ на артистическом (философском) факультете. После его окончания и получения степени бакалавра гуманитарных наук (философии) студент переходил на медицинский факультет, обучение на котором в различных университетах продолжалось от двух до четырех лет и завершалось "испытанием" и защитой диссертации на степень бакалавра медицины.

Второй этап, или этап практической подготовки, проводился вне стен и вне влияния университета. Как уже отмечалось, он состоял в освоении практических навыков работы с больным в лечебном учреждении под руководством опытного врача, как правило, имевшего университетское образование. Срок практической подготовки зависел главным образом от успехов соискателя права на врачебную практику, но не мог быть меньше одного года. Вопрос о

предоставлении соискателю права на самостоятельную врачебную практику рассматривался по ходатайству его руководителя специальной комиссией, представляющей интересы органов власти. Комиссия принимала у соискателя экзамен и оформляла соответствующие документы.

Этап практической подготовки мог совмещаться с подготовкой к докторской степени. Уже в 14 веке в отдельных университетах обязательным условием присвоения степени доктора медицины было наличие права на самостоятельную практику, приобретенного вне стен университета по описанной выше схеме. Постепенно количество таких университетов увеличивалось, и к 18 веку подавляющее число докторов медицины и профессоров медицинских факультетов, независимо от сферы их научных занятий, были одновременно и практикующими врачами. Этот процесс сопровождался повышением уровня преподавания практической медицины. В отдельных университетах уже в 14—15 веках ставился вопрос о создании собственной клинической базы для стажировки будущих докторов медицины, к руководству их практической подготовкой стала привлекаться университетская профессура. Более того, известны случаи, когда органы власти делегировали право аттестования практикующих врачей университетам. Но даже при этих условиях модель подготовки врача, обладающего правом самостоятельной практики, продолжала оставаться двухэтапной, поскольку сама практическая стажировка составляла послеуниверситетский этап подготовки и, как правило, осуществлялась вне стен университета.

Средневековая модель подготовки практикующего врача действовала во всех без исключения странах Европы вплоть до второй половины 18 века, когда сначала в Австрии, а затем в Германии началось радикальное реформирование университетского медицинского образования, цель которого состояла в том, чтобы значительно профилировать преподавание на медицинских факультетах и даже, совместив на университетском этапе обучения теоретическую и прак-

тическую подготовку, переориентировать их деятельность на выпуск врачей с правом самостоятельной практики. Это реформирование, как правило, проводилось по инициативе или под давлением органов государственной власти и поначалу распространилось лишь на несколько университетов. Вместе с тем оно не носило случайного характера, а было подготовлено всем ходом предшествовавшего развития университетского медицинского образования.

В течение 16—17 и первой половины 18 веков под влиянием сначала гуманистов эпохи Возрождения, а затем деятелей Просвещения в целом ряде университетов происходили изменения содержания и форм преподавания, направленные на приближение университетского медицинского образования к задачам практической медицины. Запуск этого процесса связан с деятельностью гуманистов эпохи Возрождения, естественнонаучными, техническими и лингвистическими достижениями этой эпохи.

Гуманисты не просто подвергли резкой критике схоластические методы преподавания средневековых университетов, но и противопоставили им систему образования, свободную от догматизма и "давления" авторитетов, приучающую к самостоятельному мышлению и вооружающую необходимыми знаниями и навыками для практической жизни и деятельности.

Идеи гуманистической педагогики не получили широкого распространения, особенно в сфере университетского образования. Но в странах или отдельных университетах, где позиции гуманистов были достаточно сильны, существенному пересмотру подверглись учебные программы, источники преподавания, а главное — начали внедряться наглядные методы обучения⁵. В 16—17 и первой половине 18

⁵ О внедрении наглядных методов обучения на медицинских факультетах европейских университетов см., например: O'Malley C. D. Medical education during the Renaissance//History of medical education. — University Press of California, 1970. — P. 89—101.

веков элементы наглядности в той или иной мере были введены в преподавание анатомии, ботаники, практической (внутренней) медицины, химии, *materia medica*, физиологии. К 16—17 векам относятся первые попытки вовлечения в учебный процесс больного. В трех университетах (Падуанском, Утрехтском и Лейденском) часть курса практической медицины преподавалась в больнице. Студентам демонстрировались проявления различных заболеваний и методы обследования больного с последующими разборами клинических случаев, обоснованием диагноза и назначаемого лечения. В отличие от средневековых традиций в этих университетах студенты медицинских факультетов не только были допущены к постели больного, но и получили возможность обучаться практической медицине не чисто умозрительно, а на клиническом материале. Метод, использовавшийся в Падуе, Утрехте и Лейдене, еще нельзя назвать клиническим преподаванием: студенты не обучались приемам обследования, диагностике и лечению больного, а лишь наблюдали искусство профессора. Но и это нововведение встречало сопротивление и с трудом пробивало себе дорогу. Даже в трех упомянутых университетах интерес профессуры к преподаванию у постели больного то возникал, то угасал. В Падуанском университете, например, после смерти энтузиастов этого метода в 90-х годах 16 века он перестал применяться вплоть до первой четверти 18 века.

Между тем именно преподаванию у постели больного суждено было стать основным инструментом перестройки университетского медицинского образования, начавшейся во второй половине 18 века в Австрии и государствах Германии под влиянием идей деятелей Просвещения. Основным, поскольку его реформирование шло по пути профилирования обучения за счет увеличения объема и совершенствования содержания и методов клинической подготовки, приближая постановку преподавания на медицинских факультетах к стандартам профессионального образования.

Такой путь развития высшего медицинского образования в Германии и Австрии был не случаен. В отличие от деятелей Просвещения Франции, большинство немецких просветителей не было склонно к политическому радикализму, философскому и публицистическому эпатажу. И хотя французская культура была окружена в Германии почетом, а идеи французского Просвещения широко известны, разработанные немецкими просветителями планы реформ отличались утилитаризмом и не ставили целью преобразования в общественном строе. Центральное место в них занимали вопросы образования, общественного призрения, организации медицинской помощи малоимущим слоям населения. Политическому доктринерству и словесной борьбе за социальную справедливость, за предоставление равных прав и свобод всем гражданам немецкие просветители предпочитали повседневную работу над составлением образовательных программ, открытие учебных заведений, благотворительных учреждений, оказание реальной помощи бедным и сиротам, а написанию обличительных памфлетов и конфронтации с правительством — деятельное сотрудничество "с Богом данной властью", которая, располагая "правом жизни и смерти над подданными", одновременно заботилась бы об их благе, поддерживала справедливость, оберегала покой и мир в государстве. Выполнение программы постепенных реформ "сверху" и защиту общества от грубого насилия "снизу", по мнению большинства немецких просветителей, вполне мог обеспечить абсолютный, но просвещенный монарх, окруженный просвещенными советниками и располагающий армией образованных чиновников и квалифицированных специалистов по всем отраслям социальной, культурной и хозяйственной деятельности государства. Ярко выраженное стремление немецких просветителей "к утилитаристским реформам в рамках традиционного социально-политического порядка", их представление о свободе "как о слиянии с интересами государства" встречали поддержку в правительственных "верхах" и обеспечивали

воплощение в жизнь многих инициатив. Более того, нередко просветительское движение в Германии и Австрии «получало импульсы "сверху"»⁶. Достаточно вспомнить, что с предложением публично обсудить "новые идеи" выступил Фридрих Великий, а инициатором реформ просвещения, организации медицинского дела и медицинского образования в Австрии была Мария Терезия.

В связи с этим становится понятным, почему именно Пруссия и Австрия стали первыми странами в Европе, где были созданы единые государственные системы начального и среднего образования, управления и контроля за медицинским делом. Почему именно немецким просветителям принадлежит ведущая роль в разработке и внедрении концепции профессионального и специального образования, предназначенных для подготовки квалифицированных специалистов для различных отраслей государственной службы. Наконец, почему именно в Австрии и государствах Германии сложились условия и возникла идея изменить целевые установки университетского медицинского образования, реорганизовать учебный процесс и внедрить на медицинских факультетах новые учебные программы и формы преподавания.

Реформирование университетского медицинского образования в Австрии осуществлялось "сверху", продолжалось в течение полувека и поначалу встретило активное сопротивление, так что руководившему проведением реформы Г. Ван-Свитену пришлось заменить всю профессуру медицинского факультета Венского университета. В результате осуществления реформы в Австрии возникла одноэтапная модель подготовки врача: курс наук, преподававшихся на медицинских факультетах, обеспечивал и теоретическую, и практическую подготовку, позволявшую после сдачи итоговых государственных экзаменов предоставлять выпускни-

⁶ Кисунько В. Г., Ревякин А. В. Европейское просвещение // История Европы в восьми томах. — Т. 4. — М., 1994. — С. 326—327, 324.

кам право самостоятельной практики без предварительной стажировки. Эффективность обучения в рамках этой модели обеспечивалась введением практических форм преподавания, двухлетним курсом занятий в клинике, жесткой последовательности изучения отдельных предметов и не менее жестким профилированием естественнонаучных дисциплин. Использование одноэтапной модели предопределило отказ от многих элементов классической университетской традиции и по характеру организации учебного процесса превращало медицинский факультет в специальное учебное заведение.

В Германии, где многие университеты были центрами просветительской идеологии, реформирование преподавания на медицинских факультетах осуществлялось главным образом по инициативе университетской профессуры. Основу этого реформирования составило внедрение практических форм обучения и прежде всего солидного объема занятий в клинике, увеличение объема преподавания собственно "врачебных" наук — как практических, так и теоретических, упорядочение организации учебного процесса с тем, чтобы обучению в клинике предшествовала необходимая теоретическая подготовка. Вместе с тем были сохранены основные элементы классической университетской традиции: принцип самоценности каждой науки, являющейся предметом преподавания на факультете, предметная система обучения и др. Сохранялась и двухэтапная модель подготовки практикующего врача, но она существенно отличалась от средневековой. Во-первых, по содержанию и методам преподавания. Во-вторых, клиническая стажировка после окончания основного курса стала проводиться в университетах. Университет и принимал экзамен у соискателей права на самостоятельную практику. Попытка Прусской медицинской оберколлегии лишить университеты этой привилегии успеха не имела. После длительных препирательств Медицинская оберколлегия, как представитель государства, делегировала право аттестования практикующих

врачей университетам, располагающим необходимой клинической базой.

Обе упомянутые модели в начале 19 века стали внедряться в университетах других стран Европы. В современных условиях почти повсеместно действует двухэтапная модель, при которой послеуниверситетский (или последипломный) этап образования до предоставления права на самостоятельную практику проводится по специальным программам.

* *
*

В России становление университетского медицинского образования проходило в условиях, принципиально отличавшихся от западных. Ко времени открытия Московского университета (1755) и начала преподавания на его медицинском факультете (1758) в стране не существовало сколько-нибудь устойчивой традиции в сфере просвещения. Более того, не существовало системы начального и среднего образования. В созданном университете было некому не только учить, но и учиться. Вместе с тем, начиная с 60-х годов 18 века содержание и методы преподавания в Московском университете усилиями профессоров и кураторов постепенно приближались к европейским стандартам. Для обучения использовались те же учебные пособия, шло постепенное внедрение практических форм обучения при преподавании анатомии, химии, *matéria medica* и др. Однако практические "врачебные науки" преподавались в Московском университете сугубо теоретически. Важнейшее достижение передовых европейских университетов, кардинально изменившее направленность университетского медицинского образования, — преподавание у постели больного — на медицинском факультете Московского университета внедрено не было. Явилось это результатом консервативной позиции профессоров или молодому и развивав-

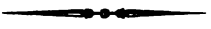
шемуся в неблагоприятных условиях университету на первых порах было просто не под силу организовать клиническую подготовку студентов, — точно установить не удалось. Но так или иначе, а на медицинском факультете Московского университета осуществлялся лишь теоретический этап подготовки врача. Его выпускникам присваивалось звание кандидатов медицины, не дававшее права на самостоятельную врачебную практику. Желающие заниматься практической врачебной деятельностью должны были пройти как минимум годичную стажировку в Московском военном госпитале, после чего сдать экзамен специальной комиссии, назначенной Медицинской коллегией — высшим медицинским органом Империи. Установленный порядок аттестования соискателей права на самостоятельную врачебную практику соблюдался в России чрезвычайно жестко. Экзамену подвергались даже приглашенные на работу иностранные врачи, получившие докторские степени в лучших европейских университетах, имевшие отличные рекомендации и свободно практиковавшие у себя на родине. Причем экзамен был достаточно серьезен. Во всяком случае из известных нам 28 соискателей, окончивших медицинский факультет Московского университета в 18 веке, никто не смог в течение года получить право на самостоятельную врачебную практику.

Таким образом, во второй половине 18 века в России действовала двухэтапная модель подготовки врача, которая по своей сути была ближе к "средневековой", нежели к современной ей двухэтапной модели, действовавшей, например, в Германии.

Правда в 70—80-х годах 18 века рассматривался вопрос о переориентации медицинского факультета Московского университета на подготовку практического врача с введением учебных программ, предусматривавших клиническую подготовку в период обучения в университете. Был даже составлен проект соответствующего устава. Однако решение этого вопроса затянулось до начала 19 века.

В 1804 году в рамках реформы просвещения, осуществленной правительством Александра I, в программу обучения на медицинских факультетах российских университетов была введена клиническая подготовка. Одновременно на университеты была возложена аттестация медицинских чиновников, причем присвоение права на самостоятельную врачебную практику не ставилось в зависимость от клинической послеуниверситетской стажировки или стажа работы. Выпускник медицинского факультета "мог требовать" от университета принятия у него "лекарского экзамена" и в случае его успешной сдачи покидал *alma mater* в звании лекаря с правом на самостоятельную врачебную практику.

Постепенно усилиями передовых профессоров, прежде всего М. Я. Мудрова и Ю. Х. Лодера, и не без "давления" со стороны Министерства народного просвещения и особенно попечителей Московского учебного округа, на медицинском факультете Московского университета осуществлялась реорганизация учебного процесса, в результате которой к середине 30-х годов в России была практически внедрена одноэтапная модель подготовки врача, получившая законодательное утверждение с принятием "Общего Устава Императорских Российских университетов" (1835) и "Правил испытания медицинских... чиновников" (1838).

Глава 1

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ РЕФОРМА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лагарп спешил в Петербург...

Более шести лет назад он покинул северную столицу Российской империи. Покинул не по своей воле. Екатерина II, прощавшая ему и республиканские взгляды, и откровенный атеизм, была раздражена отказом помочь ей убедить внука Александра согласиться стать наследником престола, лишив законных прав его отца — Павла. Лагарп пытался объяснить императрице и безнравственность, и пагубность ее намерений. Было это наивностью или дерзостью? Как оценить? Но вскоре "главный воспитатель" великих князей граф Н. И. Салтыков ознакомил его с Высочайшим рескриптом: "...находившегося при любезных внуках наших великих князьях подполковника Фридриха Лагарпа, в изъявлении нашего благоволения к трудам, им понесенным при воспитании их высочеств с успехом, пожаловав в полковники, увольняем из службы нашей и повелеваем отпустить в отечество, произведя ему сверх пен-

сии... полное по чину жалование... на проезд же выдать тысячу червонных..."¹.

Решение, как это часто бывало у Екатерины, жесткое: ме-сье не просто прогоняли со двора, но и высылали из страны. Пилюлю, однако, подсластили: и полковничий чин, и большая пенсия, и "тысяча червонных" на проезд. Для неизвестного швейцарца — немалое состояние. А то, что прогнали, понятно: воспитанник вырос, ему восемнадцать. Уж два года как женат. Пора обходиться без гувернеров. Но все равно такого удара ни воспитатель, ни воспитанник не ждали. Александр, узнав об увольнении воспитателя, с рыданиями бросился к нему на шею; не смог сдержать слез и Лагарп. Прощались долго и взволнованно: они были искренне привязаны друг к другу. А в день отъезда — 9 мая 1795 года — вместе с прощальным подарком Лагарп получил письмо Александра: "Прощайте, любезный друг, чего мне стоило сказать Вам это слово. Помните, что Вы оставляете здесь человека, который Вам предан, который не в состоянии выразить Вам свою привязанность, который обязан Вам всем, кроме рождения... Будьте счастливы, любезный друг, это желание человека любящего Вас, уважающего и почитающего выше всего... Прощайте в последний раз, лучший мой друг, не забывайте меня..."². Между ними возникла переписка, оборвавшаяся вско-

¹ Шильдер Н.К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. — Т. I. — СПб., 1897. — С. 107. Возможно, однако, что отказ Лагарпа содействовать императрице в осуществлении ее династических замыслов был лишь предлогом, последней каплей, переполнившей чашу. «Казнь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, а также последовавшие за ними кровавые события вызвали негодование царицы, — отмечал швейцарский исторический писатель и политический деятель А. Валлотон. — По наущению придворных она решила уволить Лагарпа, считавшегося слишком "левым"» (Валлотон А. Александр I. — М., 1991. — С. 27). См. также: Сухомлинов М. И. Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель Александра I // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — Т. 2. — СПб., 1889. — С. 92—100.

² Сборник Русского Исторического Общества. — Т. 5. — СПб., 1870. — С. 18—19.

ре после воцарения Павла. Император запретил сыну поддерживать отношения с "грязным якобинцем".

Их переписка возобновилась после трагической смерти Павла. Возобновилась по инициативе Лагарпа. Александр ответил быстро — 9 мая 1801 года. Писал о неизменной привязанности к своему воспитателю, перечислял, чем он обязан ему, называл "дорогим и настоящим другом". Писал вроде бы как равному. И все же в письме чувствуется неискренность, заметны и тщательная продуманность каждого слова, и с трудом скрываемое высокомерие. "...Просвещенный и опытный в знании людей друг — это самое большое из сокровищ, которым можно обладать. Мои заботы не позволяют мне писать Вам более. Я заканчиваю, говоря Вам, что прилагаю самые большие усилия и труд, дабы примирить частные интересы и унять рознь, заставить людей сотрудничать в достижении одной и единой цели — всеобщей пользы. Прощайте, мой дорогой, Ваша дружба будет мне утешением в моих трудах. Если я смогу быть Вам полезен, располагайте мной и просите у меня то, что я могу сделать"³.

"Ваша дружба будет мне утешением в моих трудах... располагайте мной и просите у меня то, что я могу сделать"... Не надо быть искусственным политиком или опытным царедворцем, не надо обладать излишним самолюбием, чтобы понять главный (и оскорбительный) смысл письма. Государь погружен в заботы, у него великие замыслы, сформировавшиеся в том числе и под влиянием Лагарпа, но для их воплощения "просвещенный и опытный в знании людей друг — это самое большое из сокровищ" ему не нужен. Впрочем, "...располагайте мной и просите у меня то, что я могу сделать".

Лагарп не мог не почувствовать щелчка по носу, не мог не понять, что автор письма уже не пылкий юноша, когда-то при расставании рыдавший у него на груди. А может быть, усомнился в искренности своего воспитанника, в мере своего влияния на него?..

³ Валлотон А. Цит. соч. — С. 59.

Фредерик Сезар де Лагарп
(1754—1838)

Фредерик Сезар де Лагарп прожил долгую и неспокойную жизнь человека, стремившегося действовать в соответствии со своими убеждениями и в то же время понимавшего, что его нравственные и политические идеалы вряд ли достижимы в скором времени: для их полного и бескровного осуществления требовались достаточно глубокие изменения в массовом сознании или по меньшей мере в мировоззрении правящего класса. Наделенный темпераментом проповедника

и трезвостью политика, он, сообразно обстоятельствам, сравнительно легко шел на компромиссы, сохраняя при этом свободу суждений и самоуважение, знал или чувствовал пределы уступок. Случайно попав к российскому двору, Лагарп быстро завоевал доверие Екатерины. Императрица, считавшая себя последовательницей идей просветителей, полагала, что "этот ярый республиканец, друг народа и враг тирании" сумеет пробудить в ее внуках "стремление к справедливости, не затронув их природное предрасположение к самодержавию"⁴. Лагарп в свою очередь выразил восхищение благородными принципами знаменитого екатерининского "Наставления" и взялся воплотить их в жизнь. Они поладили, и благоволение Екатерины более десяти лет позволяло Лагарпу сохранять должность воспитателя великих князей Александра и Константина Павловичей, хотя боль-

⁴ Труайя А. Александр I, или Северный сфинкс. — М., 1997. — С. 13.

шинство придворных, включая фаворитов императрицы, относились к нему, к его республиканским убеждениям и его системе воспитания с открытой враждебностью⁵. Враждебность была несправедливой: придворные, как это часто бывало в России, бурно реагировали на слова, а не на дела. Лагарп строго следовал "заказу" Екатерины: он воспитывал не республиканца, а просвещенного монарха, способного реформировать российское государство в духе наиболее умеренных идей французских и английских просветителей, устранить или по крайней мере ослабить произвол и деспотизм власть предержавших путем введения законов, охраняющих элементарные права всех жителей империи, наладить управление огромной страной, "поднять просвещение и развязать силы страны". Справедливости ради отметим, что Лагарп не был абсолютно одинок. В 1785 году для преподавания великим князьям российской словесности, истории и нравственной философии Екатерина пригласила известного в то время писателя и ученого Михаила Никитича Муравьева — будущего сподвижника Александра по реформе просвещения, попечителя Московского учебного округа, много сделавшего для реорганизации преподавания в Московском университете и, в частности, на его медицинском факультете⁶. Широко образованный поклонник и знаток

⁵ Содержание занятий Лагарпа не одобряли даже умеренные. "Некоторые даже осмеливаются утверждать, — писал А. Труайя, — что он хочет сделать из Александра Марка Аврелия, тогда как России нужен Тиберий или Чингиз-хан" (Труайя А. Цит. соч. — С. 15).

⁶ Муравьев Михаил Никитич (1757—1807) — поэт, писатель, ученый, государственный деятель, издатель "Московских Ученых Ведомостей", член Российской академии, тайный советник, сенатор (с 1800 г.), секретарь по принятию прошений в собственном кабинете Александра I (1801—1802), товарищ министра народного просвещения (1802—1807) и одновременно (с 1803 г.) попечитель Московского учебного округа и Московского университета. Помогал Н. М. Карамзину в работе над "Историей государства Российского". Сочинения М. Н. Муравьева "Опыты истории письмен и нравоучения", "Разговоры мертвых" и другие выдержали три издания (последнее в 1856 г.).

английских мыслителей 18 века, мягкий и доброжелательный человек, М. Н. Муравьев пользовался уважением и любовью своих царственных воспитанников.

Воспитание просвещенного и либерального монарха в условиях пусть галантного, но все же произвола екатерининской эпохи, было задачей не из легких. И В. О. Ключевский, как нам кажется, не во всем справедлив, оценивая педагогические усилия Лагарпа и М. Н. Муравьева лишь негативно: "...он, — писал В. О. Ключевский о Лагарпе, — начал читать и в духе своих республиканских убеждений объяснять латинских и греческих классиков... английских и французских историков и философов — Локка, Гиббона, Мабли, Руссо. Во всем, что он говорил и читал... шла речь о могуществе разума, о благе человечества, о договорном происхождении государства, о природном равенстве людей, о справедливости, более и настойчивее о природной свободе человека, о нелепости и вреде деспотизма, о гнусности рабства. Эти явления рассматривались не как исторические факты или практические возможности, а одни — как требования разума и заповеди философского катехизиса, а другие — как глупости, невежества и преступления деспотизма. Лагарп не разъяснял ход и строй человеческой жизни, а подбирал подходящие явления, полемизировал с исторической действительностью, которую учил не понимать, а только презирать... Заметьте, что все это говорилось и читалось будущему русскому самодержцу в возрасте от 10 до 14 лет, т. е. немножко преждевременно. В эти лета, когда люди живут непосредственными впечатлениями и инстинктами, отвлеченные идеи обычно облачаются у них в образы, а политические и социальные принципы перерождаются в чувства и становятся верованиями. ...Его учили, как чувствовать... но не учили думать и действовать; не задавали ни научных, ни житейских вопросов, которые бы он разрешал сам, ошибаясь и поправляясь: ему на все давали готовые ответы — политические и нравственные догматы... Его не заставляли ломать голову, напрягаясь... а как сухую

губку, пропитывали дистиллированной политической и общественной моралью, насыщали лакомствами европейской мысли"⁷. Разумеется, и Лагарп, и М. Н. Муравьев понимали, что бессмысленно обучать мальчиков научной истории, философии и тем более практической политике с разбором ситуационных задач ("...воспитатель политической мысли не учил думать и действовать", не задавал "ни научных, ни житейских вопросов, которые бы он разрешал сам, ошибаясь и поправляясь..."). Скорее всего, они видели свою задачу в том, чтобы сформировать у юных великих князей, и прежде всего у Александра, нравственные и политические идеалы. И именно потому, что "в эти лета... отвлеченные идеи облекаются... в образы, а политические и социальные принципы перерождаются в чувства и становятся верованиями", педагогические усилия Лагарпа и М. Н. Муравьева во многом достигли цели. "Через Лагарпа, — справедливо отмечает А. Н. Сахаров, — Александр воспринял идеи французского просвещения... и, думается: эти идеи попали на благоприятную почву и оставили долгий след в душе будущего императора"⁸.

Историки упрекали и упрекают Александра в слабости и злобности, в двуличии и притворстве, в непоследовательности и "вялости характера", в подверженности влияниям со стороны "людей... с разнообразными характерами и воззрениями", изображая его либеральные, реформаторские устремления как желание "пускать пыль в глаза, казаться не тем, чем он был". Во всем этом, казалось бы, убеждает и хрестоматийная схема историографии его царствования: сперва "дней Александровых прекрасное начало", потом — героическая эпопея Отечественной войны, затем — аракчевщина, разгром университетов, военные поселения и, на-

⁷ Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. — Т. 5. — М., 1958. — С. 205—207.

⁸ Сахаров А. Н. Александр I (К истории жизни и смерти)//Российские самодержцы, 1801—1917. — М., 1994. — С. 28.

конец, печальный финал — трагедия декабристов. И все же на первый взгляд справедливые упреки во многом основываются на известной примитивизации личности Александра. "Это был характер не особенно сложный, но довольно извилистый, — писал В. О. Ключевский. — Мысли и чувства, составляющие его содержание, не отличались ни глубиной, ни обилием, но под давлением людей и обстоятельств они так разнообразно изгибались и перетасовывались, что нельзя было догадаться, как этот человек поступит в каждом данном случае"⁹.

Нельзя было догадаться, как поступит в каждом данном случае... Почему это — "извилистость", а не сложность? Не случайно же его называли "северным сфинксом"? Не слишком ли строг к Александру великий историк? Ведь "извилистости", если иметь в виду умение лавировать между противоборствующими сторонами и скрывать свои мысли и намерения, было откуда взяться. Александра воспитывали не только Лагарп и М. Н. Муравьев, но также лицемерный и развратный екатерининский двор, грубая и солдафонская павловская Гатчина. Со всеми нужно было ладить, для всех быть своим, послушным и приятным.

"Александр I — подлинно историческая личность, — писал известный русский историк А. Е. Пресняков, — т. е. типичная для своего времени, чутко и нервно отразившая в себе и силу сложившихся традиций, и нарастающую борьбу с ними, борьбу разнородных тенденций и интересов, общий эмоциональный тон эпохи и ее идеологические течения"¹⁰. Основное, кричащее противоречие "сложившихся традиций" — сосуществование развивающегося просвещения и рабства. «Два полюса — "рабство" и "просвещение" — после "петровского взрыва" резко отодвигаются друг от друга на большое социальное расстояние, и притом друг другу

⁹ Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 415.

¹⁰ Пресняков А. Е. Александр I//Пресняков А. Е. Российские самодержцы. — М., 1990. — С. 146.

"как бы не мешают", — писал Н. Я. Эйдельман. — Более того, и цивилизация, и рабство усиливаются синхронно... Парадокс, так сказать, в природе вещей... "Пушкинский путь" к свободе просвещенной — первая естественная реакция просвещенного человека на невыносимый петровский "дуализм"; неслыханное сочетание мглы и света, по Пушкину, не удержится, свет одолеет. Петр I "не страшился", но уже через одно-два поколения появляются серьезные головы, которые веруют в просвещение и еще раз в просвещение и что с его помощью можно в конце концов исправить все — и политику, и "поврежденные нравы", и (когда-нибудь) рабство!»¹¹.

Борьба с этими "традициями" была борьбой за просвещение и против рабства: "не только школы и книги, но целая система изменений, реформ, преобразований в экономической, политической, правовой, культурной, духовной сфере..."¹². Александр искренне стремился к этим преобразованиям. Обнаруженный М. М. Сафоновым дневник Александра позволяет утверждать, что у него имелась далеко идущая программа реформирования общества, включавшая и постепенную ликвидацию крепостного права. Реформирования в духе "истинной монархии" Монтескье с ее фундаментальными законами, вытекающими, по выражению самого императора, из "слишком известных прав человека"¹³. Вступив на престол "с запасом возвышенных и добродетельных стремлений, которые должны были водворить свободу и благоденствие в управляемом народе", но не зная, как следует действовать (В. О. Ключевский), он все же действовать начал. Стремился "утвердить порядок на возможно наилучших основаниях", мечтал (или во всяком случае

¹¹ Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. — М., 1982. — С. 14, 16—17.

¹² Там же. — С. 12.

¹³ Сафонов М. М. Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII—XIX вв. — Л., 1988. — С. 36.

много говорил) о конституции, освобождении крестьян. Первые указы были обнадеживающими. Но сразу же натолкнулся на мощное сопротивление большинства дворянства и бюрократического аппарата и даже на непонимание со стороны некоторых тогдашних деятелей культуры¹⁴.

Надо сказать, что Александр держался довольно долго. Лавировал, конечно, "изгибался" и "перетасовывался". Хотел со всеми договориться, во всем вроде бы соглашался, но делал по-своему. В главном не уступал. Видно, устойчивы были "образы" и сильны "верования" — следы "несвоевременных" лагарповых и муравьевских проповедей. Но сопротивление нарастало: при продвижении вперед — справа, "невидимое", безгласное, угрожавшее "удавкой", при компромиссах — слева, в результате чего таял круг друзей и единомышленников. Таял из-за разочарования, кажущейся медлительности, "вялости характера" государя. А иных, как, например, М. М. Сперанского, Александр, выражаясь современным языком, попросту "сдал", точнее — заставили "сдать". Что это было — "вялость характера"? Вряд ли. "Петр Великий имел довольно увесистый кулак, чтобы не бояться своих подданных", — сказал Александр незадолго до смерти одному из своих генерал-адъютантов¹⁵. Александру, "чутко и нервно отразившему в себе... общий эмоциональный тон эпохи", стукнуть было нечем. То есть кулак, так сказать, физически, у него, конечно, был. Его можно было показать, но стукнуть им — невозможно. Не так увесист. А показывать — что толку. Вон Павел показывал, и чем это кончилось... Так что "извилистость" была не только

¹⁴ Н. М. Карамзин, например, писал по поводу первых лет александровского царствования: "...Одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основы империи, и коих благотворность остается доселе сомнительною..." (Миронов Г. Е. История государства российского. Историко-библиографические очерки. XIX век. — М., 1995. — С. 54.)

¹⁵ Там же. — С. 24.

безопасней, но и надежней. Она давала возможность создавать хоть временную опору, хоть что-то проводить в жизнь. Однако опоры рушились, и Александр отступил, сломался. Но мечты остались с ним, правда, уже не как надежда, а как трагедия.

«Мы отнюдь не идеализируем императора, — писал, анализируя "революционные поползновения" Александра и их результаты, Н. Я. Эйдельман, — не хотим судить по старинной крестьянской формуле: "царь добр, но генералы препятствуют", однако не желали бы совсем отречься от этой формулы... При неразвитости общественно-политической жизни... там, на самом верху... естественно было появление людей, которым виднее интересы их класса, сословия, государства в целом; которые умеют считать "на два хода вперед", в то время как крепостник и большинство бюрократов — только "на один ход"; непосредственное, примитивное их классовое чутье подсказывало — никаких конституций, никаких эмансипаций! Сверху же "призывают": в ваших же помещичьих и бюрократических интересах несколько уступить, освободить, иначе все потеряете!»¹⁶. Но "классовое чутье", похоже, не обмануло "крепостников и бюрократов": все потеряли не они, а их правнуки. Потеряли больше века спустя. Так что трудно сказать, кто считал "на один ход", а кто "на два хода вперед".

Крепостники и бюрократы, как это часто бывало в России, выиграли. Проиграли Александр и реформаторы, включая разуверившихся в легитимном пути социально-политических преобразований в России фактических единомышленников сломленного императора — декабристов. Правда, последние вряд ли понимали, что они единомышленники "коронованного злодея", а "злодей", быть может, понимал. Потому и не дал хода доносам и "секретным запискам" штаба гвардейского корпуса, в которых раскрыва-

¹⁶ Эйдельман Н. Я. Революции сверху в России. — М., 1989. — С. 88.

лись состав заговорщиков и их планы, включая намерение убить государя. Оставил без последствий и сказал докладывавшему И. В. Васильчикову: "Не мне их карать!".

Крепостники и бюрократы выиграли. "Революции сверху", которыми изобилует российская история, никогда не доводились до конца. Осуществлялось, как правило, лишь то, что следовало сделать позавчера. Гора рождала мышь, вызывавшую больше недовольства "низов", чем благодарности. Да и эта мышь быстро попадала в когти контрреформаторов. Весь 19 век — как маятник, движущийся от "революции сверху" к контрреволюции тоже "сверху", порой через мятежи и кровопролития. Правление Александра — не исключение, правда, кровопролитие опоздало почти на месяц...

"Когда думаю, как мало еще сделано внутри государства, то эта мысль ложится мне на сердце, как пятипудовая гиря, от этого устаю", — говорил Александр в 1824 году¹⁷. Он завершал свое царствование утомленным и подавленным. Чувство вины, невыполненного долга, "месть юности" терзали его. Но это было в конце царствования. А в начале его, несмотря на шок, вызванный трагической смертью отца, он был настроен оптимистично. Ему казалось, что Россия ждет его преобразований, что ему суждено облагодетельствовать свой народ... Еще в 1797 году, до коронации Павла, Александр писал Лагарпу: "Я думаю, что если когда-нибудь придет мой черед править, будет гораздо лучше, чем уехать, трудиться над тем, чтобы сделать мою страну свободной и предохранить ее от того, чтобы стать игрушкой в руках безумцев. Это рождает во мне тысячи мыслей, и я прихожу к выводу, что это будет лучший вид революции, осуществляемой законной властью, которая исчезнет, как только будет введена конституция и нация будет иметь своих представителей... Когда все это осуществится, моя власть совершенно исчезнет..."

¹⁷ Миронов Г. Е. Цит. соч. — С. 64.

Пусть небо позволит нам завершить все, сделать Россию свободной и предохранить ее от всяких покушений деспотизма и тирании"¹⁸.

Лагарп, видимо, опасался, что его вступивший на престол воспитанник подойдет к делу "дарования свободы" слишком поспешно и романтически. Зная нравы русского двора и имея опыт практического политика¹⁹, он понимал, с какими опасностями сопряжена реформаторская деятельность, особенно в России, и, игнорируя оскорбительный тон александровского письма от 9 мая 1801 года, обратился к Александру с просьбой разрешить ему приехать в Петербург. Император не мог отказать "дорогому и настоящему другу"...

И Лагарп спешил в Петербург. Спешил, возможно, надеясь, что, восстановив влияние на бывшего своего воспитанника, он станет самым доверенным политическим советником императора, сделав Россию испытательным полигоном для своих политических идей. Лагарп не знал, что, соглашаясь на его приезд, Александр сказал одному из своих ближайших друзей — графу В. П. Кочубею: "...никакого влияния на дела Лагарп не окажет"²⁰.

* *
*

Черед править настал 12 марта 1801 года, и Александр сразу же начал действовать. В марте, апреле, мае почти ежедневно рассылались указы, распоряжения, именные рескрипты, главной целью которых было "...восстановление

¹⁸ Далин В. М. Александр I, Лагарп и Французская революция// Французский ежегодник, 1984. — М., 1986. — С. 144.

¹⁹ В 1798—1800 гг. Лагарп возглавлял Директорию (временное правительство) Гельветической швейцарской республики и даже пользовался диктаторскими полномочиями.

²⁰ Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. — Изд. 11-е. — Т. 26. — Стб. 360.

Император Александр I

всего того, что в государстве по сие время противу доброго порядка вскоренилось".

Восстановление... того, что в государстве... противу доброго порядка вскоренилось... Формулировка достаточно туманная. На первый взгляд может показаться, что речь идет о банальной амнистии начала царствования. Павел тоже начинал с милостей. Освободил Н. И. Новикова и Т. Костюшко, вернул из Сибири А. Н. Радищева, возвратил свободу

польским заключенным и заложникам. Но для Александра амнистия — не главное. Масштабные "милости" первых месяцев царствования²¹ — лишь демонстрация полного отказа от павловского произвола и возврата к "доброму порядку" времен Екатерины, лишь увертюра к осуществлению широкой программы либеральных реформ, выражавших, по словам В. О. Ключевского, "...два основных стремления, которые составляли содержание внутренней политики России с начала XIX столетия: это уравнивание сословий перед зако-

²¹ "В 1801 г. все были счастливы, — писал современный историк М. Я. Геллер. — 15 марта, через 4 дня после убийства Павла, новый царь простил 156 человек, в том числе Радищева. Последовавшими указами были помилованы другие жертвы свергнутого императора — всего 12 тыс. человек. Принимая во внимание немногочисленность правящего слоя, на который в первую очередь обрушился гнев Павла I, эта цифра очень внушительна. В марте были... амнистированы бежавшие за границу; объявлен свободный въезд и выезд за границу..." (Геллер М. Я. История Российской империи в трех томах. — Т. II. — М., 1997. — С. 242).

ном и введение их в совместную дружную государственную деятельность"²².

Уравнение сословий перед законом предполагало перестройку всего государственного порядка, включая ограничение самодержавия и, следовательно, определенное расширение прав органов государственного управления в центре и на местах, отмену сословных привилегий и, наконец, освобождение крестьян. Молодой император не скрывал своих политических идеалов и с первых дней царствования готовил почву для их осуществления. 30 марта 1801 года для рассмотрения и обсуждения государственных дел и постановлений был создан постоянно действующий "Непременный совет". В мае начала работу Комиссия по составлению законов, в которую был включен даже А. Н. Радищев. Руководство Комиссией Александр поручил крупному государственному деятелю екатерининского царствования графу П. В. Завадовскому. В апреле—мае сформировался так называемый Негласный комитет, или Комитет общественного спасения, как в шутку называл этот интимный кружок ближайших друзей сам император²³. «Задачей этого комитета, — писал В. О. Ключевский, — было помогать императору "в систематической работе над реформою бесформенного здания управления империей"... Положено было предварительно изучить положение империи, потом преобразовать отдельные части администрации и эти отдельные реформы завершить "уложением (так я перевожу слово constitution), установленным на основании истинного народного духа"»²⁴.

²² Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 202.

²³ Инициатива создания "Негласного комитета" для подготовки плана преобразований России принадлежит личному другу Александра I графу П. А. Строганову. Обоснования и задачи "комитета" были изложены им в специальной записке. П. А. Строганов вел для себя записи "негласных заседаний" (24 июня 1801 г. — 9 ноября 1803 г.), благодаря которым воссоздается истинная картина деятельности "комитета". "Негласные заседания" проводились до сентября 1804 года.

²⁴ Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 213.

Кроме государя, их было четверо "молодых друзей", составивших "Негласный комитет". Все четверо принадлежали к аристократической элите. Граф В. П. Кочубей (1768—1834), племянник знаменитого екатерининского вельможи светлейшего князя А. А. Безбородко, — будущий министр внутренних дел (1802—1807 и 1819—1823), председатель (1827—1832) Государственного совета и Комитета министров. Граф П. А. Строганов (1772—1817), сын самого богатого екатерининского вельможи, с 1802 года — сенатор и товарищ министра внутренних дел, единственный из "молодых друзей", кто после распада "Негласного комитета" сотрудничал с М. М. Сперанским, а после отстранения М. М. Сперанского полностью отошел от политической деятельности. Родственник П. А. Строганова Н. Н. Новосильцев (1768—1836) — будущий президент Петербургской академии наук (1803—1810), фактический правитель Польши (с 1813 г.), председатель (1832—1835) Государственного совета и Кабинета министров. Наконец, польский князь А. А. Чарторыйский (Чарторижский, 1770—1861) — долгое время самый близкий, самый интимный друг Александра. Высокомерный, коварный и одновременно романтик и страстный патриот Польши, принесший России на постах попечителя Виленского учебного округа (1803—1823) и министра иностранных дел (1804—1807), возможно, больше вреда, чем пользы²⁵.

Троим из четырех "молодых друзей" в 1801 году было за тридцать. Молодость по тем временам далеко не первая. Но юность свою они не потратили зря. Были не только талантливы, но и европейски образованы. Повидали мир, основательно познакомились с государственным устройством западных стран, особенно Англии, усвоили политические идеи просветителей. Считали себя противниками тирании и рабства, радикальными реформаторами и даже республиканцами или по меньшей мере сторонниками конституционной монархии.

На "негласных заседаниях" говорили о многом. Похоже, поначалу искренне желали осуществления радикальных социально-политических преобразований, торжества справедливости, законности и порядка. Но вряд ли знали, что для этого нужно делать. И на деле проекты радикально настроенных "молодых друзей" оказались консервативнее отклоненного Александром (не без влияния "Негласного комитета") "Положения о правах Сената", подготовленного Комиссией по составлению законов под руководством консерватора П. В. Завадовского, не говоря уже о проектах М. М. Сперанского, реформаторская деятельность которого началась после того, как "Негласный комитет" прекратил свое существование. А. Е. Пресняков справедливо отмечал, что "...в итоге обсуждения преобразовательных проектов негласным комитетом получилась программа, согласно которой не только правительство, но именно личная власть го-

²⁵ "Деятельность Чарторижского, как дипломата и как попечителя, подвергалась и подвергается суду и осуждению со стороны противоположных партий, в России и за границей, — писал академик М. И. Сухомлинов. — В его влиянии на ход дипломатических сношений русские и иностранцы видели умышленный расчет унижить Россию и поставить ее в безвыходное положение..." И далее: "...народное образование было для Чарторижского не целью, а средством. Странники всех партий, друзья и недруги Чарторижского и его системы сходятся в мысли, что постоянной и главной его целью во все время управления Виленским округом была полонизация края, без которой, по его мнению, невозможно существование польского государства... Сам Чарторижский говорит, что вступил в русскую службу с целью принести пользу Польше, и в числе доказательств принесенной им действительной пользы называет введение польского воспитания в русских областях, подпавших польскому владычеству и возвращенных России... В уставах училищ Виленского округа, обнимавшего восемь губерний и в том числе даже Киевскую, польский язык стоял на первом плане... оказалось, что не только вместо русской словесности преподается польская, но и все предметы излагаются по-польски... дошло до того, что русским юношам нельзя было учиться в русских гимназиях за незнанием польского языка... Успехи полонизации, не пощадившей самого Киева, оскорбляли народное чувство русских и раздражали общественное мнение" (Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — Т. I. — СПб., 1889. — С. 15, 17, 18, 19).

сударя должна быть единственной активной силой нововведений..."²⁶. Программу "Негласного комитета" многие считают отступлением, отказом от социальных и политических преобразований. Вряд ли такая оценка справедлива. И государь, и его сподвижники не отказывались от реформ. С учетом сложившейся расстановки сил они выработали наиболее реальные механизмы осуществления своих замыслов. И здесь, как полагают, не обошлось без лагарповых влияний...²⁷.

Лагарп приехал в Петербург в августе 1801 года, когда деятельность "Негласного комитета" только начиналась, радикализм "молодых друзей" был крайним, а надежды на быстрые перемены казались реальными. К "негласным заседаниям" он допущен не был, но с государем встречался часто, а главное — писал ему длинные и хорошо продуманные письма-инструкции. Имея большой политический опыт и возможность общаться как со сторонниками, так и с противниками александровских идей, Лагарп быстро разобрался в обстановке. Понял, как могущественны силы, противостоящие государю, как опасны поспешные непродуманные решения. И в письме Александру от 16 октября 1801 года изложил наиболее рациональный, с его точки зрения, план действий.

С радикальными политическими преобразованиями спешить не следует: расстановка социальных и политических сил неблагоприятна для их осуществления. Почти все дворянство, чиновничество, большая часть купечества — активные противники реформ. Особенно опасны те, кто "напуган французским примером": "почти все люди в зрелом возрасте; почти все иностранцы". Опорой государю в его реформаторских начинаниях могут служить лишь образованное меньшинство дворянства (точнее — образованная

²⁶ Пресняков А. Е. Цит. соч. — С. 175.

²⁷ См., например: Эйдельман Н. Я. Революции сверху в России. — М., 1989. — С. 78—80.

дворянская молодежь, особенно "молодые офицеры"), некоторая часть буржуа, "несколько литераторов". С такой армией напролом идти нельзя. Противник быстро одолеет. Поэтому, во-первых, в проведении реформ необходимы осторожность и постепенность, нужно действовать "без шума, не касаться права собственности, не говорить об освобождении и свободе", находить компромиссные варианты социальных и политических преобразований, подготавливая почву для последующих, более радикальных шагов, которые на фоне уже сделанного не будут выглядеть одиозно. Во-вторых, сдерживать натиск противников даже умеренных реформ и, следовательно, обеспечить их проведение можно, только используя силу и авторитет самодержавной власти. Демократ Лагарп будто отказывается от своих недавних республиканских и конституционных проповедей, предупреждая своего воспитанника от преждевременных шагов по ограничению самодержавной власти, созданию представительных учреждений и т. п. "Сохраняйте власть неразделенной", — призывает он Александра. И далее: "Во имя вашего народа, Государь, сохраняйте неприкосновенной власть, возложенную на вас... Не позволяйте отвращению, которое внушает вам самодержавие, сойти с этого пути. Имейте мужество удержать в своих руках власть всю целиком, безраздельно..."²⁸.

В-третьих, советует Александру как можно энергичнее основывать школы, университеты, распространять грамотность.

Хотя Лагарп известен как поборник просвещения, в кон-

²⁸ Труайя А. Цит. соч. — С. 72, 75. К аналогичному выводу (самостоятельно или под влиянием аргументов Лагарпа) вскоре пришли и "молодые друзья". На одном из "негласных заседаний" П. А. Строганов "с явным одобрением" цитировал императору записку А. А. Безбородко, составленную еще в годы царствования Екатерины: "Россия должна быть государством самодержавным. Малейшее ослабление самодержавия повлекло бы за собой отторжение многих провинций, ослабление государства и бесчисленные народные бедствия".

тексте рекомендаций о расстановке политических сил в стране, порядке проведения социальных и политических реформ, необходимости безраздельного сохранения самодержавия этот его совет на первый взгляд звучит не очень уместно. Но это только на первый взгляд. Развитие просвещения приведет к расширению социальной базы либеральных реформ, росту числа их сторонников — образованной молодежи, союзников государя, с которыми он со временем сможет сдерживать натиск консерваторов. Лагарп едва ли не впервые в России ставит вопрос о политической необходимости развития просвещения и рекомендует императору взять это дело в свои руки. Потому что тот, в чьих руках сегодня находится просвещение, завтра будет владеть общественным мнением и поддержкой молодежи. Все зависит от того, как и кого просвещать.

Не только государь, но и "молодые друзья", похоже, вняли советам Лагарпа или по меньшей мере пришли к аналогичным выводам. Об этом свидетельствуют и весьма осторожные указы по крестьянскому вопросу, и манифест от 8 сентября 1802 года об учреждении министерств, обеспечивший усиление центральной власти и предоставивший императору реальную возможность непосредственно руководить всеми жизненно важными делами в государстве. Наконец, об этом свидетельствует масштабная реформа просвещения, осуществленная в России в 1802—1804 гг., по своим последствиям, может быть, самая важная из всех реформ александровского царствования. В ней впервые отразилась "необходимость руководить общественным мнением, сдерживать его справа и слева, направлять, воспитывать умы"²⁹.

* *
*

²⁹ Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 203.

"Если задать вопрос, живем ли мы в *просвещенный* век, то ответ будет: нет, но мы живем в век *просвещения*"³⁰, — писал в 1784 году великий немецкий философ И. Кант. Слова И. Канта как нельзя более точно характеризовали ситуацию в России. Восемнадцатый век не был для России просвещенным. Но веком просвещения был. Правда, своеобразного: Н. Я. Эйдельман справедливо писал о "просвещении сверху". И парадоксальность ситуации состояла в том, что, являясь общественной потребностью, потребностью общества просвещение не было. Оно насаждалось как государственная повинность, обучение приравнивалось к государственной службе, и россияне в большинстве своем попадали в число учеников и даже студентов по принуждению.

Но так или иначе дело просвещения хотя и медленно, но продвигалось вперед. Обнаруживалось немалое число жаждущих знаний талантливых русских людей, ставших основоположниками российской науки и российской литературы, университетскими профессорами и государственными деятелями, публицистами и деятелями просвещения. И послепетровское "поколение, воспитанное под влиянием европейским, — писал А. С. Пушкин, — час от часу более привыкало к выгодам просвещения"³¹. Однако лишь Екатерина почти на закате своего царствования приступила к созданию общероссийской системы светской общеобразовательной школы по прусскому образцу и австрийским руководствам и учебникам³². Планировалось создать сеть народных училищ: двухклассных "малых" в уездных городах и четырехклассных "главных" — в губернских. При этом по меркам двухвековой давности учащиеся народных училищ должны были получать вполне сносное начальное и среднее образование. В "малых" училищах их обучали чтению,

³⁰ Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение?// Собр. соч. в шести томах. — Т. VI. — М., 1965. — С. 33.

³¹ Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века// Полн. собр. соч. в шести томах. — Т. 6. — М., 1950. — С. 7.

письму, арифметике, Закону Божию, чистописанию, рисованию; изучалась также книга "О должностях человека и ражданина". В "главных", кроме предметов "малых" училищ (первые два года обучения), преподавались грамматика с орфографическими упражнениями, сочинениями преимущественно делового характера — письма, счета, расписки и т. п.), история, география, основы геометрии, механики, физики, естественной истории и гражданской архитектуры. Ученики "главных" училищ, изъявлявшие желание продолжить образование в университете, дополнительно изучали латинский и один из современных европейских языков.

Создание народных училищ оказалось делом исключительно трудным. Органы местного управления, на счет которых было отнесено содержание училищ, пытались сократить свои траты до минимума в ущерб учительскому жалованью и школьному благоустройству. Кроме того, желающих учиться в училищах оказывалось немного. В губернских городах это касалось старших классов "главных народных училищ". Родители учащихся не видели пользы для своих детей в общем образовании и стремились ограничить их обучение двумя классами. В результате полное среднее образование получали лишь единицы. В Архангельской губернии, например, из 1432 человек, обучавшихся в "главном народном училище" в течение 1786—1803 гг., полный

³² "Во второй половине XVIII в. образцовым типом общеобразовательной школы считалась прусская. По прусскому образцу реформированы были австрийские училища (1774) под руководством самого устроителя прусской школы и реформатора школьного дела Фельбингера". Екатерина обратилась в Австрию, и в 1780 г. Иосиф II по ее просьбе прислал в Петербург образцы австрийских учебников, а в сентябре 1782 г. для перевода учебников, личного руководства будущими учителями в Россию из Австрии прибыл известный педагог Ф. И. Янкович де Мириево, "трудившийся уже по устройению народных училищ, знающий язык российский и исповедующий православный закон". (Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры в трех томах. — Т. 2. — Ч. 2. — М., 1994. — С. 286).

курс окончили только 52. Еще хуже обстояло дело с "малыми народными училищами", расположенными в уездных городах, где потребность в образовании ощущалась меньше, чем в губернских.

Тем не менее к концу царствования Екатерины (1796) усилиями "Комиссии об устройстве народных училищ", учрежденной в 1782 году под руководством П. В. Завадовского³³, было открыто 316 народных училищ, в том числе 43 "главных"³⁴. В них обучались 17,3 тыс. учащихся, работали 744 учителя. Была налажена подготовка учителей: с 1783 года в Петербургском главном народном училище, с 1786 года — в выделившейся из него Учительской семинарии. Сдвиги были налицо, но не столь существенные, как ожидалось. В общеобразовательных светских школах обучалось меньше одной десятой процента населения страны. Единой общероссийской системы народного образования, "просвещения, распространенного повсюду", создано не было. Сделанное Екатериной и ее сподвижниками не изменило и не могло изменить культурный облик страны, отношение большинства населения к образованию. Однако наследие Екатерины в деле просвещения было хотя и

³³ Комиссия должна была разработать уставные документы, открыть народные училища, "предписать способы учения, издать полезнейшие для них книги, содержащие в себе главные, нужные человеку сведения, которые возбуждают охоту к дальнейшим успехам, служат ему ступенью к высшим знаниям и сами собой достаточны уже для гражданской жизни народа, выходящего из мрака невежества". В состав Комиссии, кроме П. В. Завадовского, входили П. И. Пастухов, О. П. Козодавлев, А. В. Храповицкий, академик Ф. Эпинус, Ф. И. Янкович де Мириево и др. В 1782—1786 гг. были подготовлены: "План к установлению народных училищ в Российской империи", "Устав народных училищ", "Правила для учащихся народных училищ", "Руководство учителям первого и второго разряда народных училищ Российской империи".

³⁴ Здесь и ниже приведены данные П. Н. Милюкова (Милюков П. Н. Цит. соч. — С. 275). А. А. Фортунатов сообщает, что "всего при Екатерине открыто 233 училища, из них главных — 43". (Фортунатов А. А. Школьное дело//Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. — Т. 50. — Б.г. — Стб. 128.)

не богато, но перспективно. Оно нуждалось в преумножении и реформировании. Требовались принципиальные, стратегические решения. Разработкой их и занялся "Негласный комитет" уже в первые месяцы царствования Александра³⁵.

"Молодым друзьям", да и самому Александру было над чем размышлять. В их политической стратегии просвещение было не только целью, но и средством. Средством формировать и "руководить общественным мнением", "направлять, воспитывать умы". Воспитывать в духе либеральных идей. Воспитывать опору в противостоянии с консервативным дворянским большинством, имея в виду будущее "уравнение сословий перед законом". И значит, просвещать и воспитывать все сословия, прежде всего дворянство, с тем чтобы плоды просвещения не привели к значительному изменению сложившейся сословной иерархии российского общества.

Для реализации этого замысла совета Лагарпа энергичнее открывать школы, училища, университеты было недостаточно. Опыт Екатерины показал, что само по себе открытие учебных заведений не может достаточно быстро переломить ситуацию, изменить отношение большинства населения к образованию. И хотя Лагарп неоднократно пытался убедить Александра, что неудачи екатерининской реформы связаны главным образом с недобросовестностью, нерасторопностью и некомпетентностью "Комиссии об устройстве

³⁵ Первый документ, относящийся к вопросам образования и науки, появился спустя год после восшествия Александра на престол. 18 марта 1802 г. он подписал указ об учреждении Особого комитета для пересмотра уставов и штатов Петербургской академии наук, Российской академии, а также штата Московского университета. В состав Комитета вошли: сенаторы М. Н. Муравьев и граф С. О. Потоцкий, профессор Ф. Баузе, академик Н. И. Фус и "производитель дел" В. Н. Каразин. (Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802—1902 гг. — СПб., 1902. — С. 56; Лысенко В.И. Николай Иванович Фус. — М., 1975. — С. 119.)

народных училищ" и ее руководителя³⁶, похоже, и государь, и "молодые друзья" понимали: причины этих неудач глубже и серьезнее. Так что, видимо, в недрах "Негласного комитета" созрели две важнейшие идеи, сделавшие александровскую реформу просвещения более результативной, чем екатерининская.

Первая: создать, говоря современным языком, единый центр управления просвещением, объединив его со всеми идеологическими институтами государства (наука, печать, цензура и т. п.). Вторая: ввести образовательный ценз на занятие должностей в государственном аппарате, поставить продвижение по службе и получение гражданских чинов в зависимость от уровня образованности.

Первая идея была реализована сравнительно быстро: высочайшим манифестом от 8 сентября 1802 года в рамках проводимой административной реформы было учреждено Министерство народного просвещения. Всего министерств учреждалось восемь по самым важным направлениям государственной деятельности, и просвещение, таким образом, по своей значимости как бы приравнивалось к армии, флоту, иностранным делам, юстиции, внутренним делам, финансам. В ведение министерства входили: Главное правление училищ, Академия наук, Российская академия, универ-

³⁶ "О таком неимоверном (169 школ в 1787 году), — писал Лагарп Александру, — много говорили в свое время, награды посыпались тому, кто приписывал себе это чудо, а также и клиентам чудотворца. Награды розданы, и чудеса прекратились". "В деле народного просвещения, — читаем мы в другом письме Лагарпа, — не допустите повториться тому, что произошло в царствование вашей августейшей бабки, которая была воодушевлена прекрасным намерением распространить образование, но которую обманули, устроив наскоро несколько блестящих заведений. Запретите шеголять внешним блеском, возбуждающим шумные толки в ущерб действительной пользе. Велите разоблачать обман, срывать маски и позлащенный хлам, и да постигнет шарлатанов заслуженное ими наказание" (Хотеев В., Чернета В. Министр просвещения граф П. В. Завадовский // Высшее образование в России. — 1997. — № 1. — С. 124, 129.)

ситеты и другие учебные заведения, типографии, цензура, "издание периодических сочинений", народные библиотеки, музеи и "всякие учреждения, какие впредь для распространения наук заведены быть могут"³⁷. Видимо, поэтому глава нового ведомства назывался "министром народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук".

Существовавшая с 1782 года "Комиссия об устройстве народных училищ" не была ликвидирована: на первых порах она сохранила организационную самостоятельность, работая под председательством министра народного просвещения, но указом императора от 8 сентября 1802 года "О должности комиссии училищ"³⁸ переименована. В обязанности Комиссии в соответствии с указом входило: разделить училища по полосам, учредить новые университеты "и представить план правил, на которых должны быть основаны сношения и зависимость окружных училищ от центральных университетов, и сих последних от членов комиссии". Членами комиссии были назначены: А. А. Чарторыйский, С. О. Потоцкий, генерал-майоры Ф. И. Клингер и Хитров, академики Н. Я. Озерецковский и Н. И. Фус, делопроизводитель В. Н. Каразин. Реально Комиссия работала в более широком составе.

Широта полномочий и политическая значимость определили особое отношение императора к подбору руководителей нового ведомства и в первую очередь будущего Главного правления училищ, которое при решении основных своих задач действовало как орган коллегиальный. Это были отнюдь не "чиновники третьеразрядного значения", как по непонятным нам причинам писал о них Ф. Р. Бородулин³⁹,

³⁷ Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 4.

³⁸ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 37.

³⁹ Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова//Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 12.

а, напротив, люди образованные, независимые и весьма влиятельные. Достаточно сказать, что из четверых "молодых друзей" — членов "Негласного комитета", который в этот период еще активно функционировал, в состав руководства Министерства народного просвещения как члены Главного правления училищ вошли трое — Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов и А. А. Чарторыйский. Товарищем министра был назначен бывший воспитатель Александра М. Н. Муравьев. Это был широко

Петр Васильевич Завадовский
(1739—1812) — министр народного
просвещения (1802—1810)

образованный человек, известный как в России, так и за рубежом. Любопытно, что в связи с назначением М. Н. Муравьева товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского учебного округа "иностранная пресса пророчила Московскому университету блестящую будущность, полагая, что он не только может превзойти университеты других стран Европы, но и в самой Германии немногие университеты будут в состоянии выдержать с ним соперничество"⁴⁰. Об этих людях известно точно: тогда они пользовались полным доверием государя.

Сложнее понять выбор кандидатуры министра — графа П. В. Завадовского. Против его назначения активно выступал Лагарп, возможно, сам в душе надеявшийся, что Александр поручит ему разработку и проведение реформы про-

⁴⁰ Сухомлинов М. И. Цит.соч. — С. 13.

свещения. Лагарп убеждал государя, что П. В. Завадовский проявил полную неспособность руководить народным образованием еще в бытность его председателем екатерининской училищной комиссии, что он — человек чрезвычайно надменный, корыстолюбивый, недобросовестный и консервативный. "Молодые друзья" тоже не были, мягко говоря, поклонниками талантов П. В. Завадовского. Более того, высказывается мнение, что и сам государь "недолюбливал" П. В. Завадовского и неоднократно за глаза высказывался о нем весьма нелестно.

Но выбор был сделан в пользу П. В. Завадовского, и, как это нередко бывало с Александром, этот выбор оказался политически безупречным. Принимая политические решения, Александр умел быть выше собственных симпатий и антипатий и при необходимости действовать вопреки мнению приближенных, проявлять политическую волю. Тому много примеров, и случай с назначением П. В. Завадовского в этом отношении типичен. Ведь "недолюбливал" — не значит не доверял или считал неспособным для выполнения ответственных поручений. Не случайно же он вспомнил об опальном графе в первый день своего царствования и направил ему в имение именной рескрипт, призывая незамедлительно прибыть в Петербург⁴¹, а в начале мая 1801 года назначил его председателем Комиссии по составлению законов. К тому же Александр, особенно в первые годы царствования, нуждался и в поддержке, и в помощи екатерининских вельмож. И не только потому, что на примере собственного отца знал, на что они способны. Он нуждался в их опыте, упорстве, умении решать сложные политические и государственные задачи. Ведь при всей безнравст-

⁴¹ "Граф Петр Васильевич, — говорилось в рескрипте, — при самом начале вступления моего на престол я вспомнил и верную вашу службу, и дарования ваши, кои на пользу ея вы всегда обращали. В сем убеждении желаю, чтобы вы поспешали приехать сюда принять уверение изустное, что я пребываю вам, доброжелательный Александр" (Хотеев В., Чернета В. Цит. соч. — С. 127).

венности и неискренности екатерининского двора среди "питомцев гнезда Екатерины" было немало крупных государственных людей. Не чиновников, а личностей, способных четко и беспрекословно выполнять и волю, и капризы матушки-императрицы. В непосредственном окружении Александра таких людей не было. "Молодые друзья" были и талантливы, и образованны, и блестящи, и полны великих замыслов, но опыта государственной деятельности не имели. К тому же они уж слишком демонстрировали свою независимость, постоянно стремились показать, что участвуют в обсуждении государственных дел добровольно — не по службе, а по дружбе. Российского императора такое положение должно было раздражать. Необходим был противовес. И государь, в душе недружелюбно и даже презрительно относившийся ко многим екатерининским придворным, сообразуясь с политическими реалиями, внешне был ласков, радушен и мягок с людьми "бабушкиного века", доверяя им управление многими вопросами текущей политики.

П. В. Завадовский в связи с этим должен был устраивать Александра больше, чем другие. И не только потому, что он владел уникальным опытом руководства "Комиссией об устройстве народных училищ", — в годы царствования Екатерины и Павла П. В. Завадовскому поручались многие серьезные дела: он возглавлял комиссию по строительству Исаакиевского собора, был одним из создателей банковского дела в России, много занимался вопросами совершенствования законодательства — главное заключалось в свойствах его личности.

Во-первых, П. В. Завадовский по складу характера был разумным консерватором, не любившим крайностей реформаторского радикализма. Способность к созиданию, постепенному и основательному, он считал главным качеством государственного деятеля и как мог препятствовал преждевременному разрушению имевшихся учреждений, пока не созданы и не встали "на ноги" новые. Более того, он, может быть, как никто другой, понимал, что создание общерос-

сийской системы просвещения — процесс длительный, требующий не только кропотливой работы и постоянного внимания, но и терпения. "Ты смотришь так скорее на зародыш в настоящем быту его, — писал П. В. Завадовский графу А. Р. Воронцову в ответ на его пессимистическую оценку перспектив развития просвещения в России, — а мою мысль занимает будущий его возраст. Обыкновенно всех вещей великих начатки скудны и малы. Не суди о бесплодии училищ по тому, что теперь не обилуют учащиеся. Еще вкус к наукам не возродился в народе: а чем же его поселить, как не возведением общих училищ? Не таковыми ли средствами и все другие государства стяжали просвещение? Как можно хотеть того, чтобы заря равнялась светом солнечному полдню? Эта часть такова: надобно сеять, трудиться с терпением; а одно время приносит плоды"⁴².

Во-вторых, независимо от меры своего влияния, П. В. Завадовский никогда не вел самостоятельной политической игры, не был замечен в дворцовых интригах, а в своей деятельности не выходил за рамки предоставленных полномочий. Он был исполнителем, инициативным, деятельным, четким и добросовестным, и Александр не случайно в цитированном выше именном рескрипте отметил отдельно два основных достоинства П. В. Завадовского — "верную вашу службу" и "дарования ваши". Он был верен тому, кому служил. Иначе не умел. И наверняка для Александра было существенно, что П. В. Завадовский, пользовавшийся "особой доверенностью" Екатерины, верно служил Павлу, а после несправедливой опалы не предпринимал никаких антипавловских действий, хотя оппозиция политике Павла при дворе была уже сильна. Правда, после того как Павел одумался и пересмотрел свое решение, П. В. Завадовский отказался продолжить службу и удалился в свое имение. Он был глубоко оскорблен и не мог быть верен тому, кто его

⁴² Там же. — С. 133.

несправедливо оскорбил. А раз не мог быть верен, то не мог и служить.

Наконец, нельзя не отметить редкого даже для профессионального администратора умения П. В. Завадовского "работать в команде". Он был доброжелателен и внимателен к подчиненным, ценил их способности, не боялся держать рядом с собою талантливых людей. И не просто держать, а открыто признавать их таланты. Он умел создавать атмосферу неподдельного интереса к порученному делу, обстановку, в которой "свободно высказывались мысли, велись доброжелательные споры и предлагались конкретные пути практического осуществления реформ". Такая атмосфера царилa и в "Комиссии об устройстве народных училищ", и в Министерстве народного просвещения, способствуя высокой результативности проводимой работы. И может быть, прежде всего поэтому академик М. И. Сухомлинов, специально исследовавший александровскую реформу просвещения, называл выбор Александра "счастливым" и писал, что "время управления министерством Завадовского останется навсегда блестящею эпохою в истории народного просвещения в России"⁴³. Может быть, прежде всего поэтому Александр, "подсадив под Завадовского" сразу трех членов "Негласного комитета" "для учебы", вероятно, надеясь быстро заменить престарелого министра⁴⁴, не отправлял П. В. Завадовского в отставку до 72 лет, систематически награждая его и оказывая ему всяческие знаки внимания. Может быть, поэтому представляется недостаточно обоснованным мнение некоторых историков, утверждавших, что "личность первого министра вообще не играла никакой роли в реформах просвещения этого периода..." и что "...их проведение полностью было обязано кругу лиц, приближенных к императору", даже если П. В. Завадовский лично не подготовил для этой реформы ни одного документа.

⁴³ Сухомлинов М. И. Цит. соч. — С. 9.

⁴⁴ П. В. Завадовский был назначен министром в возрасте 63 лет.

В состав Главного правления училищ вошли также граф С. О. Потоцкий, начавший заниматься вопросами русского просвещения еще в марте 1802 года, и "ученые специалисты по всем вопросам в области наук", занимавшиеся "рассмотрением учебных книг, распределением предметов преподавания, выбором руководств и т. п.": Ф. И. Янкович де Мириево, переводчик с греческого И. И. Мартынов, академики Петербургской академии наук Н. Я. Озерецковский, С. Я. Румовский и Н. И. Фус.

* *
 *

"Комиссия училищ" просуществовала 4,5 месяца (до реальной организации Министерства народного просвещения), и, по-видимому, к началу ее работы основные установки "по устройству народного просвещения в Российской Империи" были продуманы и основательно проговорены на уровне "Негласного комитета". Отсюда четкость и конкретность поставленных перед Комиссией задач. "Негласный комитет" не был государственным органом и не обладал, говоря современным языком, правом законодательной инициативы. Поэтому специальная комиссия, состоявшая из сторонников идеи создания единой общероссийской системы просвещения, была наиболее надежным инструментом, позволявшим, минуя Сенат, быстро и квалифицированно подготовить необходимые документы непосредственно для государя. И А. А. Чарторыйский был введен в состав "Комиссии училищ" скорее всего для того, чтобы официально внести мнение "Негласного комитета" "относительно преобразований в устройстве народного просвещения в Российской Империи". Но Комиссия должна была не просто одобрить установки "Негласного комитета". Требовалось оценить их реалистичность, отшлифовать, придать им форму государственного документа, на основе которого могли бы работать все звенья государственного аппарата. В этом

смысле формулировки поручений, данных Комиссии: "сочинить общий план училищ и план правил, на которых должны быть основаны сношения и зависимость окружных училищ от центральных университетов, и сих последних от членов комиссии", "сделать начертание, в которых городах Российской Империи выгоднее и удобнее завести университеты с назначением в зависимость их училищ, состоящих в прилегающих к ним губерниях", — были предельно точны. Государь понимал, что его ближайшие соратники еще недостаточно подготовлены для государственной службы.

За короткий срок⁴⁵ Комиссия рассмотрела много вопросов, но основное внимание было обращено на обсуждение двух записок, представленных А. А. Чарторыйским, — "Начала для образования народного воспитания в Российской Империи" и "Предначертания устава об общественном воспитании". Они были обширны⁴⁶, но не содержали каких-либо принципиально новых положений. В новых положениях и не было большой необходимости. Россия не первой в Европе создавала единую систему просвещения. "Во второй половине восемнадцатого века, — писал по этому поводу академик М. И. Сухомлинов, — появляется в различных странах Европы несколько планов устройства народного просвещения, сходных между собой по идеям, положенным в основу, и по стремлению создать полную систему народных училищ, сообразно с тогдашними понятиями о потребностях, правах и обязанностях гражданина". И если Екатерина решила воспользоваться австрийским опытом, то А. А. Чарторыйский принял в качестве образцов знаменитый проект Ж. Кондорсе, представленный в 1792 году

⁴⁵ П. В. Завадовский задал исключительно жесткий режим работы Комиссии. Каждому члену Комиссии были даны конкретные поручения. С 13 сентября по 18 октября 1802 года Комиссия заседала раз в неделю, с 18 октября до середины декабря — два раза в неделю. Итоговый документ был представлен государю в конце 1802 года.

⁴⁶ Например, записка "Начала для образования народного воспитания в Российской Империи" состояла из десяти "отделений" и ста двух статей.

Законодательному собранию революционной Франции, и устав эдукационной комиссии польского сейма, утвержденный в 1783 году⁴⁷.

Не исключено, что выбор А. А. Чарторыйским, а следовательно, и "Негласным комитетом" франко-польских образцов для реформирования просвещения в России вызвал определенное недовольство не только в консервативных кругах, но и у членов "Комиссии училищ". Во всяком случае, записки А. А. Чарторыйского обсуждались особенно тщательно. А представленный государю в конце 1802 года доклад "Об устройении училищ и распространении наук в Российской Империи", составленный В. Н. Каразиным, хотя и сохранял предложения А. А. Чарторыйского о типах учебных заведений и их взаимоотношениях, численности и географии учреждаемых университетов и учебных округов, но как по форме, так и по содержанию существенно отличался от текста его записок. Но как бы то ни было, а положения, изложенные в записках А. А. Чарторыйского, легли в основу единой общероссийской системы просвещения, и это позволяет говорить о важной роли, которую сыграл "Негласный комитет" в осуществлении реформы просвещения в России в начале 19 века.

Доклад "Комиссии училищ" получил высочайшее одобрение, и 24 января 1803 года Александр подписал два указа — "Об утверждении Предварительных правил Народного

⁴⁷ Сухомлинов М. И. Цит. соч. — С. 40—42. Ф. А. Петров отмечает, что на основе "плана Кондорсе" были разработаны лишь "принципы построения единой многоступенчатой системы народного образования, основанные на строгой иерархии...". Что касается "примера Франции" в целом, то он "не подходил в силу того утилитарного характера, которое там приняло университетское образование..." (Университет для России: Московский университет в alexандровскую эпоху. — М., 2001. — С. 159). Если первое утверждение представляется справедливым, то второе вызывает сомнение. В период разработки основных документов реформы просвещения 1802—1804 гг. университетского образования во Франции не существовало. Декретом Конвента от 17 августа 1782 г. все французские университеты, "как оплот вредоносной схоластики", были закрыты.

просвещения"⁴⁸ и "Об учреждении учебных округов"⁴⁹, которыми законодательно устанавливались: единство системы просвещения в России, ее государственный характер, типы учебных заведений и порядок управления ими. В течение 1803—1804 годов были утверждены уставы для всех типов учебных заведений и учреждены университеты в Казани и Харькове.

В соответствии с принятыми документами вся территория империи делилась на шесть учебных округов (Московский, Петербургский, Казанский, Виленский, Дерптский и Харьковский) и устанавливалось четыре типа учебных заведений: приходские, уездные, губернские училища и университеты. Университеты учреждались в городах, являвшихся центрами учебных округов. Губернские училища или гимназии открывались в каждом губернском городе империи, уездные — во всех губернских и уездных городах, приходские — во всех городах и, кроме того, "во всяком церковном приходе или двух приходах вместе". Создать и развивать сеть этих учебных заведений⁵⁰, обеспечивать их кадрами преподавателей, содержать за счет казны университеты и гимназии — составляло отныне обязанность государства. Одновременно государство брало на себя функции управления просвещением и надзора за ним. «Народное просвещение в Российской Империи, — говорилось в параграфе первом "Предварительных правил", — составляет особую Государственную часть, вверенную Министру сего отделения и под его ведением распоряжаемую Главным Училищ Правлением»⁵¹. Главное правление училищ — высший, а точнее — центральный орган управления просвещением,

⁴⁸ Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 13—21.

⁴⁹ Там же. — Стб. 21—22.

⁵⁰ Накануне реформы планировалось вновь открыть 4 университета, 42 гимназии и 405 уездных училищ (М и л ю к о в П. Н. Цит. соч. — С. 283).

⁵¹ Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 13—14.

состоял из лиц, назначаемых лично императором. Шесть членов Главного правления в соответствии с указом Александра от 24 января 1803 года стали попечителями учебных округов: Московского — тайный советник М. Н. Муравьев, Петербургского — действительный камергер Н. Н. Новосильцев, Виленского — тайный советник князь А. А. Чарторыйский, Дерптского — генерал-майор Ф. И. Клиnger, Харьковского — тайный советник граф С. О. Потоцкий, Казанского — тайный советник граф Мантейфель (с 20 июня 1803 года — академик С. Я. Румовский). Попечители представляли интересы своих округов в Петербурге, а на месте учебными заведениями округа должен был руководить университет. В трех округах (Московском, Виленском и Дерптском) университеты уже существовали, их надлежало ориентировать на выполнение новых задач. В остальных — "первейшей целью попечителя" было учреждение университета и налаживание его работы. Губернское звено системы просвещения возглавлял директор гимназии, являвшийся одновременно директором уездных училищ. Наконец, смотритель уездного училища был начальником приходских училищ своего уезда. Принятый порядок управления, с одной стороны, до известных пределов освобождал учебные заведения от вмешательства полуграмотных местных чиновников, полностью передавая руководство учреждениями просвещения в руки действующих профессионалов. С другой — надзор за деятельностью "нижестоящих" учреждений просвещения поручался руководителям учебных заведений, в которых выпускники поднадзорных училищ будут продолжать образование. Такой надзор, по замыслу членов "Комиссии училищ", должен был способствовать единообразию требований и преемственности в работе учебных заведений хотя бы в пределах одного учебного округа. Конечно, в дальнейшем для гимназий и даже уездных училищ были подготовлены профессиональные педагоги, но порядок управления учебными заведениями к этому времени уже изменился.

Власть и надзор за образованием перешли в руки чиновников от просвещения.

Взаимоотношения между вновь создаваемыми начальными и средними учебными заведениями коренным образом отличались от таковых в екатерининской общеобразовательной школе. Если в екатерининском "главном" училище в первых двух классах изучался курс "малого" и, следовательно, полное среднее образование можно было получить, обучаясь в одном учебном заведении ("главном" училище) или, закончив "малое" училище, поступить сразу в третий класс "главного", то каждое из александровских училищ имело собственную, не повторяющуюся в других училищах программу и в учебном отношении представляло собой самостоятельный и необходимый для дальнейшего обучения этап образования. Иными словами, для получения полного среднего образования теперь было необходимо последовательно обучаться в трех учебных заведениях, высшего образования — в четырех. "Екатерининская школа, — писал П. Н. Милюков, — была... одна для всех; во всякой школе можно было начать ученье сначала и бросить, когда кто хотел. С такой системой достигалось единство образования, но нельзя было высоко поднять его уровня. Напротив, александровская система связывала все учебные заведения в одну непрерывную цепь, так что низшая школа по необходимости являлась главным образом ступенью к высшей. Если первую систему можно представить себе в виде концентрических кругов, то вторая скорее похожа на лестницу, низом своим опирающуюся на народную массу, а верхом достигавшую университета"⁵².

Уровень образования предполагалось повысить главным образом за счет значительного увеличения продолжительности обучения. Если в екатерининской школе полное среднее образование можно было получить за четыре года, то в александровской для этого требовалось учиться семь лет: один год — в приходском училище, два — в уездном и

⁵² Милюков П. Н. Цит. соч. — С. 293.

четыре — в гимназии. Соответственно расширились и усложнились учебные программы. В приходском училище, кроме "начатков" Закона Божия, арифметики, а также кратких сведений по сельскому хозяйству и связи с природоведением и гигиеной, дети должны были основательно обучаться чтению и письму так, чтобы на последующих этапах обучения к этим предметам уже не возвращаться. В уездном училище изучение Закона Божия и арифметики углублялось. Кроме того, преподавались грамматика, орфография и стилистика, геометрия, история, а также начала физики, естественной истории и технологии в применении к местным производствам. В гимназиях предусматривались достаточно обширная для своего времени программа по физико-математическим и естественным наукам, дополнительный курс истории и географии, литература, языки — латинский, из современных — немецкий или французский; преподавание коммерции и технологии, а также философских и общественных наук, обычно изучавшихся в университете: логики, психологии, этики, эстетики, естественного и народного права, политической экономии⁵³.

Увеличение продолжительности обучения и усложнение учебных программ не способствовали популярности как реформы просвещения в целом, так и вновь создаваемых учебных заведений и прежде всего гимназий. Как известно, трудности с "наполнением" екатерининских "главных" и даже второго класса "малых" училищ не были связаны с недовольством учащихся и их родителей недостаточно высоким уровнем получаемого в них образования. Напротив, буквально со всех сторон раздавались жалобы на ненужность многих предметов преподавания и длительность сроков обучения. Училища "не обиловали учащимися", екатерининская школа не сумела, а скорее всего — не успела "возродить" в народе "вкус к наукам". Но разработчики реформы были убеждены, что "поселить его" можно лишь "возве-

⁵³ Фортунатов А. А. Цит. соч. — Стб. 129—130.

дением общих училищ". Причем училищ, предоставляющих возможность получить образование, соответствующее требованиям времени. А поскольку быстро передать свою убежденность подавляющему большинству свободного населения, в том числе дворянству, реформаторы не надеялись, были предусмотрены меры, стимулирующие "возрождение" в народе "вкуса к наукам" — своеобразные кнут и пряник. Пряник состоял в том, что гимназия обеспечивала прямой путь в университет, выпускники которого получали обер-офицерский чин. Пряник, правда, поначалу оказался недопеченным: гимназические программы не были состыкованы с университетскими, и для того, чтобы гимназии действительно готовили учащихся к слушанию университетских курсов, потребовалось радикально реформировать преподавание в них. С кнутом дело было продумано основательней. Им стало введение образовательного ценза на получение гражданских чинов. "Ни в какой губернии, спустя пять лет по устройении в округе, к которому она принадлежит, на основании сих правил, училищной части, никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище"⁵⁴, — говорилось в "Предварительных правилах". И эта угроза правительства не осталась только на бумаге: 6 августа 1809 года вышел знаменитый указ об экзаменах на чин⁵⁵, подготовленный М. М. Сперанским, целью которого было преградить дворянству путь "достигать чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним пребыванием и счислением лет службы". Отныне всякий, кто хотел получить чин коллежского асессора⁵⁶, должен был сдать экзамен в университете.

⁵⁴ Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 17.

⁵⁵ Там же. — Стб. 582—589.

⁵⁶ Коллежский асессор — высший обер-офицерский гражданский чин (VIII класс), соответствовал военному чину капитана. До 1845 г. давал потомственное дворянство, позднее — только личное.

Надо сказать, что дворянство и чиновничество сдались не сразу и сумели получить определенные привилегии. В частности, для повышения образовательного уровня чиновников и подготовки их к экзамену на чин при университетах создавались "особые" упрощенные курсы. Они, конечно, не могли заменить серьезного систематического образования, но иного выхода у правительства не было. Для того чтобы новая школа (средняя и высшая) подготовила достаточное количество образованных людей, пригодных для работы в государственном аппарате, требовалось время. Между тем создание новых учебных заведений продвигалось не слишком быстро: в 1809 году в четырех учебных округах было открыто 26 гимназий на 39 губернских городов и 72 уездных училища на 436 городов⁵⁷. Уступило правительство и требованиям дворянства, открыв специальные учебные заведения, главным образом для стремившихся к военной карьере, а также сословные учебные заведения — Царскосельский лицей, благородные пансионы при университетах и крупных гимназиях. Их учебные программы отличались от программ обычных гимназий значительно сокращенным объемом преподавания физико-математических, естественных и философских наук, а существенно большее внимание уделялось изучению новых (современных) иностранных языков, "изящной словесности" и воспитанию хороших манер. Но даже при этих условиях большинство дворянства не доверяло "казенному воспитанию" и предпочитало частные пансионы или домашнее образование, приглашая для своих детей специальных учителей и гувернеров, чаще всего иностранцев. В этих случаях изучением новых языков и воспитанием хороших манер и светского поведения образование нередко и ограничивалось, что, кстати говоря, не мешало воспитанникам частных пансионов и домашних учителей блистать в обществе "онегинским" уровнем образованности.

Эти привилегии, на первый взгляд не особенно противо-

⁵⁷ Милюков П. Н. Цит. соч. — С. 283.

речившие правительственной идеологии развития просвещения и вроде бы свидетельствовавшие о том, что представители всех свободных сословий российского общества начали "привыкать к выгодам просвещения", а точнее — мириться с необходимостью получения образования, имели, однако, и неблагоприятные последствия. И дело не только в том, что они отвлекали дворянскую молодежь от обучения в гимназиях и университетах. Главное состояло в том, что в первую очередь поверхностный и потребительский характер частного и домашнего образования, более эффективного, нежели основательного, эта "роскошь полужнания" породили в среде дворянской молодежи и "праздность ума", и "своеволие мыслей", и "порывы мечтательных крайностей", с которыми вскоре столкнулось правительство и которые стали одной из важных причин политических и нравственных потрясений в стране. Ветер был посеян, и буря не заставила себя долго ждать.

* *
*
* *

"При внимательном рассмотрении и оценке всех данных, в которых обнаруживается деятельность главного правления училищ в царствование Александра I, — писал М. И. Сухомялинов, — открывается, что самыми главными предметами, требовавшими наибольшей энергии со стороны министерства, были: учреждение и дальнейшая судьба университетов и устройство цензуры"⁵⁸.

Действительно, два новых "русских университета" — Казанский и Харьковский⁵⁹ — были учреждены в рекордно

⁵⁸ Сухомялинов М. И. Цит. соч. — С. 34.

⁵⁹ В литературе прошлого и начала 20 века из числа университетов, находившихся на территории Российской империи, нередко условно выделялись "русские университеты", располагавшиеся в пределах "Великой, Малой и Белой России". В первой четверти 19 века к ним относились Московский, Казанский, Харьковский и Петербургский.

короткие для России сроки. В соответствии с уставами, Московскому, Казанскому и Харьковскому университетам предоставлялись достаточно широкие права, особенно в вопросах, касавшихся организации и содержания учебного процесса. Власть попечителя не распространялась на учебные и "ученые" дела университета, ограничивалось его вмешательство и во внутриуниверситетскую жизнь. Совет университета, состоявший из профессоров и адъюнктов, объявлялся "высшей инстанцией по делам учебным и по делам судебным"⁶⁰. Разумеется, полномочия Совета "по делам учебным" ограничивались действующим уставом. И если уставом определялось, что в университете организуется четыре факультета или отделения (нравственных и политических наук, физических и математических наук, врачебных или медицинских наук и словесных наук)⁶¹ и что преподавание в университете ведется по 28 "главным курсам" и, следовательно, имеется 28 должностей ординарных профессоров, то увеличить или уменьшить число или изменить профиль факультетов и кафедр Совет университета самостоятельно не мог. Это составляло прерогативу министерства, которое рассматривало предложения советов университетов по этим вопросам только по представлению попечителя. Однако вводить дополнительные должности адъюнктов и "кроме главных курсов... назначить дополнительные, смотря по обстоятельствам..."⁶², Совет право имел. Совет избирал профессоров, адъюнктов и почетных членов, назначал преподавателей в гимназии и уездные училища округа, по представлению профессоров утверждал "сочине-

⁶⁰ Устав Императорского Московского университета//Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 304. Поскольку тексты уставов Московского, Казанского и Харьковского университетов были "почти буквально" идентичны, здесь и далее даются сноски на "Устав Императорского Московского университета".

⁶¹ Там же. — Стб. 299—300.

⁶² Там же. — Стб. 301.

ния", которыми они должны пользоваться для лекций, "распределял курсы" и т. д. При этом права членов Совета были неодинаковы. Адъюнкты не имели права голоса на выборах.

"По делам судебным" еще "Предварительными правилами" университетам и, в частности, Совету предоставлялось исключительное право "внутренней расправы над подчиненными им лицами и местами", причем обжаловать приговор университетского Совета можно было только в правительствующий Сенат. Полиция не имела права предпринимать какие-либо действия в отношении сотрудников и студентов университетов.

Функции руководства учебной и административно-хозяйственной работой разделялись. Совет университета избирал из числа ординарных профессоров ректора университета и деканов факультетов сроком на один год. Ректор председательствовал на заседаниях Совета, определял повестку дня заседаний, осуществлял внешнее представительство, в том числе взаимодействовал с попечителем и органами управления губерний, входивших в состав учебного округа. Декан представлял интересы факультета, председательствовал, определял повестку дня факультетских Советов или собраний, на которых должны были решаться все вопросы, "до факультета касающиеся", включая организационно-методические и финансовые. Правда, автономия факультетов была весьма ограниченной: все без исключения постановления факультетских собраний должны были утверждаться Советом университета⁶³. Административно-хозяйственными вопросами занималось Правление университета. Его председателем был ректор, а членами — деканы факультетов и один из профессоров, назначаемый Советом на должность заседателя⁶⁴.

В соответствии с уставом университеты имели собствен-

⁶³ Там же. — Стб. 308.

⁶⁴ Там же. — Стб. 295—296.

ные типографии и цензуру "для всех сочинений, издаваемых его членами и печатаемых в его округе, а также... выписываемых им из чужих краев", причем книги, издаваемые по решению Совета, цензуре не подлежали. Этот порядок распространялся и на учебную литературу, в том числе на учебники для гимназий и уездных училищ. Примечательно, что в библиотеке университета могли храниться "все печатные и рукописные сочинения, которые нужно иметь по мнению факультетов", в том числе "признанные цензурой соблазнительными и вредными". Правда, последними могли пользоваться только профессора и адъюнкты.

Уставами обеспечивалось право на свободу преподавания. Каждый профессор сам избирал "для лекций книгу своего сочинения или другого известного ученого" и представлял ее на утверждение Совета. Утвержденное пособие не лишало профессора права включать в лекции дополнительные сведения, почерпнутые из других источников или из собственного опыта, комментировать и уточнять отдельные положения этого пособия. "Главная должность Профессоров, — гласил параграф 28 "Устава Императорского Московского университета", — состоит в том, чтоб: 1) Преподавать курсы лучшим и понятнейшим образом и соединять теорию с практикою во всех науках, в которых сие нужно. 2) Преподавая наставления, пополнять курсы свои новыми открытиями, учиненными в других странах Европы..."⁶⁵. Это, конечно, получалось далеко не всегда: и профессора были разные, и студенты неодинаково подготовлены к восприятию университетских курсов. Но устав требовал полноценного преподавания, и мало-помалу уровень подготовки в российских университетах повышался, хотя процесс этот был длительным и болезненным.

Уставами предусматривалась также деятельность Совета по организации научной работы или, как осторожно формулирует М. И. Сухомлинов, по "ученой литературной дея-

⁶⁵ Там же. — Стб. 301.

тельности". Сверх обычных заседаний Совета (и факультетских собраний) "...всякой месяц имеет быть особенное Собрание, в котором Профессоры и Почетные Члены... рассуждают о сочинениях, новых открытиях, опытах, наблюдениях и исследованиях, Ректором или кем из Членов предлагаемых"⁶⁶. К этому вопросу относится и предоставленное университетам право создавать научные общества, а также, говоря современным языком, проводить научные конкурсы с установлением премий за лучшие работы.

Университетские уставы, как мы видим, были совсем неплохи, но, к сожалению, многие их положения остались на бумаге. В наибольшем объеме либеральные положения устава соблюдались в Московском университете. В других русских университетах дело обстояло иначе. «При первой же попытке совета настоять на одном из своих постановлений, незаконно кассированном попечителем, — писал П. Н. Милюков, — велено было профессорам, подписавшим протест, "призвать в Харьковское губернское правление и сделать им строжайший выговор, с подтверждением, что ежели впредь окажут подобное непослушание, то будут преданы суду"... В Казани положение дел было еще хуже. Рядом с "советом" профессорам по уставу 1804 года там распорядился директор гимназии (Яковкин), находивший безусловную поддержку в попечителе. Все его противники получили в результате борьбы за автономию отставку, и университет на несколько лет опустел»⁶⁷. Такова российская действительность: одно дело закон, другое — реальная жизнь. Мудрено ли после этого, что учинить разгром университетов в 1819—1821 годах магницкие и руничи смогли, не меняя уставов.

* *
*

⁶⁶ Там же. — Стб. 305.

⁶⁷ Милюков П. Н. Цит. соч. — С. 286.

Хотя в программных документах реформы университетам было уделено много внимания, ее влияние на совершенствование и развитие собственно университетского образования проявилось далеко не сразу. В соответствии с принятыми уставами на университеты возлагались две основные задачи: собственно образовательная, т. е. функции учебного заведения, каковым и должен являться университет (к этой задаче относилось и предоставленное ряду университетов право аттестования специалистов), и руководство деятельностью всех учреждений просвещения учебного округа, включая подготовку педагогических кадров для гимназий.

Похоже, что вторая задача представлялась реформаторам, во всяком случае на первых порах, более важной. Поэтому так настойчиво и поспешно решался вопрос об учреждении новых университетов. Поэтому уже в "Предварительные правила" был включен специальный параграф, предусматривавший обязательную организацию в каждом университете "учительского или педагогического института". Поэтому из трех учебных округов, где к началу реформы не было университетов, срочно университеты были учреждены только в двух (Казанском и Харьковском). В Петербурге же еще при Екатерине была открыта Учительская семинария, которую в 1803 году преобразовали в Педагогический институт. Так что с учреждением там университета можно было не торопиться.

Разработчиков реформы можно понять. Им было хорошо известно, что даже единственный российский университет — Московский — "не обиловал учащимися" и что набрать студентов еще для трех университетов будет невозможно до тех пор, пока не встанут на ноги гимназии, выпускники которых будут ежегодно наполнять университетские аудитории. В том, что выпускники гимназий будут иметь "нужные знания для слушания курсов, в Университете преподаваемых", и что таким образом удастся не только "наполнить" университеты, но и преградить дорогу в студенческие аудитории тем, кто по уровню общеобразовательной подготовки не

может успешно осваивать университетские курсы, реформаторы были уверены. Уверены настолько, что университетскими уставами, утвержденными еще до того, как гимназии подготовили первых выпускников, заранее предусматривалось их преимущественное зачисление в университет. Напротив, обучавшиеся "вне Гимназии" должны были сдавать вступительный экзамен. Для поступления, например, в Московский университет в соответствии с параграфом 110 его устава "желающий" должен был "представить Правлению Университета свидетельство о своем состоянии, и свидетельство Директора Гимназии о поведении, прилежании и успехах в преподаваемых там науках; прочие, вне Гимназии обучавшиеся, испытываемы быть должны в Комитете, от Ректора назначаемом..."⁶⁸.

Однако реформаторов ждало разочарование. Очень скоро обнаружилось, что "нужных познаний для слушания курсов, в Университете преподаваемых", гимназии как раз и не давали. Напомним, что в учебных программах гимназий большое внимание уделялось преподаванию философских и общественных наук, обязательно читавшихся в университетах, но явно недостаточное — изучению латинского и новых европейских языков. В то же время университетские профессора-иностранцы, а в новых университетах их было большинство, читали лекции преимущественно на латинском языке⁶⁹. "А в латинском языке, — писал П. Н. Милюков о положении, сложившемся в Казанском университете в первые годы после его открытия, — студенты были еще слабее, чем в новых, которые они, впрочем, тоже почти не знали... Понятно, что при этих условиях профессору прихо-

⁶⁸ Устав Императорского Московского университета//Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 316.

⁶⁹ В Харьковском университете, например, в 1804 году из общего числа профессоров и преподавателей иностранцы составляли 68,4%, в 1805—1809 годах — 66,7—73%, в 1811—1812 годах — 57—58%, в 1813—1814 годах — 50% (Сухомлинов М. И. Цит. соч.—С. 71).

дилось сперва диктовать латинский текст лекции, а затем дважды объяснять его: по-немецки той части аудитории, которая не училась французскому языку, и по-французски другой части, которая не училась немецкому. И при всем том содержание лекции должно было оставаться для слушателей в тумане"⁷⁰.

П. Н. Милюков был, конечно, прав: при формировании учебных программ для гимназии "Комиссии училищ" и Главному правлению училищ нужно было учесть сложившуюся ситуацию с постановкой преподавания в университетах и предусмотреть солидную языковую подготовку для гимназистов, тем более что университетскими уставами был определен преимущественный прием в университеты выпускников гимназий. Но с П. Н. Милюковым трудно согласиться, когда, критикуя постановку дела в гимназиях, он полностью отрицает целесообразность преподавания в них "университетских наук". Ведь далеко не все гимназисты после окончания собирались поступать в университет. Да это было и невозможно. В этом случае они становились учителями, поступали на гражданскую службу, где знания основ логики, психологии, этики, политической экономии, естественного и народного права могли им пригодиться. Другое дело, что учебные программы гимназий и постановка преподавания в них в те годы не позволили совместить двух целей обучения: "дать законченный курс сведений, необходимых для развития и для практической жизни", и обеспечить "приобретение нужных познаний для слушания курсов, в Университете преподаваемых". Вопрос о целевых установках гимназического образования еще долго служил

⁷⁰ Милюков П. Н. Цит. соч. — С. 289. Положение, описанное П. Н. Милюковым, по-видимому, относится к первым 3—4 годам работы Казанского университета. Ссылаясь на университетские отчеты, М. И. Сухомлинов сообщает: "В 1809 году в Казанском университете на русском языке читалось 8 предметов, на латинском 5, на французском 3, на немецком 1; в 1813 году на русском 18, на латинском 6, на французском 3, на немецком 1" (Сухомлинов М. И. Цит. соч. — С. 71).

предметом споров, и преподавание в гимназиях реформировалось не раз. Но тогда, в 10-х годах 19 века, этот вопрос был решен в пользу университетов.

В 1811 году двадцатипятилетний попечитель Петербургского учебного округа, будущий министр народного просвещения С. С. Уваров предложил внести определенность в целевые установки гимназического образования и на этой основе радикально изменить его содержание. "Цель гимназии вообще, — писал С. С. Уваров, — есть приготовление учащихся к слушанию академических или университетских курсов"⁷¹. Исходя из сформулированной цели, он предлагал, во-первых, исключить из гимназического курса "предметы, которые предоставляются одним университетам", т. е. философские и общественные науки. Во-вторых, считать главными для гимназии те предметы, без которых невозможно обучение в университете (к таким предметам С. С. Уваров относил классические языки и прежде всего латынь). Наконец, в-третьих, С. С. Уваров считал, что обучение в гимназии должно начинаться "с низших классов", с предметов, преподаваемых в уездных училищах, что нет необходимости для получения полного среднего образования обязательно обучаться в трех учебных заведениях, имеющих различные цели и различную постановку преподавания. Предложения С. С. Уварова были приняты и в виде опыта внедрены в Петербургской гимназии. С 1817 года петербургский опыт был распространен на все гимназии России.

Конечно, "уваровские программы" гимназического образования не давали "законченного курса сведений, необходимых... для практической жизни", а может быть, даже, как всякое классическое образование, от проблем практической жизни отдаляли. Но "нужные познания" для занятий в университете гимназисты теперь "приобретали" в значительно большем объеме, чем раньше. И, кроме того, гимназии ориентировали своих питомцев на продолжение образова-

⁷¹ Милюков П. Н. Цит. соч. — С. 292.

ния в университете. И это дало положительные результаты. После внедрения "уваровских программ" число студентов в русских университетах стало неуклонно возрастать. Так, если в 1808 году в Московском университете обучалось 135 студентов, в Харьковском — 82, в Казанском — 40, то в 1824 году их число возросло соответственно до 820, 337 и 118. Значительно повысился и уровень подготовки, особенно в Московском университете. Впрочем, о ведущей роли уваровской реформы гимназий в повышении качества подготовки можно говорить только применительно к новым университетам — Казанскому и Харьковскому. Работа специальных факультетов этих университетов развернулась лишь в послевоенные годы, и вскоре они начали "наполняться" выпускниками уже реформированной гимназии. Что же касается Москвы, то здесь университетские профессора, столкнувшись с "гимназической проблемой", не сидели сложа руки. С помощью индивидуализированного "приготовления" и совершенствования организации учебного процесса делалось все возможное, чтобы в сжатые сроки адаптировать вчерашних гимназистов к реалиям университетской жизни. В этом отношении весьма показательна деятельность профессоров медицинского факультета.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ "УСТАВА" 1804 ГОДА

Хотя "Устав Императорского Московского университета" был высочайше утвержден 5 ноября 1804 года, в Москве его получили лишь "февраля 14 дня 1805 года"¹. С этого времени, как следует из "Годового отчета Императорского Московского университета" за 1805 год, и началось его "полное преобразование и устройство, основанное на высочайше утвержденном уставе"². Именно "полное преобразование", поскольку воплощение в жизнь предусматривавшихся "Уставом" нововведений означало радикальный пересмотр практически всех основных принципов, на которых строилась работа университета в 18 веке.

Если на протяжении 18 столетия поступить в Московский университет мог любой молодой человек, предъявив-

¹ Эти данные обнаружены нами в "Отчете о состоянии учебных заведений Московского учебного округа за 1804 год". — РГИА. — Ф. 733. — Оп. 95. — Д. 179. — Л. 6.

² РГИА. — Ф. 733. — Оп. 95. — Д. 180. — Л. 2.

ший руководителям университета свидетельства "О благонаравии", "О праве на законную свободу и исключение из подушного оклада", а также доказавший в ходе собеседования знание "свободных наук и возможность по-Латине свободно и вразумительно изъясняться словом и письмом"³, то "Устав" 1804 года существенно ужесточил эти требования с целью перекрыть доступ в университет лицам, не имевшим достаточной общеобразовательной подготовки для освоения университетского курса наук. Начиная с 1805/06 учебного года студенческая шпига вручалась лишь тем, кто мог либо представить в Правление университета "свидетельство Директора Гимназии о поведении, прилежании и успехах в преподаваемых там науках", либо, в тех случаях, когда среднее образование было получено "вне Гимназии", сдать специально назначаемой ректором комиссии вступительный экзамен "в языках и начальных основаниях нужных наук"⁴, к которым относились история, география, логика, арифметика, геометрия, натуральная история и физика⁵.

Зачисленные в университет в 18 веке вне зависимости от их желанья становились вначале студентами философского факультета, где в течение одного—двух лет должны были прослушать и сдать экзамены по так называемым приуготовительным дисциплинам, призванным, во-первых, обеспечить широкую языковую и общеобразовательную подготовку, а во-вторых, "приуготовить" слушателей к восприятию наук "высших" специальных факультетов⁶. По "Уставу" 1804 года все четыре предписывавшихся к организации факуль-

³ Устав, к наблюдению которого все Университетские Студенты обязуются письменно. — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова. — Инв. 345764. — Л. 1.

⁴ Устав Императорского Московского университета//Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. — СПб., 1875. — Стб. 316. (Далее — Устав 1804 года. — Стб. 316.)

⁵ Очерки истории Московского университета. — М., 1940. — С. 47.

⁶ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. — Изд. 2-е. — М., 2000. — С. 239—241.

ета были специальными, а принятые в университет отныне олжны были зачисляться студентами тех факультетов, на которых изъявляли желание учиться⁷. Из сказанного, правда, не следует делать вывод, что составители "Устава" 1804 ода вовсе отказались от одного из важнейших положений ниверситетской традиции и полностью упразднили процедуру "приуготовления". Параграф 112 "Устава" четко определял, что "между науками, в Университете преподаваемыми, находятся такие, которым необходимо должны учиться все желающие быть полезными себе и Отечеству, какой бы род жизни и какую службу не избрали, и для того тот только может перейти в главное Отделение наук, соответствующих будущему состоянию, кто прослушал науки приуготовительные"⁸.

Согласно первоначальному замыслу, высказанному академиком Н. И. Фусом в 1803 году в ходе разработки положений готовившихся университетских уставов и одобренному членами Главного правления училищ⁹, к числу "приуготовительных наук" должны были относиться все учебные предметы физико-математического и словесного факультетов, на освоение которых предполагалось выделить три года¹⁰. Однако это предложение Н. И. Фуса в конечном итоге казалось отвергнутым. В "Уставе" 1804 года вопрос о печене обязательных для изучения "приуготовительных" дисциплин не оговаривался, а его окончательное решение передавалось вместе со всеми остальными вопросами, касающимися "учреждения порядка времени и распоряжения курсов в Университете", на усмотрение Совета университета¹¹.

⁷ Устав 1804 года. — Стб. 316.

⁸ Там же. — Стб. 316—317.

⁹ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — Т. I. — СПб., 1889. — С. 58.

¹⁰ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 118. — Д. 42. — Л. 45.

¹¹ Устав 1804 года. — Стб. 305.

Le Second:

La Géographie dans la 3 ^e classe	4 ^h par sem.
L'Histoire	5
La Grammaire Russe	3
Les Belles lettres	5
	<u>17^h</u>
⊕ 3 ^h ; ⊖ 4 ^h ; ♀ 3 ^h ; ♂ 3 ^h ; ♀ 2 ^h ; ♂ 2 ^h	= 17 ^h

Le troisième:

La langue latine dans la 3 ^e classe	6 ^h par sem.
	4
La Philosophie	5
	<u>15^h</u>
⊕ 3 ^h ; ⊖ 2 ^h ; ♀ 1 ^h ; ♂ 3 ^h ; ♀ 5 ^h ; ♂ 1 ^h	= 15 ^h

IV. Ecoles du quatrième ordre
dites centrales, ou Universitaires

Excepté les objets d'étude qui servent uniquement de préparation à la Théologie, & la Théologie même, réservés aux Académies & Séminaires qui se trouvent sous la dépendance du Saint-Synode, toutes les Sciences doivent être enseignées dans toute leur étendue aux Universités.

Ce système complet des Sciences utiles à la patrie y sera divisé en quatre sections principales, savoir:

- 1°) La section de Philologie & de Belles-lettres;
- 2°) La section des Sciences mathématiques & physiques;
- 3°) La section des Sciences médicales & chirurgicales;
- 4°) La section des Sciences philosophiques, morales & politiques.

Les branches nombreuses des Sciences qui composent chaque section sont réparties parmi un nombre de chaires principales, selon leur liaison & affinité

Если судить по косвенным данным, почерпнутым из воспоминаний обучавшихся в Московском университете в первые после принятия "Устава" годы, Совет университета отверг идею организации преподавания единого для всех студентов набора обязательных "приуготовительных" дисциплин. Он определялся индивидуально для каждого зачисленного в университет студента в зависимости от избранной им специальности и уровня начальной подготовки.

Михаил Никитич Муравьев (1757—1807) — первый попечитель Московского учебного округа (1803—1807)

Поступавшим в Московский университет, начиная с 1805 года, выдавался отпечатанный типографским способом табель на латинском языке с указанием всех профессоров и читавшихся ими на всех факультетах университета дисциплин, в котором ректор отмечал "по собственному своему усмотрению все предметы, слушание которых делалось для снабжаемого табелью обязательным"¹². Так, например, зачисленному в 1805 году на словесный факультет С. П. Жихареву надлежало изучить 19 университетских дисциплин, не считая занятий рисованием, музыкой и танцами¹³, а Д. Н. Свербееву (1813) было определено прослушать 9 предметов¹⁴.

¹² Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). — М., 1989. — С. 64.

¹³ Там же. — С. 55

¹⁴ Там же. — С. 64.

Правда, такой порядок приема и "приуготовления" студентов Московского университета просуществовал недолго. Уже в середине 10-х годов 19 столетия профессора и руководители университета оказались вынужденными внести в него значительные коррективы. Основной причиной этого стала уже упоминавшаяся "нестыковка" гимназического образования с условиями обучения в университете. Гимназические программы, составленные исходя из идеи, что "не всякий имеет возможность продолжать занятия в университете"¹⁵ и гимназия должна дать законченный курс сведений, необходимых для практической жизни, оказались насыщенными огромным числом чисто университетских предметов при до предела сокращенном объеме преподавания языков и базовых общеобразовательных дисциплин, знание которых требовалось в первую очередь для успешного освоения курсов университетских наук¹⁶. В то же время университетский устав требовал принимать выпускников гимназий без экзамена, и, таким образом, гимназии становились для университета как бы основным поставщиком студентов. В результате профессора Московского университета оказались в положении, при котором подавляющее большинство зачислявшихся студентов были попросту не готовы к обучению в высшей школе.

Уже в 1814 году в Московском университете был образован специальный Комитет, которому надлежало детально разобраться с проблемой преподавания наук для "вступающих в Университет Студентов"¹⁷ и высказать конкретные предложения, позволившие бы скомпенсировать последствия рассогласования гимназических и университетских программ обучения.

¹⁵ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры в трех томах. — Т. 2. — Ч. 2. — М., 1994. — С. 290.

¹⁶ Хотеев В., Чернета В. Граф С. С. Уваров — министр и просветитель//Высшее образование в России. — 1996. — № 1. — С. 149.

¹⁷ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3133. — Л. 4.

Работа Комитета продолжалась около трех лет и завершилась в мае 1817 года принятием Советом университета двух важнейших постановлений, утвержденных попечителем Московского учебного округа князем А. П. Оболенским. Во-первых, было решено "...производить в Студенты тех токмо, которые знают Арифметику, Главные Основания Всеобщей и Отечественной Истории, Логики и Риторики и Правила Российского и Латинского языка, вмняя хотя и не в обязанность, но в похвалу и одобрение знание иностранных языков"¹⁸, вне зависимости от того, обучался абитуриент в гимназии или нет. Во-вторых, ввести с 1817/18 учебного года единый для всех вновь поступающих в университет "приуготовительный класс", который, согласно предложению профессоров — членов Комитета, должен был включать в себя два самостоятельных курса. Первый, основной задачей которого было максимально подготовить студентов к слушанию ординарных профессорских лекций, составили так называемые "вспомогательные" науки. Их перечень практически полностью повторял набор дисциплин, сдававшихся абитуриентом на вступительном экзамене: "Чистая Математика, Логика и Нравственность, Всемирная и Отечественная История, Всеобщая и Российская География, главные основания Натуральной Истории и Физики"¹⁹. Продолжительность курса "вспомогательных" наук была определена в один учебный год, и проходить его должны были все, "кто из вступающих в Университет окажется не очень успевающим в какой-либо части наук, назначенных для экзамена"²⁰, а таких, если судить по продолжавшимся жалобам профессоров на недостаточный уровень начальной подготовки студентов, было подавляющее большинство. "Буде кто из поступающих в Студенты по экзамену окажется очень хорошо успевшим в тех науках, которые

¹⁸ Там же. — Л. 4—4 об.

¹⁹ Там же. — Л. 4 об.

²⁰ Там же. — Л. 5.

требуются для вступающего в Университет", тот в соответствии с решением Совета мог быть освобожден от изучения "вспомогательных" наук и ему разрешалось сразу же приступить к освоению следующего "приуготовительного" курса, который, выражаясь языком официальных документов начала 19 века, может быть назван курсом "приуготовляющим к слушанию существенных наук" того или иного факультета. Как удалось установить в результате анализа сохранившихся архивных документов и данных литературы, для студентов, пожелавших посвятить себя изучению медицины, этот курс включал 8 предметов: минералогию, ботанику, зоологию, химию²¹, фармацию, врачебное вещество-сло-вие, анатомию, физиологию, и был практически полностью идентичен курсу "специального приготовления", существовавшему еще в 18 веке в большинстве университетов Европы²².

Время, в течение которого студентам надлежало освоить курс, "приуготовляющий к слушанию существенных наук" на медицинском факультете, в силу огромной важности для врачебного образования таких дисциплин, как, например, химия или анатомия, было решено не ограничивать. Оно определялось исходя из продолжительности преподавания составлявших его предметов, которая в свою очередь колебалась от 1 года до 3 лет. Из сказанного, однако, не

²¹ В связи с этим нам представляется совершенно необоснованным заявление Ф. Р. Бородулина об "упразднении" из программы подготовки медиков "естественной истории и химии, "особливую" необходимость которой в свое время так подчеркивал Ломоносов" (Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова//Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института им. И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 12).

²² Данные о перечне учебных дисциплин, составлявших "приуготовительный" курс для студентов медицинского факультета, см.: РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 163—164; ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 6 а. — Л. 61; Библиографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Т. 1. — М., 1855. — С. 243.

следует делать вывод, что студенты, поступавшие в начале 19 века на медицинский факультет, учились в Московском университете минимум 7 лет: один год на освоение "вспомогательных" наук; три года "специального приуготовления" и еще три — на изучение "существенных" наук. Профессора и руководители университета прекрасно сознавали, что в этом случае студенты-медики окажутся в несравненно менее выгодных условиях, нежели их сверстники, избравшие себе другие факультеты, где диплом об окончании университета можно было получить за 4 или 5 лет. Хранящиеся в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ списки студентов Московского университета за период с 1812 по 1820 год с указанием слушавшихся ими лекций свидетельствуют, что студентам-медикам было разрешено совмещать изучение "приуготовительных" и "существенных" наук²³, правда, с одной весьма существенной оговоркой. Они могли приступать к освоению "существенных", или собственно "врачебных", наук (патология, терапия, клиника внутренних болезней, хирургия, повивальное искусство, судебная медицина, скотолечение и др.) не ранее чем через один год после начала изучения курса "специального приуготовления". В результате расчетное время, в течение которого молодой человек, поступивший в университет, мог полностью освоить программу подготовки на медицинском факультете, составляло либо 4 года, либо 5 лет в зависимости от того, освобождался или не освобождался тот или иной студент от "слушания" одногодичного курса "вспомогательных" наук. Особо подчеркнем, что четырьмя или пятью годами ограничивалось время, раньше которого студент не мог завершить обучение на медицинском факультете. Если же молодой человек не имел возможности или не хотел придерживаться указанных времен-

²³ Album Studiosorum. — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова. — Инв. 5 Те 502.

29	Стр. Александр Бенделерф	Ст. М. Рихтера, Шнейдбранда, Мухомов, Мудров, Кондальский, Данишевский, Щеголев, Рязанский
30	Стр. Карл фон Даль	Ст. М. Рихтера, Елизаров, Ма, Мухомов, Мудрова, Ко- мельский, Данишевский, Щеголев, Рязанский.
31.	Стр. Александр Бочеров.	Ст. М. Рихтера, Шнейдбранда, Мухомов, Мухомов, Данишевский, Щеголев, Рязанский.
32.	Стр. Петр Вокрежский	Ст. М. Рихтера, Шнейдбранда, Мухомов, Мухомов, Данишевский, Щеголев, Рязанский.
33.	Студенты Иван Чернов. —	Ст. М. Рихтера, Шнейдбранда, Мухомов, Мухомов, Данишевский, Щеголев, Рязанский.
34	Студент Андрей Чернов	Ст. М. Рихтера, Шнейдбранда, Мухомов, Мухомов, Данишевский, Щеголев, Рязанский.
35.	Студент Лев Салдаев	Ст. М. Рихтера, Шнейдбранда, Мухомов, Мухомов, Данишевский, Щеголев, Рязанский.
36.	Студент Яков Родион	Ст. М. Рихтера, Шнейдбранда, Мухомов, Мухомов, Данишевский, Щеголев, Рязанский.
37.	Студент Константин Михайлов	Ст. М. Рихтера, Шнейдбранда, Мухомов, Мухомов, Данишевский, Щеголев, Рязанский.
38	Студент Александр Рылов	Ст. М. Рихтера, Шнейдбранда, Мухомов, Мухомов, Данишевский, Щеголев, Рязанский.

Фрагмент "Студенческого альбома" (Album Studiosorum) за 1814/15 учебный год.

ных рамок, то ни Устав, ни какие-либо подзаконные акты не препятствовали ему изучать медицину 6, 7 и более лет²⁴.

Согласно новому университетскому уставу, на медицинском факультете предполагалось развернуть шесть кафедр или комбинированных профессорских курсов, которые объединили в себе все без исключения "существенные" науки и часть предметов "специального приуготовления": "1) Анатомии, Физиологии и Судебной Врачебной науки. 2) Патологии, Терапии и Клиники. 3) Врачебного Веществословия, Фармации и Врачебной Словесности. 4) Хирургии. 5) Повивального искусства. 6) Скотолечения"²⁵. Многие из названных дисциплин читались на медицинском факультете Московского университета и на протяжении 18 века. И тем не менее предлагавшиеся "Уставом" перечень и распределение учебных предметов представляли собой существенное позитивное изменение в вопросах организации и содержания учебного процесса на факультете.

Во-первых, введение шести штатных профессорских должностей ликвидировало существовавшее в 18 столетии положение, при котором постоянно несколько профессоров и(или) адъюнктов вынуждены были вести занятия бесплатно²⁶. Напомним, что "Проект о Учреждении Московского университета" предусматривал организацию только трех профессорских курсов: химии, натуральной истории и анатомии, профессор которой должен был также "приучать Студентов в медицинской практике". Профессора и руководители Московского университета уже в середине 60-х годов 18 века предложили внести значительные изменения в программу преподавания на медицинском факультете, но их проект не получил поддержки у императрицы. Однако

²⁴ Астахова Е. Ю. К вопросу о продолжительности обучения на медицинском факультете Московского университета в период действия университетского устава 1804 года//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. XIII. — 2001. — С. 159.

²⁵ Устав 1804 года. — Стб. 299—300.

²⁶ РГАДА. — Ф. 359. — Д. 22. — Л. 1—8 об.

необходимость привести организацию и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в соответствие с целями и задачами высшего медицинского образования заставила профессоров факультета, куратора и директора университета на свой страх и риск ввести преподавание многих не упоминавшихся в "Проекте" как практических, так и теоретических дисциплин. В результате уже с конца 60-х годов 18 века на медицинском факультете Московского университета читались четыре (химия, фармацевтические дисциплины и практическая медицина; анатомия и хирургия; теоретическая медицина; натуральная история), а с 1790 года — пять (введен курс акушерства, преподавание которого с 1792 года было объединено с хирургией) профессорских и адъюнктских "под смотрением" курсов²⁷. Но если санкционировать преподавание не предусмотренных "Проектом" курсов руководители университета смогли, то увеличить число профессорских должностей без пересмотра высочайше утвержденных "Штатов" они были не в состоянии. В результате попеременно нескольким преподавателям время от времени приходилось оказываться, что называется, "за штатом" и читать свои дисциплины бесплатно. И это при том, что особых сбережений во время работы "в штате" они накопить не могли из-за весьма невысокого жалованья²⁸.

²⁷ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. IV. — С. 101—136.

²⁸ По данным на 1801 год жалованье профессора медицинского факультета Московского университета составляло 450—500 рублей в год, адъюнкта — 300—400 рублей в год (РГАДА. — Ф. 359. — Д. 22. — Л. 1—1 об.). «...Со всем тем и ныне в сравнении с прочими учеными местами чиновники Университета получают весьма малое жалованье, — отмечалось в "Списке служащих при Университете чинам" (1801). — Например, в Медико-хирургической школе профессор ординарный получает 1200 рублей, а в Дерптском Университете положено Профессору 1500 рублей, имея при том в виду награду после окончания трудов своих» (Там же. — Л. 8—8 об.).

Во-вторых, "Уставом" 1804 года предусматривалось расширение объема преподавания практических медицинских дисциплин. Хирургия и акушерство были выделены в самостоятельные ординарные профессорские курсы.

В-третьих, "Уставом" вводилось более соответствовавшее требованиям времени и развитию медицинской науки сочетание дисциплин в рамках комбинированного профессорского курса, включавшего преподавание важнейшего в программе университетской подготовки врача предмета — практической, или клинической, медицины. Клиническая медицина должна была читаться не вместе с химией и фармацевтическими дисциплинами, что было логичным во время господства в медицине ятрохимических идей и концепций на рубеже 17—18 веков, а вместе с патологией и терапией.

В-четвертых, "Устав" определял введение преподавания двух новых самостоятельных учебных дисциплин — судебной медицины и "скотолечения".

Однако, несмотря на очевидные усовершенствования, которые приносил "Устав" в организацию и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета, профессора факультета пошли еще дальше. Уже в 1805/06 учебном году читалось не шесть, а девять учебных курсов: "советовательная медицина у постелей больных" (Ф. Г. Политковский); повивальное искусство (В. М. Рихтер); история медицинской литературы и диететика (Ф. И. Барсук-Моисеев); хирургия (Ф. А. Гильтебрандт); ветеринарные науки (И. С. Андреевский); анатомия, физиология и судебная медицина (И. Ф. Венсович и прозектор А. И. Данилевский); фармацевтическая химия (В. М. Котельницкий); врачебное веществословие (Н. Г. Щеголев); патология и терапия (С. Н. Немиров)²⁹. Преподава-

²⁹ Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С. 52—53.

ние комбинированного профессорского курса "Патологии, Терапии и Клиники" было разделено между профессором, который вел клинические занятия, и адъюнктом, читавшим лекции по патологии и терапии. Также между двумя преподавателями был поделен и курс "Врачебного Веществословия, Фармации и Врачебной Словесности" — один читал лекции по фармацевтической химии (фармации), другой — по врачебному веществословию и рецептуре. В 1809/10 учебном году то же было сделано и в отношении последнего из оставшихся комбинированных профессорских курсов "Анатомии, Физиологии и Судебной Врачебной науки" (занятия по анатомии стал вести отдельный преподаватель³⁰. Кроме этого, на факультете было введено преподавание непредусмотренных "Уставом" диететики и истории медицины.

Сразу же оговоримся, что такими действиями Совет университета несколько не превышал своих полномочий. Напомним: параграф 31 "Устава Императорского Московского университета" предоставлял Совету университета право "кроме главных курсов... назначить дополнительные, смотря по обстоятельствам..."³¹. Кроме того, числом шесть ограничивалось лишь количество ординарных профессорских должностей на медицинском факультете. Число же экстраординарных профессоров и адъюнктов на любом из факультетов могло варьировать в зависимости от потребностей того или иного факультета и также определялось решениями Совета университета.

В 1806/07 учебном году на медицинском факультете читалось уже десять курсов (преподавание истории медицины было выделено в самостоятельный экстраординарный про-

³⁰ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1809 Августа 17 по 28 Июня 1810 года. По назначению Совета. — М., 1809. — С. 9.

³¹ Устав 1804 года. — Стб. 301.

L E C T I O N E S

Professorum Ordinis Medici.

I. THEODORUS POLITKOWSKY, *Collegiorum Consiliarius, Medicinae Doctor, Facultatis Medicae h. t. Decanus, Medicinae Clinicae Professor P. O., Universitatis Mosquensis Medicus medens, nec non Societatis aemulationis Physico-Medicae Mosquensis Collega Ordinarius*, tradet Auditoribus suis *Medicinam Consultatoriam* ad lectos aegrorum in Instituto Clinico Univerfitatis, diebus Lunae et Jovis ab hora matutina VIII ad IX, et sub ejus inspectione Doctor Medicinae et Adjunctus D. *Nemirow* pertractabit *Therapiam generalem*.

II. GUILIELMUS MICHAEL RICHTER, *Consiliarius Status, Medicinae Doctor, Chirurgiae et Artis Obstetriciae Professor P. O., Collegii Imperialis Medici Membrum honorarium, Societatis Philomaievticae Goettingensis Sodalis, Societatis aemulationis Physico-medicae Mosquensis Collega Ordinarius et Instituti Obstetricii in Orphonotrophio Mosquenssi Director*, diebus Martis, Jovis et Saturni, hora pomeridiana quinta tradet *Artem Obstetriciam* ad ductum compendii sui, eademque absoluta, subjunget Praelectiones *de morbis gravidarum, puerperarum et infantum neonatorum*.

III. THOMAS BARSUK - MOYSEIEW, *Consiliarius Aulicus, Medicinae Doctor et Professor Extraordinarius*, diebus Lunae, Mercurii et Veneris hora matutina XI inchoabit *Historiam Litterariam Medicinae et Diaeticam* ad ductum Stephani Tourtelle.

IV. FRIEDERICUS HILDEBRANDT, *Medicinae Doctor et Professor Publ. Extraordinarius, Societatis Physico-medicae Mosquensis Collega Ordinarius*, diebus Lunae, Mercurii et Veneris hora X matutina tradet. 1. Semestri aestivo *doctrinam de morbis ocu-*

фессорский курс и передано И. П. Воинову)³², в 1807/08 — одиннадцать (в адъюнктский курс были выделены практические занятия А. И. Данилевского по оперативной хирургии)³³, а в 1808/09 году — двенадцать (введено преподавание военной медицины — М. Я. Мудров)³⁴.

Правда, в дальнейшем число курсов стало уменьшаться и к 1811/12 учебном году сократилось до восьми³⁵. Но это уже стало не результатом стремления профессоров медицинского факультета добиться оптимального набора и распределения учебных предметов, а явилось следствием ухода из жизни нескольких "старейших" профессоров факультета — Ф. Г. Политковского и Ф. И. Барсук-Моисеева и безвременной кончины только получивших докторские степени И. П. Воинова³⁶ и И. Ф. Венсовича.

И тем не менее, при всей существовавшей в первые годы после принятия "Устава" нестабильности перечня учебных дисциплин и количества преподавателей на медицинском факультете, уже в этот период становится совершенно очевидной позиция профессоров факультета в отношении необходимости введения преподавания таких непредусмотривавшихся "Уставом" предметов, как гигиена и диететика,

³² Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1806 года Августа 17 по 1807 года Июня 28, по назначению Совета. — М., 1806. — С. 5—7.

³³ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1807 года Августа 17 по 1808 года Июня 28, по назначению Совета. — М., 1807. — С. 6—8.

³⁴ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1808 года Августа 17 по 28 Июня 1809. По назначению Совета. — М., 1808. — С. 6—9.

³⁵ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете, преподаваемых с 1811 Августа 17 дня, по назначению Совета. — М., 1811. — С. 5—7.

³⁶ Дата смерти И. П. Воинова точно не установлена. "Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета" (Т. I. — С. 167) сообщает лишь, что он оставил службу в университете в 1808 году "по причине совершенно расстроенного здоровья" и в 1812 году пропал без вести во время оккупации Москвы.

история медицины и военная медицина; разделения единого блока фармацевтических дисциплин на несколько учебных курсов; использования нескольких преподавателей для изложения курса анатомии, физиологии и судебной медицины.

Что же касается порядка и последовательности преподавания дисциплин, составлявших программу обучения на медицинском факультете Московского университета, т. е. собственно организации учебного процесса на факультете, то она, хотя и не сразу после принятия "Устава", также подверглась определенному пересмотру.

Напомним, что на протяжении 18 столетия на медицинском факультете Московского университета действовала так называемая цикловая система организации учебного процесса. Все читавшиеся дисциплины были сгруппированы в четыре, а начиная с 1792 года — в пять комбинированных ординарных профессорских курсов, продолжительность преподавания каждого из которых составляла три года. Начало и окончание каждого курса совпадали, формируя единый трехлетний цикл обучения на факультете. При этом благодаря тому, что преподавание отдельных дисциплин в рамках того или иного курса имело строго установленную последовательность: а) химия — фармацевтические дисциплины — практическая медицина; б) анатомия — анатомия и хирургия — хирургия; в) физиология — физиология и патология — патология и терапия; г) ботаника — минералогия — зоология, в течение каждого из трех лет обучения на факультете студенты могли слушать лишь строго определенный набор учебных дисциплин. В первый год они изучали химию, анатомию, физиологию, ботанику, во второй — фармацевтические дисциплины, анатомию и хирургию, физиологию и патологию, минералогию; в третий — практическую медицину, хирургию, патологию и терапию, зоологию. В результате на факультете складывалась достаточно стройная учебная программа, предусматривавшая последовательное прохождение студентами сначала ес-

тественнонаучных, затем базовых теоретических, а в заключение — практических медицинских дисциплин³⁷.

Если судить по расписаниям лекций, читавшихся на медицинском факультете Московского университета в период с 1805 по 1809 год, профессора факультета на первых порах после принятия "Устава" 1804 года решили сохранить этот полностью отработанный и ставший уже привычным порядок преподавания. Так, например, совершенно отчетливо просматривается четырехлетний цикл преподавания ветеринарных наук: в 1805/06 учебном году И. С. Андреевский читал "физиологию домашних животных", по окончании которой предполагал начать "изложение гигиены домашних животных"³⁸; в 1806/07 учебном году он объявил, что "будет продолжать изъяснение Гигиены домашних животных; в особенности же о скотных падежах и предохранении от оных"³⁹; в 1807/08 учебном году читал "частную домашних животных Патологию вместе с Терапиею"⁴⁰, а в 1808/09 — "Науку о лекарствах простых, приготовленных и сложных, изъясняя их доброту, действие, употребление и образ их прописывать сообразно каждому животному"⁴¹. В 1809/10 учебном году он вновь приступил к изложению "Физиологии животных"⁴².

Использование профессорами медицинского факультета

³⁷ Подробнее о цикловой системе организации учебного процесса см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. — Изд. 2-е. — М., 2000. — С. 244—253.

³⁸ Российский Д. М. Цит. соч. — С. 53.

³⁹ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1806 года Августа 17 по 1807 Июня 28, по назначению Совета. — М., 1806. — С. 6.

⁴⁰ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1807 года Августа 17 по 1808 Июня 28, по назначению Совета. — М., 1807. — С. 7.

⁴¹ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1808 года Августа 17 по 28 Июня 1809. По назначению Совета. — М., 1808. — С. 8.

⁴² Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1809 года Августа 17 по 28 Июня 1810. По назначению Совета. — М., 1809. — С. 8—9.

Московского университета цикловой системы преподавания подтверждают и расписания лекций В. М. Рихтера. Только продолжительность его курса составляла не четыре, а три года (в 1805/06 учебном году В. М. Рихтер завершал начатое им еще до принятия "Устава" преподавание своего прежнего комбинированного курса хирургии и акушерства)⁴³, но закончился он одновременно с курсом И. С. Андреевского в 1808/09 учебном году. В 1806/07 учебном году В. М. Рихтер читал "Теоретическое Повивальное Искусство, начав с Ученой Истории оного"⁴⁴, в 1807/08 — "Высшую Повивальную Науку, или Учение о сверхъестественных родах"⁴⁵, в 1808/09 — "Учение о женских и детских болезнях"⁴⁶. В 1809/10 учебном году он вновь объявил о начале "нового курса лекций о Повивальном Искусстве" и преподавании им "Ученой Истории сей Науки"⁴⁷.

Вместе с тем необходимо отметить, что цикловая система организации учебного процесса могла обеспечить изучение наук "в естественной их связи" только при условии зачисления на факультет, во-первых, не чаще чем один раз в течение промежутка времени, равного продолжительности преподавания профессорских курсов, а во-вторых, в те годы, когда начинался очередной цикл преподавания. И если на протяжении 18 столетия эти условия соблюдались, то положения "Устава" 1804 года, предписывавшего ввести

⁴³ Российский Д. М. Цит. соч. — С. 53.

⁴⁴ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1806 года Августа 17 по 1807 Июня 28, по назначению Совета. — М., 1806. — С. 5.

⁴⁵ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1807 года Августа 17 по 1808 Июня 28, по назначению Совета. — М., 1807. — С. 6.

⁴⁶ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1808 года Августа 17 по 28 Июня 1809. По назначению Совета. — М., 1808. — С. 6.

⁴⁷ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1809 года Августа 17 по 28 Июня 1810. По назначению Совета. — М., 1809. — С. 7.

ежегодный прием и зачисление всех поступивших сразу же студентами тех факультетов, на которых они изъявляли желание учиться, полностью лишили профессоров и руководителей Московского университета этой возможности. Как и почему столь очевидное несоответствие основополагающего условия эффективной работы цикловой системы организации учебного процесса и нового порядка приема и зачисления студентов в университет осталось незамеченным профессорами, установить не удалось. Но факт остается фактом: в первые годы после принятия "Устава" на медицинском факультете Московского университета возник определенный хаос в организации учебного процесса. Одни студенты начинали изучать, например, курс акушерства с истории этой науки, другие — сразу с "высшей повивальной науки", третьи — и вовсе с "учения о женских и детских болезнях".

Однако справедливости ради следует отметить, что такое положение дел на факультете сохранялось недолго. Судя по расписаниям лекций, сразу же по завершении первого цикла профессора медицинского факультета Московского университета внесли некоторые коррективы в порядок преподавания. Уже в 1809 году было принято решение о сокращении продолжительности профессорских и адъюнктских курсов до двух лет. Если вновь в качестве примера взять расписания лекций В. М. Рихтера, то в 1809/10 учебном году, как уже отмечалось, он приступил к новому курсу лекций и читал "Ученую историю" повивального искусства; в 1810/11 — "об инструментальных операциях в Повивальном Искусстве употребляемых, также и о болезнях женского пола и детей"⁴⁸, а в 1811/12 он снова объявил о начале "нового курса Повивального Искусства"⁴⁹.

⁴⁸ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1810 года Августа 17 по 28 Июня 1811 года. По назначению Совета. — М., 1810. — С. 6—7.

⁴⁹ Объявление о публичных учениях в Императорском Московском Университете, преподаваемых с 1811 Августа 17 дня, по назначению Совета. — М., 1811. — С. 5.

Введенное профессорами ограничение продолжительности преподавания учебных курсов привело к тому, что в течение срока пребывания студентов в университете каждый из курсов стал читаться полностью от начала до конца как минимум два раза. Как следствие у студентов появлялась реальная возможность выбрать те два года, в течение которых они будут слушать данный конкретный курс в его внутренней логической последовательности. Это создало необходимые предпосылки для полного устранения возникшего в первые после принятия "Устава" годы положения, при котором часть студентов оказывалась вынужденной приступать к освоению того или иного курса, начиная с его середины или даже с конца.

Однако как только найденное решение было воплощено в жизнь, перед профессорами немедленно возникла новая проблема. Мы уже обращали внимание на то, что прежняя цикловая система организации учебного процесса не только предусматривала возможность последовательного изучения дисциплин, составлявших тот или иной курс, но и формировала на факультете достаточно стройную программу обучения. Программу, при которой студенты вначале осваивали естественные науки, затем базовые теоретические врачебные дисциплины и завершали университетский курс подготовки изучением практических медицинских дисциплин.

Распад единого цикла обучения, складывавшегося из параллельно читавшихся и равных по продолжительности профессорских курсов, на 9—12 неодинаковых по времени и совершенно отдельно преподававшихся курсов привел к тому, что перечень учебных дисциплин для каждого года обучения на факультете перестал быть заранее определенной данностью. В этих условиях особую актуальность приобрел поиск средств и путей сохранения логической последовательности освоения студентами наук медицинского факультета в целом. Возникла реальная опасность, что студенты будут осваивать практические медицинские дисциплины

и навыки работы с больными, не имея необходимой для этого научно-теоретической подготовки, и окажутся просто не в состоянии освоить многие дисциплины, пытаясь изучать их без предварительного прохождения курсов, на которых эти дисциплины базируются.

Выход из положения был найден сравнительно простой. В начале очередного учебного года всем вновь приступавшим к обучению на факультете, начиная с 10-х годов 19 века, стал выдаваться список необходимых для освоения предметов, который, согласно решению Совета университета, должен был составлять декан факультета⁵⁰. Забегая вперед, отметим, что эта мера позволила лишь несколько упорядочить организацию учебного процесса на медицинском факультете и привести ее в соответствие с новым порядком приема и зачисления студентов в университет. Несмотря на все старания деканов, даже двухлетние профессорские курсы не позволяли установить строгой универсальной последовательности прохождения дисциплин факультета для всех студентов. Одним из везучих, других, по словам М. Я. Мудрова, "деканов, иногда поневоле, принуждены были записывать... на лекции против правил методологии"⁵¹. Требовались иные, более радикальные меры по реорганизации учебного процесса, но осознание этого произойдет позже — во второй половине 20-х годов 19 столетия.

⁵⁰ Объявление о публичных учениях в Императорском Московском Университете, преподаваемых с 1811 Августа 17 дня, по назначению Совета. — М., 1811. — С. 5.

⁵¹ Там же. — С. 273.

СОЗДАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ БАЗЫ И СТАНОВЛЕНИЕ КЛИНИЧЕСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Параллельно с введением новых учебных курсов и поиском наиболее оптимальной формы организации их преподавания решались и вопросы реализации другого важнейшего положения "Устава" — введения практических форм обучения клинической медицине, внедрения преподавания у постели больного. Собственно в "Уставе" не прописывались ни формы, ни объем использования больных при обучении практическим врачебным наукам, но устанавливалось, что медицинский факультет Московского университета должен иметь клиническую базу для преподавания внутренних болезней, хирургии и акушерства. Таким образом, "Устав" 1804 года не провозглашал полного отказа от многовековой традиции, согласно которой отработка навыков диагностики и оказания медицинской помощи, т. е. обучение врачебному искусству, относилась к послеуниверситетскому этапу подготовки. Однако чисто теоретически форме обучения практическим врачебным наукам в рос-

сийских университетах пришел конец. Более того, вовлечение больного в учебный процесс создавало предпосылки для проведения на медицинских факультетах начального этапа клинической подготовки будущих врачей. Дальнейшее зависело от самих университетов. Как уже говорилось, "Устав" не ограничивал их ни в форме, ни в объеме клинических занятий.

Первым шагом на пути становления клинического преподавания на медицинском факультете Московского университета стало открытие клинических институтов — первых университетских клиник. Значение этого события, положившего начало преподаванию клинических дисциплин (внутренняя медицина, хирургия, повивальное искусство) у постели больного и формированию всемирно известных клинических школ, трудно переоценить. Поэтому вполне логично, что среди работ, так или иначе затрагивающих историю медицинского факультета Московского университета, крайне трудно отыскать публикацию, в которой факт организации Клинического, Хирургического и Повивального институтов не был бы более или менее подробно изложен.

Однако, как оказалось, обилие литературы, посвященной этому вопросу, отнюдь не свидетельствует о наличии в нем полной ясности. Нам не удалось обнаружить даже двух работ, которые содержали бы одинаковый фактический материал, относящийся к открытию первых клиник Московского университета. Заметим, речь идет не об оценках, не об исторических реконструкциях, а о фактах. Чтобы не быть голословными, приведем несколько выдержек из четырех наиболее известных исследований по истории медицинского факультета Московского университета.

«В 1805 году, — говорится во вступительной статье И. Д. Страшуна к юбилейному сборнику "175 лет Первого МГМИ", — были открыты первые клиники, причем прежде всего была открыта больница для страждущих глазами и даже для потерявших зрение, которым оказывал помощь д-р Гильдебранд. В августе 1805 г. была открыта клиниче-

ская больница на 6 кроватей для страдающих хроническими болезнями. В январе 1806 г. был открыт особый Повивальный институт и родильный госпиталь для бедных рожениц на 4 кровати»¹. Пятнадцать лет спустя Д. М. Российский предложил несколько иную "версию" тех же самых событий: «В начале XIX столетия по новому университетскому уставу при университете должны были быть открыты хирургический, клинический и повивальный институты, и в 1805 г. на медицинском факультете открываются под наименованием Клинического института первые клиники. В "Московских ведомостях" от 11 февраля 1805 г. по этому поводу было специальное извещение: "Императорский Московский университет сим объявляет почтеннейшей публике, что в клиническом его Институте, учрежденном на Никитской улице, позади Главного Университетского корпуса, под смотрением доктора и профессора Гильтебрандта, преподающего лекции о глазных болезнях и хирургических операциях, открыта особая больница для лечения страждущих глазами и даже для потерявших зрение, таких особенно, кои по недостатку в необходимой помощи не могут быть пользованы в своих домах"...В 1805 г. при Клиническом институте было открыто отделение на 6 кроватей "для страждущих хроническими болезнями", а 7 января 1806 г. — Повивальный институт и родильный госпиталь для бедных рожениц на три кровати»². Как видно из приведенной цитаты, Д. М. Российский ввел в научный оборот дату открытия клинических институтов — 11 февраля 1805 года, объединил их под общим наименованием "Клинический институт" и внес уточнение в вопрос о числе коек в родильном госпитале Повивального института.

¹ Страшун И. Д. 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 12.

² Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С. 51—52.

Однако "версия" эта просуществовала недолго. В 1959 году Ф. Р. Бородулин полностью опроверг данные Д. М. Российского, указав, что "...клинический (внутренних болезней) и повивальный институты, каждый на 6 коек, расположились в маленьком флигеле на Никитской, близ Главного корпуса; базой хирургического института оставалась палата в военном госпитале"³. Весьма близкое "версии" Ф. Р. Бородулина описание событий 1805—1806 гг. можно встретить и в юбилейном сборнике "225 лет Первому Московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова". Только в отличие от Ф. Р. Бородулина составители этого сборника не обошли стороной вопрос, поднятый И. Д. Страшуном и Д. М. Российским, о койках, выделенных в "Клиническом институте" для лечения пациентов с болезнями глаз: "Кроме того (кроме открытия при университете трех институтов (клинического, хирургического и повивального искусства. — *Авт.*), в 1805 г. в Москве была открыта первая в мире специальная глазная больница, которой заведовал профессор Московского университета Ф. А. Гильтебрандт"⁴.

Так что же в действительности происходило в 1805—1806 гг.? Что представляла собой первая клиническая база медицинского факультета Московского университета? Какое из цитированных выше описаний соответствует реальным событиям? Попробуем разобраться, но прежде необходимо сказать несколько слов о предыстории возникновения первых клинических институтов медицинского факультета Московского университета.

До времени принятия "Устава Императорского Московского университета" 1804 года клинической базой универ-

³ Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова // Очерки по истории Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 12.

⁴ 225 лет Первому Московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М., 1990. — С. 15.

ситет не располагал. Открытый в 1760 году университетский лазарет (университетская больница) являлся сугубо лечебным учреждением и в учебном процессе не использовался⁵. Клиническая палата М. Х. Пекена, открытая в 1797 году в Московском военном госпитале, никакого отношения к Московскому университету не имела. Создание клиник медицинского факультета Московского университета целиком и полностью связано с положениями "Устава", изменившими характер и содержание университетской подготовки медиков⁶.

Правда, первые шаги по организации клинической базы в Московском университете были сделаны несколько ранее ноября 1804 года. В дневниковых записях М. Н. Муравьева, датированных началом 1803 года, т. е. временем его первого посещения университета в должности попечителя Московского учебного округа, упоминается о данном им поручении профессорам медицинского факультета заняться начертанием клинической больницы⁷. Однако из этого не следует делать вывод о том, что возникновение клиник в Московском университете имело иные побудительные факторы, нежели "Устав" 1804 года. Напомним, что работа над "Уставом" началась в 1802 году, продолжалась более двух лет, и постоянным участником различных комитетов и комиссий, обсуждавших новый университетский устав, был М. Н. Муравьев⁸. Нет никаких сомнений, что он был прекрасно осведомлен в основных ключевых вопросах готовившегося

⁵ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Когда был открыт первый лазарет Московского университета // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. XI. — 2000. — С. 139—146.

⁶ Сточик А. М. О клинической базе Московского университета в XVIII веке // Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 3. — С. 56—58.

⁷ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета. — М., 1855. — С. 329.

⁸ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — Т. I. — СПб., 1889. — С. 10—13.

документа и как профессиональный организатор чрезвычайно высокого уровня принял решение подготовить почву для скорейшего воплощения в жизнь положений ожидаемого университетского устава. И, по-видимому, именно благодаря таким опережающим действиям клинические институты Московского университета удалось открыть в рекордно короткие для России сроки — в течение одного учебного года после утверждения уставных документов. Уже 11 февраля 1805 года в "Московских ведомостях" было опубликовано цитированное Д. М. Российским объявление о начале приема пациентов, страдающих болезнями глаз, и о введении в действие глазной больницы "в клиническом Институте" Московского университета.

Но открытие клинических институтов, вопреки мнению Д. М. Российского, состоялось не 11 февраля, а 30 августа 1805 года. Подробный отчет о церемонии торжественного открытия клинических институтов опубликован в 71-м номере "Московских ведомостей" от 6 сентября 1805 года. В газете также сообщалось, "...что в новооткрывавшейся больнице могут пользоваться от внутренних и наружных болезней, так называемыми хроническими, или долговременными, на первый случай 6 человек, на всем монаршем иждивении, в нее принимать будут одних только бедных и прямо беспомощных мужского пола, одержимых параличом, водяными болезнями, завалами, трудными ранами и сим подобными болезнями.

Прием будет впредь каждое воскресенье по утру от 8 до 9 часов. В сие самое время врачующие профессора в долг себе поставят делать советование страждущему человечеству..."

Последним из трех клинических институтов Московского университета был открыт Повивальный. Это произошло 7 января 1806 года. «Императорский Московский университет, — говорится в "Московских ведомостях" от 10 января 1806 года, — исполняя Высокомонаршую волю, изображенную в Высочайше утвержденном данном ему уставе, имел

шастие сего 1806 года января 7-го дня, к бесчисленным благотворным для человечества заведениям... присовокупить еще новое открытием в Университетском доме Повивального института и Родильного госпиталя для бедных рожениц... На первый случай сия родильная госпиталь открыта только на три кровати». Особо подчеркнем: не на 4, как писал И. Д. Страшун, и не на 6, как указывал Ф. Р. Бородулин, а "только на три".

Правда, столь определенно "Московские ведомости" сообщили лишь о коечной мощности Повивального института. В отношении же Клинического и Хирургического институтов упоминание о 3 койках для пациентов с болезнями глаз и 6 — для "хронических" больных допускает различные толкования, что, собственно, мы и встретили в историко-медицинской литературе. Достаточно напомнить уже цитированные "версии": об организации Клинического (внутренних болезней) института на 6 кроватей; о создании в 1805 году в Москве первой в мире самостоятельной глазной больницы; о том, что базой Хирургического института была клиническая палата в Московском военном госпитале.

Однако все три "версии" не выдерживают критики, даже если внимательно познакомиться с текстом "Московских ведомостей", т. е. если руководствоваться теми данными, на основании которых они были высказаны. В самом деле, как можно говорить о самостоятельной глазной больнице, если в объявлении о ее открытии со всей определенностью указывалось, что она создана "в клиническом его (Московского университета. — *Авт.*) Институте". Как можно относить все 6 коек для "хронических" больных только к Клиническому институту, если в объявлении прямо говорилось о том, что эти койки предназначены для лечения "от внутренних и наружных болезней", а в списке планируемых для госпитализации больных указаны пациенты с "трудными ранами", т. е. явно хирургического профиля. Что же касается "версии" о том, что Хирургический институт Московского университета был организован на базе терапевтической

клинической палаты, находившейся под управлением профессора патологии и медицинской практики Московской медико-хирургической академии М. Х. Пекена в Московском военном госпитале⁹, то она, на наш взгляд, вообще в комментариях не нуждается.

Но что же на самом деле имели в виду авторы объявлений, напечатанных в "Московских ведомостях", и какова же в действительности была коечная мощность Клинического и Хирургического институтов? Ответить на эти вопросы удастся с помощью документов, обнаруженных в Российском государственном историческом архиве. «В Клиническом институте, — говорится в рапорте М. Я. Мудрова от 29 декабря 1818 года "О возобновлении институтов: Клинического, Хирургического и Повивального на прежнем основании, т. е. для 12 человек больных на казенном содержании", — всегда пользованы были на казенном содержании три человека больных, в Хирургическом шесть человек, из коих трое с болезнями глаз, в Институте Повивальном три родильницы»¹⁰. Если сопоставить эти данные со сведениями, содержащимися в "Московских ведомостях", то складывается достаточно ясная картина.

Благодаря упреждающим действиям М. Н. Муравьева ко времени утверждения "Устава" план устройства клинических институтов был, по-видимому, полностью готов и для них подобрано подходящее здание. Маловероятно, что каменный флигель во дворе главного университетского корпуса, в котором впоследствии разместились институты, был построен специально для этого. Даты конфирмации уставных документов и открытия "глазной больницы" отделяют всего-навсего три зимних месяца, а строить здание клинических институтов до ноября 1804 года было вряд ли возможно вследствие отсутствия штатных сумм на финансирование столь

⁹ Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. ССІІ.

¹⁰ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 224.

дорогостоящего проекта. Вероятнее всего, это здание на углу Б. Никитской улицы и Леонтьевского переулка¹¹ было построено в начале 90-х годов 18 века для университетской больницы после переезда Московского университета в 1786 году в новый корпус на Моховой. Основанием для такого предположения служит тот факт, что после 1805 года клинические институты и университетская больница располагались в одном здании. Идея создания клинических институтов в доме, где уже находилась больница, выглядит тем более логичной, что, хотя институты и были предназначены в основном для учебных целей, основой их внутренней организации служили прежде всего больничные палаты или, как указывалось в "Московских ведомостях", "больницы".

В клинических институтах, хотя они и не представляли собой ничего выдающегося, предусматривалось все необходимое как для оказания помощи больным, так и для проведения занятий со студентами. Помимо достаточно просторных теплых и светлых палат на 2—3 койки, Клинический и Хирургический институты имели отдельные комнаты для приема амбулаторных больных, а также общую аудиторию для чтения лекций. Кроме того, в Хирургическом институте были устроены перевязочная и операционная. Повивальный институт был полностью изолирован от двух предыдущих, имел отдельный вход, собственную аудиторию, в которой находилось значительное собрание анатомических и патологоанатомических препаратов, два полных набора хирургических и акушерских инструментов, подаренных уни-

¹¹ До 1791 года на месте будущих клинических институтов и университетской больницы стояла церковь Дионисия Ареопагита. В 1791 г. церковь была разобрана, а ее утварь передана университетской Татьянинской церкви (Паламарчук П. Г. Сорок сороков. — М., 1995. — Т. IV. — С. 500). Любопытно, что именно с этим обстоятельством связывал М. Я. Мудров спасение клинических институтов от пожара 1812 года — "не все стоят они на месте святе". (Мудров М. Я. Слово о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача, на обновление в Императорском Московском университете медицинского факультета в торжественном его собрании 1813 года Октября 13-го дня. — М., 1814. — С. 7.)

верситету Александром I, несколько фантомов. Для рожениц и родильниц были предусмотрены отдельные палаты.

Вполне естественно, что необходимость устройства не только лечебных, но и учебных подразделений потребовала некоторой перестройки здания, причем такая перестройка была нужна даже в том случае, если в доме на углу Б. Никитской улицы и Леонтьевского переулка располагалась университетская больница. А это в свою очередь требовало времени. М. Н. Муравьев, видимо, хотел ввести в действие клинические институты как можно скорее и принял решение открывать их не одновременно, а по мере готовности помещений. Оборудовать комнаты для больничных палат было делом, безусловно, куда более легким (особенно, если институты создавались на базе уже функционировавшей больницы), нежели для учебных аудиторий. Именно поэтому первым было введено в действие только лечебное подразделение — "глазная больница", которая в свою очередь являлась частью больницы Хирургического института. И текст объявления из "Московских ведомостей" от 11 февраля 1805 года о ее открытии "в клиническом Институте" не должен вводить в заблуждение. В начале 19 века термин "клинический институт" использовался сразу в нескольких значениях, причем это имело место даже в уставных документах, определявших организацию клинической базы медицинского факультета Московского университета. Так, согласно параграфу 76 "Устава" ("Для распространения наук и просвещения учреждаются при Университете... Институты: Клинический, Хирургический и Повивального искусства"¹²), клиническим назывался институт внутренних болезней. Однако параграф 7 этого же документа ("При Университете должны быть: ...3) Медицинский Клинический Институт; 4) Хирургический Клинический Институт; 5) Институт повивального искусства"¹³) допускал использование

¹² Устав 1804 года. — Стб. 310.

¹³ Там же. — Стб. 296.

этого словосочетания для обозначения сразу двух институтов: хирургического и внутренних болезней. Именно этот вариант употребления термина "клинический институт" и был использован автором объявления в "Московских ведомостях". Кстати, директор Хирургического института Ф. А. Гильтебрандт в расписаниях лекций чаще всего называл свой институт также "клиническим".

Целиком больницу Хирургического института, колючая мощность которой составляла 6 кроватей (3 — для пациентов с заболеваниями глаз и 3 для собствен-

венно хирургических больных), а также больницу Клинического (внутренних болезней) института на 3 койки вместе со всеми необходимыми учебными подразделениями удалось обустроить только к концу лета, когда собственно и состоялось торжественное открытие институтов. Последним в начале 1806 года был введен в действие Повивальный институт.

Как лечебные учреждения клинические институты Московского университета оказывали значительный по тому времени объем медицинской помощи. Так, например, в 1806 году в Повивальном институте необходимую медицинскую помощь получили 44 женщины, и от года к году их число росло (в 1807 г. — 47, а в 1809 г. — 101)¹⁴. И это дан-

Федор Герасимович Политковский (1754—1809)

¹⁴ Журналы Повивального института за эти годы хранятся в музее клиники акушерства и гинекологии ММА им. И. М. Сеченова (директор — проф. Н. М. Побединский).

Федор Андреевич Гильтебрандт
(1773—1845)

Вильгельм Михайлович Рихтер
(1767—1822)

ные только по одному из трех институтов. А если принять во внимание, что с момента открытия клинических институтов в них проводился и амбулаторный прием, то можно с уверенностью говорить, что количество лиц, которым была оказана врачебная помощь в институтах Московского университета, исчислялось сотнями. Оценивая же эти данные, следует иметь в виду, что речь идет о начале 19 века, когда все население Москвы составляло не десять с лишним миллионов, а чуть более 200 тысяч человек.

Согласно параграфу 90 "Устава", институты должны были поступить в управление профессоров, преподававших соответствующие дисциплины, а согласно "Штатам", на их финансирование было выделено 5000 рублей в год, включая надбавку к жалованью профессорам-директорам институтов¹⁵. Первыми директорами и одновременно врачами институтов в 1805—1806 гг. стали: Клинического — профессор

патологии, терапии и клиники Ф. Г. Политковский, Хирургического — профессор хирургии Ф. А. Гильтебрандт, Повивального — профессор повивального искусства В. М. Рихтер. Профессор патологии, терапии и клиники одновременно являлся и врачом университетской больницы.

* *
*

Организация клинической базы являлась необходимым, но недостаточным условием успешного внедрения клинического преподавания. Недостаточным потому, что клиническое преподавание, как феномен высшего медицинского образования, не тождественно простому использованию больного в учебном процессе. Не случайно, что со времени создания первой в Европе клиники в Падуанском университете до окончательного формирования идеологии и методики клинического преподавания прошло более двух веков. 200 с лишним лет поисков и экспериментов, успехов и скандальных провалов на пути от первых робких попыток ввести наглядность преподавания практической медицины путем чтения лекций в больничных палатах до качественно нового подхода к преподаванию клинических дисциплин, преследующего цель приблизить университетское медицинское образование к задачам практической врачебной деятельности и даже обеспечить подготовку врача с правом на самостоятельную практику.

Результаты проведенного нами анализа материалов, касающихся становления практических форм обучения студентов медицинских факультетов европейских университетов, позволяют утверждать, что преподавание практических медицинских дисциплин в клинике у постели больного может считаться клиническим преподаванием только при одновре-

¹⁵ Штаты Императорского Московского университета//Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Приложения. — С. 12.

менном соблюдении пяти обязательных условий. Во-первых, занятия в клинике не должны ограничиваться демонстрацией учащимся больных или врачебного искусства профессора, а предусматривают активное участие студентов в проводимых клинических разборах: в выявлении и анализе наблюдаемых проявлений болезни, в обсуждении диагноза и выбора необходимых лечебных мер. Во-вторых, должно проводиться обучение студентов практическим навыкам работы с больными: правилам поведения у постели больного, опроса, осмотра и другим формам обследования пациента. В-третьих, клинические демонстрации и разборы должны осуществляться в тесной взаимосвязи с преподаванием основного систематического курса той или иной практической "врачебной науки", для чего вводится процедура тематического подбора больных в клиники. В-четвертых, студентам предоставляется возможность для самостоятельной работы с больными под наблюдением и контролем со стороны преподавателей. И наконец, в-пятых, занятия в клинике у постелей больных проводятся после освоения студентами всех без исключения естественных и теоретических "врачебных наук" и, таким образом, оказываются выделенными в главный и завершающий этап обучения на медицинском факультете¹⁶.

За исключением последнего, соблюдение приведенной выше совокупности условий, определяющих возникновение того феномена, который получил название клинического преподавания, даже при наличии оптимальной клинической базы зависело главным образом от желания и умения профессоров организовать обучение студентов практическим медицинским дисциплинам. А вот этому, по существу главному вопросу устроители университетской реформы

¹⁶ Подробнее о становлении клинического преподавания в Европе в 16—18 вв. см. Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. — М., 2001. — С. 366—384; а также Клиническая медицина. — 1998. — № 1. — С. 65—67, № 2. — С. 62—64, № 3. — С. 72—76, № 4. — С. 63—65, № 5. — С. 74—77, № 8. — С. 70—75.

должного внимания не уделили. В Московском университете преподавание у постели больного предлагалось ввести силами имевшихся на факультете профессоров. Профессоров, которые, вероятнее всего, не стремились к изменению традиционных и уже отработанных форм преподавания практических медицинских дисциплин и вряд ли достаточно хорошо знали, как должно быть организовано клиническое преподавание в университете.

Судите сами. Ф. Г. Политковский — наиболее популярный в Москве практикующий врач, талантливый лектор, с 1783 года в течение 20 лет читал в Московском университете натуральную историю. В 1803 году после смерти С. Г. Зыбелина стал профессором химии и практической медицины, с 1805 года — патологии, терапии и клиники¹⁷. Ф. А. Гильтебрандт — известный в Москве практикующий хирург, особенно прославившийся лечением глазных болезней, с 1804 года — профессор хирургии Московского университета. До этого читал в Московской медико-хирургической академии сначала химию и ботанику, затем анатомию и физиологию¹⁸. Где и когда эти в высшей степени достойные и образованные люди могли хотя бы познакомиться с методикой клинического преподавания в университете?

Правда, можно вспомнить, что Ф. Г. Политковский после окончания университета пять года (1779—1783) проходил подготовку к профессуре в Лейденском и Парижском университетах и что в Медико-хирургической академии, где учился, а затем работал Ф. А. Гильтебрандт, было организовано практическое преподавание хирургии. Но Ф. Г. Политковский изучал за границей химию и минералогию. Кроме того, в годы его пребывания в Париже клиники еще не было, а в Лейдене после смерти Г. Бургаве и Г. О. Шахта клиническое преподавание прервалось более чем на 40 лет. Да-

¹⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Т. 2. — М., 1855. — С. 282—284.

¹⁸ Там же. — Т. 1. — С. 200—201.

лее: опыт практического преподавания хирургии в Медико-хирургической академии, с которым Ф. А. Гильтебрандт был, несомненно, знаком, не мог быть использован в университете без существенной корректировки в силу различий в целевых установках курса хирургии в этих учебных заведениях: в академии готовили хирургов, в университете — интернистов.

В отечественной историко-медицинской литературе о крайне непростой ситуации, в которой оказались профессора практических медицинских дисциплин Московского университета в связи с необходимостью введения клинического преподавания, не говорится ни слова. И не говорится по вполне понятным причинам. Для подавляющего большинства отечественных исследователей клиническое преподавание на медицинском факультете Московского университета велось и в 18 веке, а значение "Устава" 1804 года в истории становления и развития этой формы обучения студентов медицинской практике определялось лишь тем, что благодаря новому уставу удалось организовать собственную клиническую базу университета. Но мы обратили внимание на отсутствие в литературе каких-либо данных, отражающих сложность положения, в котором оказались первые профессора-клиницисты Московского университета, вовсе не ради констатации этого факта как такового. Основная причина — необходимость восстановить историческую правду и отдать должное профессорам Ф. Г. Политковскому, Ф. А. Гильтебрандту и В. М. Рихтеру. Ведь если действительно говорить о "роли деятелей Московского университета в развитии клинической медицины", то главная заслуга, например, Ф. Г. Политковского состояла не столько в том, что он "первым стремился обосновать медицину на естествознании" и "был в длительной и тесной дружбе с ранними просветителями"¹⁹, а прежде всего в том, что он первым в Московском университете

¹⁹ Кончаловский М. П., Смотров В. Н. Роль деятелей Московского университета в развитии клинической медицины//Клиническая медицина. — Т. XVIII. — 1940. — № 12. — С. 4.

начал преподавание внутренней медицины у постели больного. Начал, несмотря на все имевшиеся сложности, сразу же после открытия Клинического института. То же необходимо сказать и в адрес Ф. А. Гильтебрандта и В. М. Рихтера.

На долю московских профессоров, особенно Ф. Г. Политковского и Ф. А. Гильтебрандта, выпала крайне непростая задача... Клиническую подготовку студентов надо было начинать, а как это делать, они не знали. Выход они нашли не лучший, но, пожалуй, единственный: не меня существовавшей организации учебного процесса и характера преподавания основного курса своих дисциплин, проводить занятия в клинических институтах в форме разбора больных и демонстрации операций.

Так, Ф. Г. Политковский в 1806/07 учебном году объявлял, что клиническую медицину он будет излагать только в рамках лекционного курса, а в Клиническом институте "при постелях больных" будет вести один час в неделю занятия по "Медицине Советовательной". Один час в неделю — время, едва достаточное, чтобы осмотреть и рассказать студентам о больном, тем более что преподавание "советовательной медицины" (она же — медицина консультаторная, она же — казуистика) предполагало разбор сложных клинических случаев и подходов к их лечению. Вряд ли за столь короткое время можно было еще обсудить увиденное со студентами, а если это так, то методика Ф. Г. Политковского очень напоминала порядок преподавания практической медицины, введенный Дж. Б. Монтано в Падуанском университете в 16 веке: то же отсутствие взаимосвязи между теоретической и практической частями курса, та же пассивность студентов, то же сведение занятий в клинике к демонстрации врачебного искусства профессора²⁰.

²⁰ Сточик А. М., Затравкин С. Н. О клинической подготовке врачей в университетах средневековой Европы//Клиническая медицина. — 1998. — № 1. — С. 65—67; Сточик А. М. Актовая речь. Становление клинического преподавания на медицинском факультете Московского университета. — М., 1997. — С. 4.

Аналогично на первых порах преподавалась и хирургия: "Федор Гильтебрандт будет преподавать Хирургию по руководству Титтмана. Сверх того, в Институте Хирургической клиники будет совершать операции камнесечения и бельма"²¹. А для того чтобы полностью исключить возможные упреки в чрезмерно вольной трактовке "объявлений", сделанных Ф. Г. Политковским или Ф. А. Гильтебрандтом, в попытке отыскать в них не существовавшие в действительности подтверждения авторским умозаключениям, приведем выдержку из расписаний лекций Ф. А. Гильтебрандта за более поздние годы, когда на медицинском факультете Московского университета уже была разработана и внедрена методика клинического преподавания: "Федор Гильтебрандт... преподавать будет Хирургию...по изданной им книге и притом будет занимать слушателей своих Хирургической практикой в Клиническом Институте..."²². На наш взгляд, разница более чем существенна — не "совершать операции камнесечения и бельма" в клинике, а "занимать слушателей своих Хирургической практикой", и не "сверх того", а "притом".

Один лишь профессор повивального искусства, знаменитый московский акушер В. М. Рихтер сразу же, начиная с 1806 года, объявлял, что "будет занимать слушателей практическими упражнениями в больнице Повивального Института"²³. Он лучше своих коллег был подготовлен к педагогическим новациям: после окончания Московского университета стажировался в Геттингене и

²¹ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1808 года Августа 17 по 28 Июня 1809. По назначению Совета. — М., 1808. — С. 7.

²² Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 17-го дня Августа 1820 по 28 Июня 1821 года, по назначению Совета. — М., 1820. — С. 7.

²³ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1806 Августа 17 по 1807 Июня 28. По назначению Совета. — М., 1806. — С. 5—6.

Страсбурге, где было организовано практическое преподавание акушерства, и, кроме того, приобрел собственный опыт в организованном им Повивальном институте при Московском воспитательном доме. Не следует сбрасывать со счетов и особенности преподаваемого В. М. Рихтером предмета. В начале 19 века клиническое преподавание акушерства было организовать легче, чем хирургии и тем более внутренней медицины. Однако и методика В. М. Рихтера была далека от совершенства в плане ее соответствия идее клинического преподавания. Продолжительность читавшегося В. М. Рихтером курса составляла три учебных года, что в условиях ежегодного приема в университет не давало возможности многим студентам изучать этот курс в его естественной внутренней последовательности.

Таким образом, в первые годы после принятия "Устава" клиническое преподавание на медицинском факультете Московского университета в полном объеме введено не было. Профессора факультета и руководители университета смогли реализовать положения "Устава", касавшиеся внедрения практических форм обучения у постели больного, лишь формально, организовав клиники и предприняв первые попытки их использования в учебном процессе.

Как уже отмечалось, привести формы организации учебного процесса на медицинском факультете в целом в соответствие с новым порядком приема студентов в университет удалось только в 1809/10 учебном году. Случайно или не случайно, но тогда же, т. е. начиная с 1809/10 учебного года, в расписания лекций профессоров практических медицинских дисциплин стали вноситься те изменения, о которых говорилось выше. Профессор клинической медицины начал читать у постели больных клиническую, а не советовательную медицину; профессор хирургии объявлял уже не о лечении больных в Хирургическом институте, а о занятиях со своими слушателями "практическими упражне-

ниями"²⁴. К сожалению, нам не удалось обнаружить каких-либо документальных данных, позволяющих связать эти преобразования между собой. Протоколы заседаний медицинского факультета и Совета Московского университета сгорели при пожаре 1812 года. Но как бы то ни было, а 1809/10 учебный год должен рассматриваться как своеобразная рубежная дата в истории становления клинического преподавания на медицинском факультете Московского университета, как дата завершения его первого этапа.

Преобразования 1809—1810 годов, положившие начало второму этапу становления клинического преподавания, связаны главным образом с деятельностью М. Я. Мудрова, сменившего в должности профессора патологии, терапии и клиники неожиданно умершего Ф. Г. Политковского. М. Я. Мудров стал первым профессором Московского университета, который не только сознавал необходимость, но и ясно представлял себе, как должно вестись клиническое преподавание. Он прошел солидную подготовку по хирургии, внутренней медицине и акушерству в авторитетных клиниках Европы, был хорошо знаком с передовыми педагогическими идеями французской высшей медицинской школы и И. П. Франка, под влиянием которых разработал стройную систему клинической подготовки и еще в 1805 году изложил ее первый вариант в письме попечителю Московского учебного округа М. Н. Муравьеву²⁵. Однако своевременному внедрению мудровских идей, представлявших собой синтез европейского опыта и собственных педагогических взглядов, помешала война 1812 года. Эти идеи полно-

²⁴ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1809 Августа 17 по 28 Июня 1810 года. По назначению Совета. — М., 1809. — С. 7—8.

²⁵ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву//Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. III. — С. 26—74.

стью воплотились в жизнь лишь в 20-х годах после значительного расширения клинических институтов и организации Медицинского института Московского университета.

* *
*

К зиме 1812—1813 годов история первых клиник медицинского факультета Московского университета насчитывала всего около семи лет. Только-только обустроили и оборудовали помещения, организовали прием больных и начали проводить занятия со студентами, как судьбе было угодно проверить идею преподавания практических медицинских дисциплин у постели больного на "прочность". Пожар 1812 года превратил Московский университет в пепелище. Здание клинических институтов хотя и уцелело, но было сильно повреждено и к тому же полностью разграблено. Все пришлось начинать практически заново.

Согласно версии, получившей широкое распространение в отечественной историко-медицинской литературе, с 1812 по 1820 год клинические институты Московского университета бездействовали²⁶. Здание использовалось под гостиницу для профессоров и чиновников университета, оставшихся в результате пожара без крыши над головой. Восстановить институты удалось лишь благодаря инициативе и стараниям декана медицинского факультета М. Я. Мудрова, "...который добился открытия при университете Клинического института в составе трех учебных отделений на 50 коек. В 1820 г. были вновь выстроены специальные здания клинического отделения по внутренним болезням для 32 больных, хирургического — на 12 больных и акушерского —

²⁶ См., например: Страшун И. Д. Цит. соч. — С. 16; Российский Д. М. Цит. соч. — С. 61—62; Бородулин Ф. Р. Цит. соч. — С. 13.

на 6 родильниц"²⁷. Однако эта версия лишь отчасти соответствует происходившим в те годы в Московском университете реальным событиям, которые удалось восстановить с помощью обнаруженных архивных документов.

Послевоенные годы действительно были для Московского университета нелегкими. Главный университетский корпус полностью погиб в огне, и занятия до 1818 года приходилось вести в малоприспособленном для учебного процесса доме в Леонтьевском переулке. Здание клинических институтов действительно сильно пострадало, и в нем действительно вплоть до 1820 года жили обездоленные сотрудники и профессора университета. Однако из этого вовсе не следует, что клинические институты до 1820 года бездействовали.

К решению вопросов, связанных с восстановлением клинических институтов, приступили уже в 1814 году. Первоначально планировалось открыть институты в помещении бывшего "анатомического флигеля", и, руководствуясь этими соображениями, попечитель Московского учебного округа П. И. Голенищев-Кутузов отдал в начале 1814 года приказ "...о скорейшем отделении оных (комнат в "анатомическом флигеле". — *Авт.*)"²⁸. Однако профессора медицинского факультета заявили, что "поместить больных в Анатомическом флигеле... есть дело невозможное...", а также что они "...никогда не согласятся на то по причине чрезвычайной сырости, которая бывает в сих комнатах..."²⁹, и в свою очередь полностью поддержали "требования" М. Я. Мудрова освободить часть комнат, занимаемых профессорами и адъюнктами в бывшем здании клинических институтов, "для больницы"³⁰.

Это требование профессоров было удовлетворено. Правда, к началу 1815 года открыть удалось только Клинический

²⁷ Российский Д. М. Цит. соч. — С. 61—62.

²⁸ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 212. — Л. 3.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. — Л. 2—2об.

институт и университетскую больницу, в которых, согласно "Ведомостям о числе больных, лежавших в Клиническом Институте (Университетской больнице) и приходивших в оный(оную) для получения рецептов в течение 1815 года", медицинскую помощь получили 166 пациентов (43 — в Клиническом институте и 123 — в больнице)³¹. В "Ведомостях" также отмечалось, что "...в течение 1815 года в Хирургический Институт больные принимаемы не были по причине бывшего в то время стеснения больниц"³². Однако уже в 1816 году Хирургический институт был введен в действие — "...всех больных, лежавших в Хирургическом Институте и приходивших в оный для получения рецептов в течение 1816 года, было — 21"³³.

К концу 1816 года оба института и университетская больница вполне смогли встать на ноги. По сравнению с 1815 годом число больных, получивших необходимую помощь только в Клиническом институте, увеличилось почти вдвое³⁴. Если судить по рапорту М. Я. Мудрова в Правление Московского университета от 1 декабря 1816 года, то и университетская больница, и названные институты имели "достаточно места для больных" и не испытывали "недостатка в медицинских припасах и других потребностях"³⁵.

До 1820 года не работал только Повивальный институт. Все усилия В. М. Рихтера лоббировать этот вопрос ни к чему не привели. То ли В. М. Рихтер избрал неправильную тактику, то ли открыть Повивальный институт в тот период в его прежних помещениях было делом действительно невыполнимым, сейчас сказать трудно. Сохранившиеся по этому поводу документы позволяют сделать любое из высказанных предположений. Во всяком случае не

³¹ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 1458. — Л. 29об.—30.

³² Там же.

³³ Там же. — Л. 37об.—38.

³⁴ Там же. — Л. 37об.

³⁵ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 603. — Л. 5—5об.

совсем ясно, почему В. М. Рихтер обратился с проблемой "восстановления Акушерского института" непосредственно к попечителю, минуя все инстанции внутри самого университета. П. И. Голенищев-Кутузов хотя и ответил В. М. Рихтеру (письмо от 14 сентября 1815 года), но при всей внешней благосклонности и к автору, и к идее как таковой решать вопрос отказался: "Но предварительно обязан Вас просить, чтобы Вы делу до восстановления Акушерского Института касающемуся дали надлежащий ход через Совет Московского университета и употребили бы с своей стороны настояние к беззамедлительному обо всем оном ко мне формальному представлению, по получении коего от Совета я не премину изъяснить согласия моего на произведение в действо похвального Вашего преднамерения..."³⁶. Совет же Московского университета предложение В. М. Рихтера не поддержал, а занял позицию профессоров "врачебного отделения" и, в частности, М. Я. Мудрова, выступившего по данному вопросу с письменным заявлением, в котором говорилось: "...уважая заслуги гг. профессоров, живущих ныне в комнатах Повивального Института, их крайнее разорение, а наипаче большие семейства гг. профессоров Черепанова и Гаврилова, лучше ходатайствовать перед Советом Университета об оставлении на прежних квартирах достойных товарищей, дабы не довести их до последней бедности; для Повивального же Института нанять особый дом; ...ибо квартирные деньги, каждому профессору следующие, не будут достаточны для каждого в особенности из них, а взятые вместе составят сумму, на которую удобно будет нанять приличный дом для Повивального Института"³⁷. Правда, М. Я. Мудров в числе обездоленных профессоров не назвал еще одного человека, имя которого фигурирует лишь в протоколах заседания Совета. Часть комнат бывшего

³⁶ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 443. — Л. 5.

³⁷ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 443. — Л. 5об.

Повивального института занимал В. М. Котельницкий³⁸, избранный деканом медицинского факультета на 1815/16 учебный год. Нельзя исключить, что В. М. Рихтер обсуждал с В. М. Котельницким свое предложение и, встретив отказ, вынужден был обратиться напрямую к попечителю Московского учебного округа. Но так или иначе, а Совет Московского университета постановил, что "...весьма желательно бы было восстановить Повивальный Институт согласно с мнением отделения, не в прежде бывших комнатах, занимаемых теперь вышеименованными профессорами, а в особом доме, для найму которого отделение предложило сумму, которую бы следовало выдать на квартиры живущим в комнатах, в которых прежде был помещен Повивальный Институт"³⁹.

Получив решение Совета университета, предполагавшее изыскание дополнительных средств на наем и переоборудование помещений, а также поиск надлежащего здания, П. И. Голенищев-Кутузов распорядился вовсе отложить открытие Повивального института, мотивируя это тем, "...что Московский университет будет иметь в скором времени собственный свой дом, в коем можно поместить и Повивальный Институт"⁴⁰.

Таким образом, Повивальный институт оказался единственным из трех клинических институтов Московского университета, работа которого возобновилась только в 1820 году. И вместе с тем этот год совершенно справедливо выделяется отечественными исследователями как одна из рубежных дат в истории клинических институтов Московского университета: 25 сентября 1820 года были не только введены в действие все три института, но и увеличена коечная мощность каждого из них.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. — Л. 8об.

Однако вопрос о расширении клинической базы медицинского факультета Московского университета, вопреки литературным данным, возник не в 1820 году, а явился хотя и существенной, но лишь частью более общей проблемы, обдумывание и проработка которой начались еще во время войны. Суть проблемы сводилась к поискам наиболее эффективных средств и методов "умножения числа врачей, образуемых в наших учебных заведениях на службу"⁴¹. В декабре 1812 года в высших эшелонах власти Российской Империи было принято решение о создании при медицинских факультетах российских университетов так называемых медицинских институтов для массовой подготовки на казенный счет лекарей с целью последующего их использования на государственной службе. Организация в течение 1818—1820 годов такого института на 100 воспитанников в Московском университете (и связанное с этим резкое увеличение числа лиц, изучающих медицину) и стала причиной расширения клинической базы университета.

Из сказанного, однако, не следует делать вывод, что имя М. Я. Мудрова упоминается в связи с реорганизацией клинических институтов 1820 года совершенно неоправданно. Просто роль, которую он сыграл в решении этого вопроса, была несколько иной. М. Я. Мудров не был инициатором расширения клинической базы медицинского факультета Московского университета. Это было неизбежно при организации Медицинского института, а поскольку в основу создания института был положен проект, составленный М. Я. Мудровым, то фактически сложилось положение, при котором реорганизация клинических институтов осуществлялась согласно его замыслам.

Коечную мощность клинических институтов планировалось увеличить за счет их перевода в новое, большее по площади здание — трехэтажный каменный дом на Никитской улице. Согласно постановлению Министерства народ-

⁴¹ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 1.

Здание Клинических институтов на Никитской улице

ного просвещения от 19 апреля 1819 года "Об учреждении при Московском университете Медицинского института", на реконструкцию и "отделку... обгорелого трехэтажного дома, для помещения в нем клинических заведений", а также на пристройку к нему "третьей части" было ассигновано 245 543 рубля 60 копеек⁴². Отделочные и строительные работы продолжались до осени 1820 года, когда и состоялось торжественное открытие трех обновленных и расширенных клинических институтов.

Коечная мощность нового "клинического центра" Московского университета действительно составила 50 коек, но не все они, как об этом говорится в литературе, относились к клиническим институтам. В состав "центра", помимо Клинического, Хирургического и Повивального институ-

⁴² Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 1281.

тов, входили еще две больницы: университетская и "воспитанников Медицинского Института", каждая на 8 кроватей⁴³. Еще четыре койки из 50 были "запасными" и при необходимости поступали в распоряжение либо директора больницы, либо директора того или иного института⁴⁴.

Собственно клиническим институтам принадлежало только 30 кроватей, которые были распределены между ними следующим образом:

"I. В Клиническом Институте

Больных мужеска пола — 5

Больных женска пола — 2

Итого — 7

Две кровати женские на казенном содержании полагаются на случай крайне бедных женщин и с неизлечимыми болезнями, коих в городских больницах не принимают яко неизлечимых, а в домах не держат от вони.

2. В Хирургическом Институте

Больных мужеска пола — 7

Примечание. В Хирургическом Институте больных женска пола на казенном содержании не полагается.

3. В Акушерском Институте — 6

Итого на казенном содержании — 20

II. На собственном содержании:

1. Клинических мужеска пола с внутренними болезнями — 3

2. Хирургических, или с наружными болезнями, мужеска пола — 3

Итого — 6

3. Клинических женска пола — 2

4. Хирургических женска пола — 2

Итого — 4

Итого больных на своем содержании — 10⁴⁵.

⁴³ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 177.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 176 об.

Из приведенной цитаты со всей очевидностью следует, что к Клиническому (внутренних болезней) институту относилось не 32, как указывали Д. М. Российский, И. Д. Страшун, Ф. Р. Бородулин и другие, а лишь 12 коек. Столько же кроватей имел в своем составе Хирургический Институт. Что же касается Повивального, то его коечная мощность, как совершенно справедливо отмечается в отечественной историко-медицинской литературе, составила при открытии в 1820 году 6 кроватей, но при необходимости она могла быть увеличена вдвое⁴⁶.

Документы позволили восстановить и внутреннее устройство "клинического центра", открытого в 1820 году. Первый этаж здания на Никитской улице занимали женские палаты Клинического и Хирургического институтов в общей сложности на 8 пациенток, Повивальный Институт, "кухня, принадлежащая к Клиническому и Хирургическому Институту, к Университетской больнице и больнице воспитанников, прачечная для них же, светлый коридор, погреб". В состав Повивального института, помимо палат для беременных, рожениц и родильниц, входили: "родильная зала, аудитория, прихожая или сторожка, чистая прихожая, крестовая и к ней прибавок, две комнаты для повивальной бабки, комната для служанок, сени или вход с улицы к повивальной бабке, кладовая, ретирада, прачечная для Повивального Института, кухня для Повивального Института, нужные места, светлый коридор"⁴⁷. Сюда же, "в нижний этаж" дома, вели "лестница и проход из галереи, идущей из Мосоловского дома"⁴⁸ во все Институты к больным и ко всем трем Профессорам на лекции⁴⁹.

⁴⁶ Страшун И. Д. Цит. соч. — С. 16.

⁴⁷ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 178 об.—179.

⁴⁸ В Мосоловском доме, получившем такое название по фамилии своего прежнего владельца, помещался Медицинский институт на 100 воспитанников//Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1902. — Стб. 1166.

⁴⁹ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 179.

Средний этаж был отведен под палаты "больных мужеска пола" обеих больниц, Клинического и Хирургического институтов, а также перевязочную "для болезней наружных", "операционную залу и Аудиторию... для Профессоров Хирургии и Клиники", "комнату с электрическою машиною"⁵⁰. Что находилось на третьем этаже здания, установить не удалось.

Директорами каждого из институтов по-прежнему оставались профессора соответствующих кафедр.

"Клинический центр" на Никитской улице прослужил клинической базой медицинского факультета Московского университета вплоть до 1846 года, когда, согласно "Дополнительному постановлению о медицинском факультете Московского университета", были образованы факультетские и госпитальные клиники.

* *
*

«Каждому молодому врачу для приобретения надлежащей способности в распознании и лечении болезней, для снискания навыка располагать самим искусством, необходимо нужно приобрести врачебное око, — читаем мы в записке М. Я. Мудрова "О Клинических Институтах вообще" (1818). — Оно приобретается долговременным упражнением в наблюдении больных при самых постелях. В сем отношении, таковой способ учения называется клиническим.

В Клинических Институтах... представляются глазам самые болезни и разности больных, предлагается познание и лечение оных, и обязанности врачей показываются на самом деле»⁵¹.

Целевые установки клинического преподавания в приведенном тексте сформулированы с предельной ясностью. И тем

⁵⁰ Там же. — Л. 180.

⁵¹ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 220.

не менее этот текст нуждается в кратком комментарии. Вряд ли случайно М. Я. Мудров вместо установленного в России термина "лекарь" употребляет слово "врач", традиционно связанное с понятием "интернист" и с университетским образованием, а значит, с широкой теоретической подготовкой, превращающей повседневную практическую врачебную деятельность из ремесла в искусство. Для этого практическое и теоретическое в клинической подготовке должны быть слиты воедино. Поэтому для М. Я. Мудрова целью клинического

Матвей Яковлевич Мудров
(1776—1831)

преподавания является не только "приобретение надлежащей способности в распознавании и лечении болезней", но и "познание... оных". Потому что именно в клинике начинает формироваться врач, потому что именно в клинике "при постелях больных" формируется его профессиональное мировоззрение и, в частности, "представление о сущности болезней", потому что именно в клинике путем "долговременных упражнений" приобретается "врачебное око" — необходимые навыки в распознавании и лечении болезней, потому что именно в клинике познаются "обязанности врачей... на самом деле", обязанности не только интеллектуальные и, так сказать, технологические, но и нравственные, осознается мера принимаемой на себя ответственности. Столь высоко целевую планку клинического преподавания до М. Я. Мудрова, во всяком случае в России, не устанавливал никто. И, конечно, воплощение столь широких за-

грудничком поведением и врачебной. Особенно в Клинических Институтах образования внимания на то, чтобы в смысле видя, при прохождении больницы, преподавал бытность, отнесшемуся к обществу.

Всегда бы была слышно жителям видящего в Клинических Институтах вот больницы, воспитательная идея их жизни. Но самым отвлеченным врачам, занимающимся долго жизни практической, никогда не удавалось ^{видеть} ~~видеть~~ больницы. — О таких бытиях, как не я показаны на больницы, обещанные преподавать в Терории. — Выходит преподаватель внимательности врата и особенно: изучается перитраивать восточные медицинские знания в самом аутент. И потому проки и права врачам было изучаема, подобно военной этикетке, требуются собственная благодарность и преподавательство в за преподавательство сирасам. —

Профессор Терории и Классики

Матвей Мудров.

1916.

Дек. 24. г.м.

Москва

мыслов было не под силу не только одному человеку, но и одному поколению университетской профессуры. Позднее многие питались с роскошного стола мудровских педагогических идей, подчас забывая, за чьим столом они находятся.

Конечно, все не под силу... Но и то, чего удалось добиться М. Я. Мудрову, было под силу далеко не каждому.

Во-первых, М. Я. Мудров практически ликвидировал несоответствие в содержании лекционного курса и занятий в клинике, воплотив в жизнь одно из основных положений клинического преподавания. "Особенно в Клиническом институте обращается внимание на то, чтоб в живом виде, при постели больного, показать болезнь, описываемую в сочинениях"⁵². Из сказанного не следует, что перечень болезней, излагавшихся в лекционном курсе, полностью соответствовал тому, что студенты наблюдали в клинике. Лекционный курс был значительно шире. Главное же состояло в том, что в клинике "показывались" лишь болезни, предварительно проработанные на лекции. При этом М. Я. Мудров считал, что студенты должны изучать его предмет на сравнительно небольшом числе больных, изучать небольшое число болезней, но изучать их тщательно и детально. "Множество больных развлекает внимательность молодого врача, и он занимается ими поверхностно, — писал М. Я. Мудров. — Обзорение многих предметов вместе затрудняет рассудок и не дает ему ясного об оных познания. Чувства врача, не привыкшие еще к рассматриванию болезней, при разнообразии предметов рассеиваются и тупеют... Сии замечания относятся к тем, кои влекомы будучи ученым любопытством, желают видеть множество больных и подлинно: — они видят много больных, а болезней мало"⁵³.

Ограничение числа изучавшихся в клинике болезней не носило произвольного или случайного характера. "В Кли-

⁵² Там же. — Л. 222.

⁵³ Там же. — Л. 221—221 об.

нический Институт преимущественно принимаются страждущие обыкновенными болезнями, или кои чаще встречаются в людском кругу, и сии болезни знать необходимо нужно. Они чаще и прежде всех встречаются, чаще несут с собою гибель, требуют от врача скорой помощи и служат испытанием для искусства". И далее: "...ум молодого врача должен быть заранее приготовлен к лечению оных. Ибо его практика и успешный ход начинается с сих болезней"⁵⁴.

Во-вторых, М. Я. Мудров ввел в клинике обучение методам и приемам диагностики: студенты осваивали разработанную им систему опроса и осмотра, отработывали навыки динамического наблюдения за больным, ведения истории болезни⁵⁵.

В-третьих, лекциями и практическими занятиями, которые проводились 2—4 раза в неделю, обучение студентов не ограничивалось. М. Я. Мудров по примеру И. П. Франка существенно расширил "круг обязанностей студентов у постелей больных". Он ввел обязательные для посещения студентами ежедневные утренние (профессорские) и вечерние (адъюнкские) обходы. В соответствии с установленным им порядком по два студента каждую ночь дежурили у постелей больных. К больным прикреплялись постоянные кураторы, которые не только вели истории болезни, но и должны были следить за состоянием пациента. Согласно разработанным им в декабре 1818 года "правилам" для "занятий Студентов" в клинических институтах, в случаях поступления "трудных больных" и ухудшения состояния ранее госпитализированных пациентов рядом с ними "неотлучно" должны были находиться не только двое дежурных студентов, но и в ночное время все без исключения обучавшиеся

⁵⁴ Там же. — Л. 221 об.

⁵⁵ Мудров М. Я. Слово о способе учить и учиться медицине практической или деятельному врачебному искусству при постелях больных// Мудров М. Я. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 202—255.

Московская клиника начала 19 века

на факультете. "Есть ли их ("трудных больных". — *Авт.*) будут видеть только ординарные Дежурные, — особо подчеркивал М. Я. Мудров, — то из того выйдет, что два будут видеть хорошо одну важную болезнь, другие двое другую, а многие никогда не увидят и не вникнут хорошо; поелико каждому Студенту достается дежурить не более четырех раз в круглый год; а потому очень легко может случиться, что многим во все их пребывание в Факультете будут доставаться на руки только одержимые неважными болезнями или выздоравливающие. А из того произойдет, что Студенты будут в распознавании болезней медленны, в лечении оных нерешительны и не будут видеть перемен болезней". Кроме того, новыми "правилами" студентам не только разрешалось, но и предписывалось "принимать младенцев во время родов" и оказывать первую помощь больным, "доставлен-

ным для подачи скорой помощи", в отсутствие профессора или адъюнкта⁵⁶.

В-четвертых, М. Я. Мудров существенно изменил содержание преподавания, выделив из новейших достижений медицины то, что ставило клинику на естественнонаучные рельсы, благодаря чему, по словам М. Я. Мудрова, "медицина постепенно выходит из гадательных наук и... подходит ближе к наукам верным"⁵⁷, что должно было помочь будущим врачам не поддаваться "ослепляющему блеску высокопарных умствований", а "увидеть то, что под их глазами и что подвержено прямому здравому смыслу"⁵⁸. Для этого М. Я. Мудров избрал в качестве основы своего курса новейшие монографии, в которых классификации и описания болезней строились с учетом последних достижений патологической анатомии.

М. Я. Мудров пользовался большим авторитетом на факультете. В деле клинического преподавания он проложил путь, которому стали следовать другие профессора-клиницисты, преломляя его педагогические установки применительно к своей специальности. В частности, Ф. А. Гильтебрандт также стал сопровождать лекции по хирургии клиническими разборами и ввел практические занятия по оперативной хирургии. В анатомическом театре студенты выполняли операции на трупах, а в Хирургическом институте практиковались в навыках наложения повязок, знакомились с хирургическими инструментами⁵⁹.

Деятельности М. Я. Мудрова прежде всего мы обязаны тому, что к исходу 20-х — началу 30-х годов прошлого века становление клинического преподавания в Московском

⁵⁶ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 168—171 об.

⁵⁷ ОПИ ГИМ. — Ф. 404. — Ед. хр. 20. — Л. 33.

⁵⁸ Письма М. Я. Мудрова М. Н. Муравьеву//Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. III. — С. 47—48.

⁵⁹ Гильтебрандт Ф. А. О средствах, ведущих к полному и основательному познанию Врачебной науки, и лучшему упражнению в Медицинской практике. — М., 1826.

университете завершилось; методически оно было внедрено в полном объеме, его необходимость и приоритет были осознаны всеми, оно стало ведущей педагогической доктриной медицинского факультета, и дальнейшее развитие медицинского образования пошло по пути расширения масштабов и содержания клинического преподавания.

СТАНОВЛЕНИЕ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В ряду важнейших событий в истории медицинского факультета Московского университета первой трети 19 века особое место занимает внедрение в учебный процесс патологической анатомии. Особое потому, что для медицины того времени патологическая анатомия была не просто одной из многих новых "врачебных" наук, возникших в период бурной дифференциации медицинского знания. Родившись в конце 18—начале 19 века на стыке морфологии и клиники в результате методологического прорыва, патологическая анатомия практически одновременно со своим появлением совершила небывалый переворот во врачебном мышлении, в буквальном смысле слова взорвав веками строившееся здание частной патологии.

Начало становления этой фундаментальной "врачебной" науки, навсегда соединившей естественнонаучную и практическую части медицины в единое неразделимое целое, справедливо относят к 16 столетию. Именно тогда впервые

стали исследовать, а точнее — выявлять и описывать "органические повреждения животного тела", а в медицинской литературе появились первые "замечания об анатомии больных органов". Количество и качество таких "замечаний" возрастало по мере увеличения числа вскрытий, проводившихся с демонстрационными и исследовательскими целями, по мере становления и развития новой анатомии. В сочинениях Б. де Карпи и А. Беневьени¹, А. Везалия и Г. Фаллопия, Р. Коломбо, Б. Евстахия и других анатомов 16 — первой половины 17 веков можно встретить описания обнаруженных ими при вскрытиях патоморфологических находок.

Однако, как справедливо заметил И. П. Франк, эти описания представляли собой почти исключительно "собрания курьезов", которые в самом лучшем случае могли служить "лишь простым дивертисментом для праздной публики"². С оценкой И. П. Франка трудно спорить. Возникновение и начальные этапы развития новой анатомии не были непосредственно связаны с запросами и потребностями практической медицины. Она возникла как результат стремления человека Возрождения познать строение человеческого тела и взаимодействие его частей, внутреннюю организацию существа, созданного по образу и подобию Божию, раскрыть великую тайну подлинной гармонии, существующей благо-

¹ По-видимому, А. Беневьени следует считать автором первого труда, специально посвященного описанию патоморфологических находок, обнаруженных им при вскрытиях (A. Benevieni. De abditis nanniellis as miranlis morborum et sarationum causis. — Flor., 1507). В труде А. Беневьени описано 170 таких находок, а также содержатся "некоторые важные замечания о желчных камнях, о нарыве брыжейки (mesenterium), о скире желудка, о полипах и проч." (Костомаров И. А. Об отношении патологической анатомии к другим врачебным наукам, и о способах, коими она может быть познаваема и совершенствуема, с предварительным коротким изложением ея истории // Бэйлли М. Патологическая анатомия важнейших частей тела человеческого.)

² Lesky E. Sudhoff's Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. — Bd. 39. — Ht. 1. — 1955. — S. 7.

даря божественному вдохновению Творца. Поэтому неудивительно, что встречавшиеся различные отклонения в строении органов и частей тела обращали на себя внимание первых "испытателей человеческой природы" лишь в самую последнюю очередь, и они фиксировали в своих трудах главным образом те из них, которые поражали воображение: уродливые сращения костей после переломов, грубые деформации суставов, огромные камни в полых органах, значительных размеров опухоли и кисты. Не случайно Ф. Бэкон указывал на недостаточное внимание врачей к патоморфологическим находкам, призывая их к тщательному изучению, анализу и обобщению обнаруживаемых при вскрытиях "следов и отпечатков болезней" и "причиненных этими болезнями повреждений". "А ведь до сих пор, — писал Ф. Бэкон в 1623 году, — все это разнообразие явлений рассматривается в анатомических исследованиях от случая к случаю, либо вообще обходится молчанием"³.

Обнаруживаемые на вскрытиях отклонения в строении важнейших органов и частей тела продолжали служить предметом развлечения "праздной публики" до тех пор, пока вскрытия не стали предприниматься по инициативе врачей специально с целями выявления и изучения "органических повреждений". Изначальная убежденность врачей-интернистов в том, что болезнь приводит к различным изменениям внутренней среды организма, побудила их воспользоваться достижениями анатомии для того, чтобы попытаться установить причины смерти конкретных больных и определить, какие повреждения внутренних органов и частей тела вызывает та или иная болезнь. И хотя вплоть до конца 18 столетия немногие врачи смогли перешагнуть через корпоративное пренебрежение к занятиям "рукодельными искусствами", уже первые серии вскрытий умерших от болезней принесли немало важных открытий, глав-

³ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук//Бэкон Ф. Соч. в 2-х томах. — Т. I. — М., 1977. — С. 306.

ным из которых стало обнаружение взаимосвязи клинических симптомов, наблюдавшихся при жизни больного, и найденных при вскрытии "органических повреждений".

В отечественной историко-медицинской литературе высказывается мнение, что идея корреляции между симптомами заболеваний и морфологическими изменениями органов впервые обнаруживается в знаменитом труде Дж. Б. Морганьи "De sedibus et causis morborum per anatomen indagatis" ("О местонахождении и причине болезней, выявленных анатомом", 1761)⁴. Однако сохранившиеся документальные источники свидетельствуют о том, что эта идея на рубеже первой и второй половины 17 столетия не только существовала, но и активно разрабатывалась. "В моей медицинской анатомии, — писал, например, У. Гарвей декану медицинского факультета и профессору анатомии Парижского университета Ж. Риолану (младшему), — я излагаю на основании многочисленных вскрытий трупов лиц, умерших от серьезных и страшных болезней, какие изменения претерпевают внутренние органы в отношении объема, структуры, консистенции, формы и других свойств сравнительно с их естественными свойствами и признаками, и к каким разнообразным и замечательным недугам ведут эти изменения. Ибо как рассечение здоровых и нормальных тел содействует успехам философии и здоровой физиологии, так изучение больных и худосочных субъектов содействует философской патологии"⁵.

В 1676 году вышла в свет работа швейцарского врача Т. Боне "Sepulchretum S. Anatomia practica ex cadaveribus morbo

⁴ См., например: Абрикосов А. И. Историческое развитие патологической анатомии//БМЭ. — 1-е изд. — Т. 24. — М., 1932. — С. 116; Струков А. И., Смольяников А. В., Саркисов Д. С. Патологическая анатомия//БМЭ. — 3-е изд. — Т. 18. — М., 1982. — С. 402; Гулькевич Ю. В. История патологической анатомии // Руководство по патологической анатомии. — Т. I. — М., 1963. — С. 44—45; Саркисов Д. С. Очерки истории общей патологии. — М., 1993. — С. 25.

⁵ Гарвей У. Письмо к Риолану//Гарвей У. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М., 1948. — С. 175.

donatis" ("Морг, или Практическая анатомия на основании вскрытий трупов больных"), в которой на значительном материале обосновывалась связь между симптомами болезней и обнаруживаемыми при вскрытиях морфологическими изменениями, и более того, высказывалось также связываемое с именем Дж. Б. Морганьи положение о существовании "места болезни" в теле человека. "Поражения, свойственные любому телу, — писал Т. Боне, подводя итоги своих исследований, — определяют если не причину, то по крайней мере местоположение болезни и, возможно, ее природу"⁶.

Казалось бы, Т. Боне сделал все: наличие клинико-морфологических корреляций было не только прослежено им на большом числе наблюдений, но и подкреплено идеей о существовании в человеческом теле "места болезни". Более того, в приведенном выше тексте читается высказанная в форме предположения мысль о первичности морфологического поражения по отношению к наблюдаемым врачом внешним проявлениям болезни — симптомам заболевания. Это предположение никак не обосновывалось и вряд ли было замечено современниками. Но оно свидетельствует о неудовлетворенности мыслящего и широко образованного морфолога и врача традиционными представлениями о сущности и развитии болезни и как бы выражает сомнение в непогрешимости сложившихся веками догматов врачебного мышления.

Врач же мыслил категориями конкретных заболеваний, которые, как и сегодня, нужно было диагностировать и эффективно лечить. При этом единственным инструментом врачебного анализа, или, выражаясь современным языком, знаковыми факторами, служили обнаруживаемые врачом на основании опроса и осмотра больного симптомы заболевания. Отдельные наиболее значимые и яркие симптомы или

⁶ Bonet Th. Sepulchretum S. Anatomia practica ex cadaveribus morbo donatis.-Vol. 3. — Lyon, 1700. — Preface.

комбинация (комплекс, совокупность) часто встречающихся вместе симптомов рассматривались как самостоятельные нозологические формы. Нозологические системы служили своеобразными матрицами, на которые накладывались обнаруживаемые симптомы, что соответствовало установлению диагноза. "Клинический врач, — писал профессор госпитальной терапевтической клиники Московского университета И. В. Варвинский, характеризуя алгоритм диагностического поиска врачей 17—18 веков, — ...исследовав больного, соединив припадки в целое, ищет в нозологической системе форму, подобную наблюдаемой; если находит ее, распознавание болезни (*diagnosis morbi*) кончено; если не находит, то составляет новую форму болезни. Чем врач внимательнее к явлениям, им наблюдаемым, чем глубже он следит за изменениями, совершающимися в больном организме, тем чаще ему не удастся найти в системе форму, совершенно соответствующую им наблюдаемой, тем чаще он бывает вынужден вставлять в систему новые формы болезней"⁷. При таком подходе к выделению нозологических форм данные, получаемые в результате патоморфологических исследований, представляли для врачей информацию второстепенного значения. Для того чтобы "объединить в болезнь" очередную сравнительно часто встречающуюся "группу припадков", знания морфологических изменений не требовалось. Вскрытия умерших, хотя и предпринимались с целью установления причины смерти, не служили средством проверки правильности поставленного при жизни диагноза. Задача состояла в выявлении масштабов повреждений, причиненных уже известным (диагностированным при жизни) заболеванием, а также в поиске и обнаружении повреждений, связанных с клиническими симптомами, на основании которых этот диагноз был поставлен.

⁷ Варвинский И. В. О влиянии патологической анатомии на развитие патологии вообще и клинической в особенности//Московский врачебный журнал. — 1849. — Ч. 1. — С. 56.

Впервые вопрос о том, что знаками болезней являются не клинические симптомы, а лежащие в их основе морфологические повреждения и что при выделении "форм болезней" необходимо в первую очередь учитывать морфологические данные, был поставлен Дж. Б. Морганьи в уже упоминавшемся "De sedibus et causis morborum...".

"Морганьи, — говорил Р. Вирхов в докладе "Морганьи и анатомическая мысль", — собирал материал с щепетильной тщательностью, контролируя каждое отдельное наблюдение прежнего времени. Потом оно анализировалось, но не только для того, чтобы установить анатомический факт, но и чтобы обосновать связь этого факта с клиническими процессами, дать ключ к диагнозу и прогнозу (курсив наш. — Авт.)"⁸.

Обосновать, установить связь "анатомического факта" (обнаруженного морфологического изменения) с "клиническими процессами" (с симптомами заболевания) — это принципиально новый для медицины того времени подход к анализу клинического и морфологического материала, к выявлению клинико-морфологических корреляций. Подход, предполагающий первичность морфологических изменений по отношению к наблюдаемым врачом внешним проявлениям заболевания, подход, позволяющий выявлять истинные клинико-морфологические корреляции, точно устанавливая патогномоничные симптомы отдельных нозологических форм, отвечать, насколько это позволяет анатомическое наблюдение, на вопрос "Ubi est morbus?" ("Где болезнь?") и на этой основе "дать ключ к диагнозу и прогнозу". Иными словами, Дж.Б. Морганьи первым наглядно показал своим коллегам, что симптомы являются знаками не болезней, а вызываемых этими болезнями морфологических изменений и что болезни, таким образом, следует "выводить" не из частоты совместной встречаемости симптомов, а из морфологических повреждений. Это позволило

⁸ Virchow R. Morgagni und der anatomische Gedanke. — Berlin, 1894. — S. 18.

объяснить частоту встречаемости отдельных симптомов общностью их происхождения — локализацией "органического повреждения", отделять симптомы, свойственные данному "повреждению", от сопутствующих, связанных с другими обнаруженными или необнаруженными "повреждениями". Напомним: предшественники Дж. Б. Морганьи шли от обратного — от окончательно установленного диагноза к органическому повреждению, считая единственным инструментом анализа симптоматику заболевания. На этом пути число ошибочных суждений превышало число истинных открытий, а выделяемые "формы болезней" продолжали оставаться преимущественно случайным набором симптомов.

"De sedibus et causis morborum..." получил широкий резонанс в медицинском мире. Следуя предложенному Дж. Б. Морганьи методологическому подходу, многие врачи уже в конце 18 столетия предприняли попытки пересмотреть существовавшие нозографии, исходя из того, что подлинными знаками болезней являются не симптомы заболевания, а обнаруживаемые на вскрытиях патоморфологические изменения⁹. Однако очень скоро они столкнулись с двумя непреодолимыми проблемами, которые несколько охладили пыл "неробких испытателей натуры", а скептиков заставили даже усомниться в справедливости и обоснованности идей Дж. Б. Морганьи¹⁰. Первая

⁹ Ж. Льето, Фойгтель, Х. Людвиг, Конради, Ф. Пинель предприняли попытки ревизии существовавших нозографий; И. П. Франк выпустил в свет руководство по частной патологии внутренних болезней, в котором впервые появилась отдельная и сравнительно большая группа органических болезней; начали предприниматься первые клинично-морфологические исследования патологии отдельных органов: Ж. Сенак и И. Меккель (младший) описали ряд заболеваний сердца, Блюланд — глотки и пищевода, Бемер — женских внутренних половых органов.

¹⁰ Так, например, даже Ж. Корвизар, которого не только невозможно заподозрить в приверженности к каким-либо медицинским верованиям, но и который был полностью согласен с тем, что патологоанатомические данные бесспорно должны рассматриваться как знаки болезни, мечтал о том, чтобы переделать сочинение Дж. Б. Морганьи и переиздать его под названием "О местонахождении и причине болезней, по внешним проявлениям обнаруженных и анатомически подтвержденных" (См.: Corvisart J. Essai sur les maladies et les lesions organiques, du coeur et des gros vaisseaux. — Paris, 1818. — P.V.).

состояла в невозможности на основе выявляемой при вскрытии трупа статичной картины патоморфологических изменений объяснить все многообразие, а главное динамику развития наблюдаемых в клинике симптомов. Вторая — в отсутствии каких-либо строгих критериев, позволявших в каждом конкретном случае отделить специфичные для данного заболевания патоморфологические изменения от случайных или посмертных.

Решение этих проблем связано с блистательными открытиями, совершенными в начале 19 века французскими клиницистами и естествоиспытателями — М. Биша, Ж. Корвизаром, Р. Лаэннеком и др.

Во-первых, в результате проведения многочисленных вскрытий умерших в парижских госпиталях было пересмотрено прочно сложившееся представление о том, что с помощью патологической анатомии можно изучать лишь морфологическую картину смерти. На основании многочисленных наблюдений удалось разделить понятия "смерть" и "болезнь", которые ранее рассматривались как последовательные этапы единого процесса. Было обращено внимание, что смерть может наступить не только в результате развития болезни, но и от случайных, не связанных с болезнью причин, например от передозировки лекарств, и в этом случае обнаруживаемая на вскрытии картина морфологических повреждений отражает не терминальную стадию болезни, а какой-либо из предшествующих ей этапов, причем как прогрессивного, так и регрессивного развития патологического процесса. Это открытие позволило, что называется, "оживить" труп, сформулировать подход к изучению динамики морфологических изменений при различных заболеваниях и тем самым обеспечило возможность устанавливать соответствие морфологической и клинической картины болезней.

Во-вторых, благодаря возрожденной Ж. Корвизаром перкуссии и изобретенной Р. Лаэннеком аускультации врачи получили в свое распоряжение невиданную прежде возможность выявлять и исследовать динамику морфологичес-

ких повреждений некоторых органов и частей тела еще при жизни больного.

В-третьих, представителями первого поколения французских клиницистов были установлены и подробно описаны основные посмертные процессы, происходящие в трупах, и тем самым созданы возможности для того, чтобы точно определять, какие повреждения, обнаруживаемые на вскрытии, произошли вследствие болезни, а какие — уже после смерти больного.

В-четвертых, и это уже заслуга главным образом М. Биша, было установлено, что органы и части человеческого тела при всей неповторимости их строения состоят из одних и тех же тканей, и что болезнь поражает, как правило, не весь орган, а только какую-либо из составляющих его тканей, и что болезненный процесс в той или иной ткани будет развиваться по одним и тем же принципам вне зависимости от того, составной частью какого органа эта ткань является. Эти три выдающихся открытия М. Биша дали колоссальный импульс развитию идей Дж. Б. Морганьи. Вскоре после "разделения", например, сердца на составлявшие его ткани были выделены в самостоятельные нозологические формы и подробно описаны эндокардиты и перикардиты, о чем в условиях симптоматологического подхода к познанию болезней не могло быть и речи.

Каждый год появлялись новые нозографии, в которых число болезней, "выведенных" исходя из частоты совместной встречаемости симптомов, стремительно уменьшалось. Одни традиционные и существовавшие веками симптомокомплексы распадались на несколько отдельных заболеваний, другие, наоборот, объединялись; третьи — дополнялись и исправлялись. Наибольших успехов удалось добиться Р. Лаэннеку, выполнившему классические клинико-морфологические исследования эмфиземы легких, бронхоэктазов, плевритов, инфаркта и туберкулеза легких, цирроза печени и ряда других заболеваний и создавшему патологоанатомическую классификацию болезней легких, бронхов, плевры. После выхода в

свет работ М. Биша, Ж. Корвизара, Г. Дюпюитрена, Р. Лазнека новый анатомический подход к познанию болезней получил признание у подавляющего большинства врачей Европы. Но главная победа и триумфальное шествие патологической анатомии по странам Европы были еще впереди...

* *
*

По мере накопления сведений об "анатомии больных органов" и осознания их важности для теоретической и практической медицины шел процесс постепенного проникновения патологоанатомических данных в учебный процесс на медицинских факультетах европейских университетов.

Первыми начали профессора анатомии тех университетов, где она преподавалась на трупах в анатомических театрах и где в учебных целях проводилось достаточное число вскрытий. На первых порах, в 16 — первой трети 17 века, они лишь фиксировали внимание студентов на изменениях в строении органов и частей человеческого тела, случайно обнаруживаемых при демонстрационных вскрытиях. Тогда же сведения об этих изменениях начали включаться в анатомические труды. К середине 18 века благодаря усилиям Б. Альбинуса и Ф. Рюиша, И. Меккеля (старшего) и А. Вальсальвы, Дж. Б. Морганьи и других выдающихся анатомов объем патоморфологического материала в курсах нормальной анатомии настолько расширился, что специалисты, занимавшиеся разработкой и изучением проблем университетского медицинского образования, оказались вынуждены констатировать появление в учебных программах медицинских факультетов фактически нового предмета, названного лейпцигским профессором Х. Людвигом "Анатомией тела человека здорового и больного..."¹¹. Однако возникновение

¹¹ Ludwig Ch. G. Methodus doctrinae medicae universae. — Lipsiae, 1766. — S. 32. Перевод с латинского профессора В. Ф. Новодрановой.

в 50—60-х годах 18 века нового комплексного предмета еще не означало введения преподавания систематического курса патологической анатомии в рамках кафедр анатомии нормальной: "...Анатомия, — читаем мы в пояснительной записке Х. Людвига к перечню предметов преподавания на медицинских факультетах, — должна преподаваться на трупах взрослых людей обоюбого пола, в прошлом здоровых, внезапно умерших по причинам насилия, с тем, чтобы отыскать некую норму, к которой приводится жизнь и здоровье людей в своих функциях, насколько они зависят от строения. *Наконец, при рассечении тех, которые умерли от болезни, пусть врачи занимаются тем, чтобы иллюстрировать на примерах гибель цельных частей* (курсив наш. — Авт.)"¹². Из приведенного текста видно, что указанные Х. Людвигом цели преподавания "анатомии тела человека... больного" не соответствуют задачам систематического курса патологической анатомии. А если к сказанному еще добавить, что в списке рекомендованной Х. Людвигом литературы для преподавания комплексного морфологического предмета не содержалось ни одного патологоанатомического сочинения, то становится очевидным, что как до, так и после формирования этого предмета патологическая анатомия в европейских университетах продолжала преподаваться в виде отдельных элементов, выбор которых диктовался в основном характером поступившего трупного материала и перечнем имевшихся в анатомическом музее патоморфологических препаратов.

Другим источником сведений "до патологической анатомии касающихся" для студентов служил курс практической (внутренней) медицины в тех крайне немногочисленных в 17 и большей части 18 века университетах, где он, во-первых, преподавался у постелей больных в клиниках, а во-вторых, профессорами, лично занимавшимися проведением патоморфологических изысканий. По-видимому, первым

¹² Там же. — S. 43.

приглашать студентов на вскрытия умерших в клиниках больных, за ходом течения болезней которых они наблюдали на занятиях, стал основоположник внедрения практических форм обучения внутренней медицине и создатель клиники Лейденского университета профессор О. ван Херниус. Из числа его преемников систематические демонстрации вскрытий проводил Ф. де ла Боэ (Сильвиус), считавший посмертные аутопсии неотъемлемым компонентом клинической подготовки. "Я веду своих студентов, — писал Сильвиус, — за руку, приучая их к практической работе, используя метод еще неизвестный ни в Лейдене, ни в каком-либо другом месте. Он заключается в том, что они должны проводить все дни в госпитале. Там я им показываю симптомы болезней; заставляю выслушивать жалобы больных; прошу их высказать свое мнение по каждому конкретному случаю и предлагать курс лечения... Они должны видеть результаты лечения, когда Бог доверил нашим заботам больного. Должны присутствовать при вскрытии тела"¹³.

В 18 веке начинание лейденских профессоров продолжили Й. Юнкер в Галле, Дж. Ланцизи в Риме, И. Редерер и Э. Г. Бальдингер в Геттингене, А. де Гаен в Вене. И хотя по сравнению с анатомами профессора-клиницисты обращали значительно большее внимание на проблему клинико-анатомических сопоставлений, проводившиеся ими занятия на трупах также представляли собой не более чем изложение отдельных разрозненных сведений.

Положение резко изменилось в последней четверти 18 века, после того как под влиянием выдающегося труда Дж. Б. Морганьи врачами и университетской профессурой было осознано истинное значение патоморфологических данных для клиники.

По-видимому, одним из первых в полной мере оценил величие и перспективы осуществленного Дж. Б. Морганьи

¹³ Bariety M., Coury Ch. Histoire de la medicine. — Paris, 1963. — S. 595.

методологического прорыва выдающийся клиницист и реформатор медицинского образования И. П. Франк¹⁴. Во второй половине 80-х годов 18 века он начал читать отдельный демонстрационный курс патологической анатомии, используя в преподавании как вскрытия трупов умерших в своей клинике, так и препараты университетского патологоанатомического кабинета. В 1793 году инициативу И. П. Франка поддержал профессор Галльского университета Ф. Т. Меккель, организовавший преподавание самостоятельного курса патологической анатомии в рамках кафедры нормальной анатомии. В 1796 году патологическая анатомия в виде отдельного курса начинает читаться в Венском университете, где главным инициатором этого нововведения выступил тот же И. П. Франк. Правда, в Вене он пошел несколько дальше своих же павийских преобразований: И. П. Франк добился не только введения преподавания курса патологической анатомии и организации на кафедре внутренней клиники обширного патологоанатомического музея, но и выделения должности прозектора для проведения практических занятий по патологической анатомии. В 1796 году на эту должность без жалования был назначен прозектор Венского *Krankenhaus*'а А. Р. Феттер.

На рубеже 18—19 веков преподавание патологической анатомии вводят М. Биша (совместно с анатомией и хирургией) в парижском *Hotel-Dieu* и П. Порталь в *College de France*. Одновременно с этим в разных странах Европы выходят в свет первые специальные руководства по патологической анатомии (Х. Людвиг, Ж. Льето, Фойгтель) и первый учебник для преподавания систематического курса

¹⁴ "Патологическая анатомия, — писал И. П. Франк вскоре после выхода в свет труда Дж. Б. Морганьи, — это непересыхающий источник новых важнейших для практической медицины знаний, указывающих путь и определяющих терапевтические действия" (*Lesky E. Iohann Peter Frank als Organisator des medizinischen Unterrichts//Sudhoff's Archiv fur Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. — Bd. 39. — Hf. 1. — 1955. — S. 7*).

этой дисциплины (М. Бэйлли, 1796)¹⁵. Наконец, в 1799 году профессора парижской Ecole de Sante выступают с предложением организовать первую самостоятельную кафедру патологической анатомии¹⁶.

Инициатива парижских профессоров не получила поддержки, и первая кафедра патологической анатомии была открыта в 1819 году профессором Страсбургского университета И. Ф. Лобштейном¹⁷. В Париже кафедра патологической анатомии была учреждена только в 1836 году, через год после смерти Г. Дюпюитрена, завещавшего крупную сумму денег на создание музея и кафедры патологической анатомии¹⁸. Первым профессором этой кафедры и ее фактическим создателем стал Ж. Крювелье.

* *
*
* *

О времени начала преподавания патологической анатомии в Московском университете в отечественной историко-медицинской литературе существуют две версии. Сторонники первой (Н. Ф. Мельников-Разведенков, А. И. Абрикосов, В. Л. Дерябина, Ю. В. Гулькевич)¹⁹ полагают, что патоморфологические сведения стали включаться в учебный процесс на факультете "профессором врачебного вешествословия И. Х. Керштенсом", и произошло это практически сразу же после основания Московского университета; авторы второй (И. Д. Страшун, Ф. Р. Бородулин, Э. Шуль-

¹⁵ Учебник М. Бэйлли был переведен на русский язык (Бэйлли М. Патологическая анатомия важнейших частей тела человеческого, преимущественно находящихся в главных четырех полостях/Пер. с англ. И. А. Костомарова. — М., 1826).

¹⁶ Puschmann Th. Geschichte des medizinischen Unterrichts. — Leipzig, 1899. — S. 435.

¹⁷ Lesky E. Neue Wiener Schule. — Wien, 1969. — S. 99.

¹⁸ Заблоцкий П. П. Очерк по истории медицинской анатомии//Записки по части врачебных наук/Медико-хирургическая академия; Под ред. П. Дубовицкого. — СПб., 1844. — Кн. 3. — С. 95—96.

тейс и Л. Тарди)²⁰ датируют начало преподавания элементов патологической анатомии концом 70-х годов 18 века и связывают его с именем профессора анатомии и хирургии Ф. Ф. Керестури.

Хотя версия об иницирующей роли И. Х. Керштенса достаточно прочно вошла в литературу по истории патологической анатомии в России, никаких, даже косвенных, документальных подтверждений ее справедливости до сих пор обнаружить не удалось. Более того, трудно объяснить, какую цель мог преследовать этот опытный европейский образованный профессор, включая сведения об отклонениях в строении органов и частей тела, встречающихся при болезнях, в курс лекций, посвященный описанию "простых лекарств... и аптекарским из оных приготовлениям и сложениям"²¹.

Вторая версия основывается на "Объявлении о публичных учениях в Императорском Московском университете...", в котором сообщается, что при преподавании "Анатомии и Хирургии Медической" профессор Ф. Ф. Керестури "не преминет также анатомически изыскивать причины бо-

¹⁹ Мельников-Разведенков Н. Ф. Прошлое и настоящее кафедры патологической анатомии в Императорском Московском университете//Сборник статей, посвященных профессору Московского университета Ивану Федоровичу Клейну. — М., 1892. — С. 2; Абрикосов А. И. Кафедра патологической анатомии//175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М.—Л., 1940. — С. 159; Дербина В. Л. Очерки развития прозекторского дела в России и СССР. — М., 1958. — С. 21; Гулькевич Ю. В. Цит. соч. — С. 71.

²⁰ Страшун И. Д. 175 лет//175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М.—Л., 1940. — С. 10; Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова// Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 11; Шультейс Э., Тарди Л. Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. — М., 1976. — С. 130.

²¹ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. — Изд. 2-е. — М., 2000. — С. 350—351.

лезней и смерти на кадаверах на сей конец присылаемых"²². Поскольку такое объявление было опубликовано, создается впечатление, что версия о приоритете Ф. Ф. Керестури в преподавании патологической анатомии на медицинском факультете документально обоснована. Однако это впечатление обманчиво. Не случайно все без исключения авторы, касавшиеся проблемы преподавания Ф. Ф. Керестури патологической анатомии, так стремились "отредактировать" приведенный выше текст из расписания его лекций ("изыскивал анатомические причины болезней и смерти..." — Н. Ф. Мельников-Разведенков и А. И. Абрикосов; "положил начало... изысканию анатомических причин болезни и смерти в кадаверах..." — И. Д. Страшун; и др.)²³, а главное, не обратили внимание на то, что за 30 лет своей профессорской деятельности в Московском университете Ф. Ф. Керестури сделал такое объявление лишь однажды — в 1778 году.

М. Я. Мудров, слушавший лекции и посещавший занятия Ф. Ф. Керестури, полностью отвел от него всякие подозрения в причастности к преподаванию патологической анатомии. "Об Анатомии врачебной или патологической мы только слышали по имени во время предисловия к Анатомии"²⁴, — писал он в письме попечителю Московского университета М. Н. Муравьеву весной 1805 года и вслед за этим предпринял попытку "убедить" попечителя и Совет Московского университета "в необходимости оной"²⁵.

Основным средством убеждения в необходимости патологической анатомии для врачебного образования М. Я. Мудров

²² Исторический вестник ММА им. И. М. Сеченова. — Т. IV. — 1995. — С. 104—105.

²³ Мельников-Разведенков Н. Ф. Цит. соч. — С.3; Абрикосов А. И. Цит. соч. — С. 159; Страшун И. Д. Цит. соч. — С. 10.

²⁴ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву// Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. III. — С. 28 (Далее: Письма М. Я. Мудрова... — С. 28).

²⁵ Там же. — С. 47.

избрал обстоятельное "языком всеобщим и понятным для врачей и неврачей" разъяснение тех важнейших последствий, к которым уже привело и к которым в скором времени обязательно должно привести широкое внедрение в педагогическую, исследовательскую и лечебно-диагностическую работу достижений и методологических подходов "новой науки".

Таких последствий М. Я. Мудров выделил по меньшей мере три.

Первое: "строгое исследование болезненных произведений" (тщательное изучение морфологических изменений органов и частей человеческого тела при различных заболеваниях) "должны нам служить основанием теории патологической". М. Я. Мудров был убежден, что важнейшая историческая миссия патологической анатомии состоит в "поправлении теорий": постепенном пересмотре прежних и еще существующих умозрительных "объяснений причин болезней" и формировании новых, почерпнутых из показанного Моргани "храма природы" (естественнонаучных), основ патологии²⁶. При этом, по мнению М. Я. Мудрова, особенно важно, что патологоанатомический метод исследования дает возможность изучать "болезненные произведения" и, следовательно, клинико-анатомические параллели на различных стадиях развития заболевания²⁷. И хотя М. Я. Мудров ясно сознавал, что патологоанатомические исследования "не всегда могут нас руководить к бесспорному познанию причин", вызвавших повреждения органов и соответствующую им клиническую симптоматику, он был уверен, что "строгое исследование болезненных произведений" является "единственным средством, могущим разогнать мрак, в коем погружена Патология Хирургическая"²⁸. "По крайней мере, — подчеркивает М. Я. Мудров в письме М. Н. Муравьеву, — поучаем будучи

²⁶ Там же. — С. 48.

²⁷ Там же. — С. 50.

²⁸ Там же. — С. 48. В письме М. Я. Мудров не касается проблематики клиники внутренних болезней.

ежегодными переменами модных теорий, я не вижу другой дороги добиться истины..."²⁹.

Вторым важнейшим последствием внедрения патологической анатомии в исследовательскую и повседневную практическую деятельность врачей, по мнению М. Я. Мудрова, являлось "усовершенствование диагностики". "Есть много вещей, — писал он в 1805 году М. Н. Муравьеву, — до коих мы не доходим в живом теле, по причине противоречащих перемен, по обманам боли, часто являющейся в отдаленности от гнезда болезни, по несовершенству языка больных, рассказывающих свои страдания, по их предрассудкам о существовании болезни, и по вопросам врачей, которые часто делают экзамен болезни в сообразность их любимой теории. По крайней мере, над трупом мы будем ближе подходить к истине, изследывая произведение болезни и сравнивая минувшие явления с существом оной. Разбогатев в сих данных истинах, кои суть награда беспрестанных трудов, мы дойдем со временем до важных открытий, кои полезнее будут для Патологии... чем все теории. Вот что раскрывает существо болезней и их форму!"³⁰.

Третье: внедрение в программу обучения на медицинском факультете патологической анатомии и ее практического преподавания приведет к подготовке врачей нового типа. Новое знание, соединенное с клинической подготовкой, пусть не сразу ("...сие предприятие не обещает скорого совершенства..."), но все же постепенно поможет врачам "сойти с эмпирейских высот безвещественного мира" и увидеть то, "что под их глазами и что подвержено здравому смыслу". Тогда на смену "ослепленных блеском высокопарных умствований", ищущих "причин болезней в строении вселенной", придет новое поколение реально мыслящих врачей, "объясняющих болезнь из поврежденного строения"³¹.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. — С. 50—51.

³¹ Там же. — С. 47.

Внушая попечителю мысль о необходимости скорейшего введения патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета, М. Я. Мудров в то же время не давал каких-либо рекомендаций по организации преподавания новой дисциплины. В своем письме он сообщал, что в зарубежных высших медицинских учебных заведениях ее преподавание организовано по-разному: в одних — при кафедре анатомии, в других — при кафедре хирургии, в третьих — при кафедре частной патологии и терапии, в четвертых — при кафедре акушерства, как бы давая этим понять, что единого принципа преподавания этой дисциплины еще не выработано и что в каждом из посещенных им учебных заведений патологическую анатомию (или ее элементы) преподавал профессор, достаточно осведомленный в этом предмете, а главное, убежденный в его необходимости. Похоже, что сам М. Я. Мудров был сторонником введения обширных сведений по патологической анатомии в программу преподавания всех "рукодеятельных" наук — анатомии, хирургии, акушерства, судебной медицины (иначе зачем ему было подробно разъяснять важность включения патологоанатомических материалов в соответствующие курсы) — но скорее всего тогда, в 1805 году, он не видел возможности (или необходимости) организации самостоятельного курса этой дисциплины. Выбор конкретных форм скорейшего, хотя и постепенного, внедрения преподавания патологической анатомии он как бы оставлял на решение попечителя и Совета факультета, поскольку понимал, что решение это зависит не от выбора предмета, с которым было бы легче всего совместить патоморфологические сведения, а от выбора профессора, знающего патологическую анатомию и способного ее преподавать.

В литературе утвердилось мнение, что мудровское "внушение" осталось без последствий. "Не его (М. Я. Мудрова. — *Авт.*) была вина, что эти предложения не были осуществлены, — писал о судьбе мудровских инициатив 1805 года более века спустя Г. А. Колосов, — это было обусловлено смертью еще в 1807 г. Муравьева, затем войной и, наконец, наступившей реакцией"³².

Вместе с тем сохранившиеся документы позволяют утверждать обратное. «Иван Венсович, — читаем мы в "Объявлении о публичных учениях..." за 1805/06 учебный год, — ...будет излагать анатомию по руководству Пленка, с кратким объяснением частей тела и в соответствующих случаях будет объяснять своим слушателям судебное вскрытие тел, направляя их внимание преимущественно на причины внезапной смерти на трупах, надлежаще приуроченных для этих целей доктором медицины и прозектором Алексеем Данилевским, а также на частные патологические недостатки тела... (курсив наш. — *Авт.*)»³³. В следующем году И. Ф. Венсович и А. И. Данилевский вновь подтвердили свое намерение "устремлять внимание слушателей своих, как на судебный осмотр тел, так и на встречающиеся в них иногда патологические недостатки (курсив наш. — *Авт.*)"³⁴. В лекционной аудитории открытого в январе 1806 года Повивального института Московского университета профессор повивального искусства В. М. Рихтер распорядился поместить значительное число различных анатомических и патологоанатомических пре-

³² Колосов Г. А. Профессор М. Я. Мудров. Его личность, научно-общественная деятельность и значение для русской медицины. — Пг., 1915. — С. 84.

³³ Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С. 53.

³⁴ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых с 1806 года Августа 17 по 1807 года Июня 28, по назначению Совета. — М., 1806. — С. 7.

паратом, которые он использовал при чтении лекций по акушерству, детским и женским болезням³⁵.

И все же несмотря на то, что предложения М. Я. Мудрова встретили поддержку со стороны М. Н. Муравьева и ряда профессоров факультета, 1805 год вряд ли можно бесспорно назвать датой начала систематического преподавания патологической анатомии на медицинском факультете Московского университета. После смерти М. Н. Муравьева, последовавшей в 1807 году, и вплоть до середины 20-х годов 19 века прямых указаний на преподавание кем-либо из профессоров медицинского факультета патологической анатомии в расписаниях лекций факультета более не встречается. Конечно, нельзя полностью исключить, что И. Ф. Венсович, В. М. Рихтер, А. И. Данилевский не перестали "...устремлять внимание... на встречающиеся... иногда патологические недостатки", но каких-либо документов, позволяющих либо подтвердить, либо опровергнуть это предположение, не обнаружено.

Однако даже если после смерти М. Н. Муравьева решение вопроса о постепенном внедрении в учебный процесс преподавания патологической анатомии и приостановилось, то лишь на время, пока в Московский университет не вернулся и не освоился в новой для себя должности ординарного профессора патологии, терапии и клиники М. Я. Мудров. За четыре года, прошедшие со времени направления письма М. Н. Муравьеву, М. Я. Мудров не только не поколебался в своих взглядах в отношении важности патологической анатомии для подготовки врача, но напротив, укрепился в них. Во-первых, он познакомился и сдружился с Й. Франком, который, как и его знаменитый отец, был убежден, что только клинические наблюдения и

³⁵ Источник этих препаратов достоверно неизвестен, однако нельзя исключить, что они были изготовлены А. И. Данилевским, который в то время был не только прозектором кафедры анатомии, но и адъюнктом повивального искусства на кафедре у В. М. Рихтера.

данные, полученные с помощью патологической анатомии, могут служить основой для изучения болезней и поиска эффективных средств их диагностики и лечения. К моменту знакомства М. Я. Мудрова с Й. Франком последний успел уже организовать в Виленском университете клинику, в которую иногда специально принимали неизлечимых больных, в том случае, если "вскрытие обещало быть интересным"³⁶. Во-вторых, М. Я. Мудров на собственном опыте убедился в эффективности патологоанатомического метода исследования болезни. Так, осуществив ряд вскрытий умерших от вспыхнувшей в Вильно эпидемии, М. Я. Мудров очень быстро смог правильно "распознать" болезнь, подобрать лечение и тем самым спасти от смерти сотни людей³⁷.

Возглавив в 1809 году кафедру патологии, терапии и клиники Московского университета, М. Я. Мудров уже в 1811 году приступил к ревизии содержания своего курса с тем, чтобы на фоне внедрения клинического преподавания обеспечить как можно более широкое ознакомление студентов с достижениями и возможностями патологической анатомии. Так, начиная с 1811/12 учебного года вместо использовавшегося его предшественником Ф. Г. Политковским учебника Туртеля он объявил о преподавании своего предмета по руководствам виленского профессора Й. Франка и его отца И. П. Франка. «...Мудров, — читаем мы, например, в "Объявлении о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых с 1813 Августа 17 дня...", — ...предложив вкратце учение Общей Клиники, будет преподавать Частную Медицину Клиническую по руководству Иосифа Франка, заимствуя

³⁶ Мицельмахерис В. Г. Очерки по истории медицины в Литве. — М., 1967. — С. 104.

³⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Ч. II. — М., 1855. — С. 122—123.

силу и объяснение правил из Практического сочинения его отца...»³⁸.

Проанализировав избранные М. Я. Мудровым новые источники преподавания, нетрудно убедиться, что "преподавать Частную Медицину Клиническую по руководству Иосифа Франка" означало знакомить студентов не только с симптоматикой и лечением, но и с элементами патоморфологии "органических болезней", а "заимствовать силу и объяснение правил из Практического сочинения его отца" — "объяснять сущность болезней из начал анатомии патологической" и, следовательно, исходя из положения о наличии "места болезни" (разумеется, для болезней "органических"), клинико-анатомических корреляций, первичности морфологических повреждений по отношению к симптомам заболевания.

Смену источников преподавания на кафедре патологии, терапии и клиники и, следовательно, 1811 год можно считать точкой отсчета, началом первого этапа внедрения патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета. Этап протекал как бы скрыто — без сообщений в "Объявлениях о публичных учениях..." — и продолжался до 1825 года. Он характеризуется постепенным введением конкретного патолого-анатомического материала в программу курса "Частной Патологии Клинической" (прикладной, условно говоря, клинический путь) и курса анатомии ("анатомический" путь).

"Клинический" путь, даже в условиях теоретического преподавания, предполагал привлечение патологоанатомического материала для раскрытия "сущности", картины и "места" отдельных "болезней организации", выявление клинико-анатомических корреляций, а также объяснение симптоматики заболеваний и причин смерти, обоснование

³⁸ Имеются в виду руководства: Frank J. Praxeus medicinae universae praecepta. — Vol. I. — Leipzig, 1811; Frank I. P. De curandis hominum morbis epitome. — Mannheim, 1794.

диагноза и лечения, исходя из морфологического повреждения. М. Я. Мудров, как следует из его письма М. Н. Муравьеву и ряда других документов, обсуждение которых впереди, считал, что "патологоанатомический раздел" его курса должен преподаваться в основном практически, включая вскрытия умерших в клинике и использование патологоанатомических препаратов. Объем привлекаемого для преподавания на кафедре патологии, терапии и клиники патологоанатомического материала, по-видимому, возрастал по мере развития клинического преподавания и материально-технической базы медицинского факультета.

При "анатомическом" пути основным материалом служили обнаруживаемые при вскрытиях патоморфологические находки, которые могли обсуждаться со студентами как в чисто морфологическом (оценка и характер отклонения от нормального строения), так и в физиологическом (характеристика возможного изменения функции) или в клиническом (соответствие клинической картине или симптому заболевания) аспектах. Каким на самом деле было содержание "обсуждения" патоморфологических находок при преподавании анатомии в Московском университете в рассматриваемый период, установить не удалось. Неизвестно также, сообщалось ли студентам о возможных патологических изменениях органов при чтении систематического курса анатомии.

"Клинический" путь внедрения патологической анатомии в учебный процесс на начальном этапе ее преподавания оказался более эффективным. В отличие от "анатомического" пути, по сути своей тоже прикладного, он позволял сопоставлять клинические и патоморфологические данные, демонстрировать эффективность патологоанатомического метода для диагностики отдельных заболеваний, важности знания морфологических изменений при конкретных заболеваниях для назначения обоснованного лечения. Одновременно "клинический" путь способствовал сравнительно быстрому осознанию общемедицинской, фундаментальной

значимости патологической анатомии как науки, раскрывающей "происхождение болезненных припадков", и, следовательно, необходимости сочетания ее самостоятельного и клинического преподавания. Не случайно М. Я. Мудров уже в 1825 году поставил вопрос об учреждении в Московском университете самостоятельной кафедры патологической анатомии.

М. Я. Мудров, между тем, не торопился афишировать своих намерений, особенно в части насыщения преподававшегося им курса патологоанатомическими материалами. Кажется поразительным, что после писем М. Н. Муравьеву вплоть до 1818 года не удалось обнаружить ни одного документа или какого-либо другого свидетельства о его попытках поставить перед университетскими коллегами или "высшим" начальством вопрос о введении в программы "практических наук" патологоанатомических материалов, не говоря уже о преподавании самостоятельного курса патологической анатомии. Наконец, хотя бы объяснить свои действия — проводившуюся им ревизию содержания курса патологии, терапии и клиники. В "Объявлениях о публичных учениях..." этого периода М. Я. Мудров сообщал лишь об источниках преподавания и характере их использования. Патологическая анатомия не упоминается ни в официальных речах, ни в мудровских текстах. Это уже не случайность. Это — позиция. Но чем она вызвана?

Может быть, М. Я. Мудров не считал возможным связывать свое имя с преподаванием патологической анатомии, даже в сугубо прикладном аспекте, поскольку не считал себя специалистом в этой области? Об этом в "Записках старого врача" писал Н. И. Пирогов³⁹. Но с таким объяснением трудно согласиться: в 10-х годах 19 века среди русских профессоров-медиков вряд ли можно найти такого, кто мог бы назвать себя специалистом в области патологической анатомии или кто лучше М. Я. Мудрова знал задачи и со-

³⁹ Пирогов Н. И. Собр. соч. — Т.8. — М., 1961. — С. 218.

стояние этой науки. Да и не было у М. Я. Мудрова намерений выступать в роли специалиста-патологоанатома. Не случайно, выступив в 1825 году с инициативой создания самостоятельной кафедры патологической анатомии, он рекомендовал "препоручить сие важное дело" Ю. Х. Лодеру⁴⁰.

Вероятнее всего, причина была в другом. М. Я. Мудров в течение первых почти десяти лет своей деятельности в качестве профессора патологии, терапии и клиники не мог не испытывать неудовлетворенности формой преподавания прежде всего включенного им в программу своего курса патологоанатомического материала. Еще в письме к М. Н. Муравьеву от 27 марта 1805 года он особо подчеркивал, что патологическая анатомия должна обязательно преподаваться практически на препаратах или у секционного стола, поскольку «...предмет сей науки есть изъяснять повреждения, случающиеся в строении важных частей столько, сколько оныя по сих пор нам известны из открытия трупов, и излагать механические их причины чувствами видения и осязания. Посему и способ учения должен состоять в показании сих болезненных субъектов, кои сами, так сказать, объясняют свои явления и причины. Субъекты учения суть троякие: либо свежие трупы умерших в Госпиталях, над коими поверяют процесс лечения исследованием разрушенных частей; либо препараты сих частей, обработанные в виде поучительном и с описанием сохраненные в Патологическом Кабинете; либо восковые фантомы редких болезней. "Ни рисунки, ни самая живопись не могут их заменить", говорит Dubois»⁴¹. Но осуществить это М. Я. Мудрову долго не удавалось. В его распоряжении не было ни патологоанатомического музея, ни трупов, на которых можно было бы демонстрировать студентам "дезорганизованные останки" и за счет которых создавать музей. Как свидетельствуют отчеты о работе клинических институтов Московского универ-

⁴⁰ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 42.

⁴¹ Письма М. Я. Мудрова... — С. 48.

ситета, ежегодно направлявшиеся в Министерство народного просвещения, за период с 1815 по 1818 год в Клиническом Институте, находившемся в управлении М. Я. Мудрова, умерло трое больных; в Хирургическом — у Ф. А. Гильдебрандта за тот же период времени — четверо⁴². Практического преподавания патологоанатомического материала в достаточном объеме наладить не удавалось, а о преимущественно теоретическом "объяснении сущности болезней, исходя из новейших начал анатомии патологической" он не объявлял, поскольку такая форма преподавания патологической анатомии противоречила его принципам. Не объявлял, хотя и преподавал. Преподавал как мог, применительно к условиям. А одновременно добивался расширения клинической базы, ускорения строительства нового анатомического театра. Стремился изменить условия, чтобы осуществить свои замыслы в более полном объеме. А когда удалось наладить практическое преподавание патоморфологического материала, в "Объявлениях о публичных учениях..." по кафедре М. Я. Мудрова патологическая анатомия появилась. Произошло это во второй половине 20-х годов. Но до этого, в преддверии решения вопросов о расширении материально-технической базы медицинского факультета, М. Я. Мудров начал активно добиваться официального введения практического преподавания элементов патологической анатомии в программы клинических дисциплин в Московском университете.

В 1818 году в связи с составлением проекта создания Медицинского института при Московском университете⁴³ М. Я. Мудров, основываясь на имевшемся у него опыте, впервые за время работы в университете поставил вопрос о

⁴² ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. I. — Д. 1458. — Л. 35—36.

⁴³ Сточик А. М., Затравкин С. Н., Астахова Е. Ю. К истории возникновения медицинских институтов при российских университетах. Сообщение 2. Возникновение идеи создания системы медицинских институтов//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 3. — С. 50—53.

необходимости преподавания прикладной патологической анатомии в курсах клинических дисциплин. «Есть ли та болезнь преобедит жизненные силы больного, — писал он в составленной в декабре 1818 года записке "О Клинических Институтах вообще", — то в присутствии всех учащихся, кои внимательными глазами наблюдают ход болезней и способ врачевания, рассекается труп, дабы увериться в причине смерти и узнать место болезни»⁴⁴.

Записка М. Я. Мудрова "О Клинических Институтах вообще" примечательна во многих отношениях. Во-первых, она была посвящена содержанию, объему и формам клинического преподавания "вообще", а не только внутренних болезней ("Частной Медицины Клинической"). Из этого следуют два важных вывода. Первый: изучение патоморфологии отдельных заболеваний, определение причин смерти, приобретение навыков клинико-морфологических сопоставлений — неотъемлемая часть практической подготовки врача, необходимая как "для приобретения надлежащей способности в распознавании и лечении болезней", так и для "познания... оных"⁴⁵. Второй: проведение вскрытий умерших в клинике равно обязательно для преподавания всех клинических дисциплин (внутренних болезней, хирургии и акушерства). Такая трактовка мудровского текста (а нам она представляется достаточно обоснованной) позволяет предполагать, что ко времени составления М. Я. Мудровым записки "О Клинических Институтах вообще" его коллеги-клиницисты — хирург Ф. А. Гильтебрандт и акушер В. М. Рихтер — в какой-то мере разделяли мудровскую точку зрения о необходимости введения элементов патологической анатомии в читавшиеся ими курсы и даже практического преподавания патологоанатомических материалов, относившихся к их предметам. Однако никаких документов, подтверждающих это предположение, обнаружить не удалось.

⁴⁴ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 221—221 об.

⁴⁵ Там же. — Л. 220.

Во-вторых, в записке М. Я. Мудрова четко обозначен объем использования патоморфологического материала для преподавания в клинических институтах — вскрытия умерших в клинике "в присутствии всех учащихся" для определения причин смерти и обнаружения "места болезни". Вскрытия на клинической кафедре часто проводиться не могли, и указанное в записке по замыслу М. Я. Мудрова, скорее всего, должно было составлять объем практического преподавания "патологоанатомического раздела" клинической медицины. Наверняка предполагалось, что больший объем клинико-морфологических сведений будет сообщаться в лекциях. Обращает на себя внимание, что М. Я. Мудров не пишет о возможности использования патологоанатомических препаратов, хотя в письме М. Н. Муравьеву они названы в числе "субъектов учения".

В какой мере положения, изложенные в записке, были воплощены в жизнь до 1825 года, точно установить не удалось. О кафедре М. Я. Мудрова достоверно известно, что вскрытия на занятиях там проводились, причем в процессе использования этой формы обучения мера активности студентов возрастала. Н. И. Пирогов, занимавшийся на кафедре М. Я. Мудрова в 1827—1828 годах, в своих воспоминаниях описал занятие, на котором студент вскрывал умершего от тифа. Описал как факт обыденный⁴⁶. Известно также, что в лекциях М. Я. Мудрова патологоанатомические сведения занимали значительное место. Это подтверждает анализ источников преподавания, кроме того, об этом свидетельствует Н. И. Пирогов⁴⁷.

Вопрос о мере использования "анатомического" пути внедрения элементов патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета до 1819 года, когда анатомию в университете начал читать Ю. Х. Лодер, остается недостаточно ясным. После смерти

⁴⁶ Пирогов Н. И. Цит. соч. — С. 220.

⁴⁷ Там же.

И. Ф. Венсовича (1811) кафедру анатомии, физиологии и судебной медицины короткое время возглавлял И. Е. Грузинов. В 1813—1818 годах анатомию читал Е. О. Мухин, связь которого с преподаванием патоморфологических материалов теоретически представляется вполне реальной и логичной. Во-первых, он не только был опытным прозектором, но и опубликовал несколько патологоанатомических работ⁴⁸. Во-вторых, по данным Ю. Х. Лодера, в анатомическом музее Е. О. Мухина имелось некоторое количество патологоанатомических препаратов, которые он вполне мог демонстрировать и объяснять студентам на лекциях⁴⁹. В-третьих, Е. О. Мухин считал патологическую анатомию составной частью единой анатомической науки. "По сему анатомия, как наука, — писал он в "Курсе анатомии", — когда при упражнении на трупах объясняет причину смерти и предшествовавших оной болезненных явлений, называется патологической (Pathologica)"⁵⁰.

Однако в чрезвычайно обширном "Курсе анатомии" патологоанатомических сведений практически не содержится, а предпринятые нами попытки обнаружить какие-либо прямые свидетельства включения Е. О. Мухиным патологоанатомических сведений в программу преподавания анатомии нормальной успехом не увенчались.

Это, конечно, не исключает того, что Е. О. Мухин демонстрировал студентам обнаруживаемые на вскрытиях патоморфологические находки. Более того, эти демонстрации могли проводиться достаточно часто. Ученик Е. О. Мухина профессор А. О. Армфельд свидетельствует, что "он постоянно заботился о доставлении анатомическому театру тако-

⁴⁸ Например, Анатомико-патологическое наблюдение о мешочной водяной болезни яичников. — М., 1811; Краткое обозрение наносной холеры. — М., 1830, и др.

⁴⁹ Лодер Хр. И. Список препаратов и других вещей, принадлежащих до анатомии, хранимых в кабинете Императорского Московского университета. — М., 1823.

⁵⁰ Мухин Е. О. Курс анатомии. — М., 1815. — С. XIV.

го количества трупов, чтобы каждый студент имел полную возможность упражняться в трупорассечении"⁵¹.

Но от Е. О. Мухина, с его устремленностью к осмыслению процессов регулирования жизнедеятельности и управления функциями, анатомио-физиологических корреляций, ожидался большой интерес к патологической анатомии, и прежде всего потому, что патологоанатомическая доктрина, если можно так выразиться, изначально физиологична. Физиологична, поскольку с момента своего возникновения связывает симптом заболевания, представляющий собой извращенную функцию, с поврежденной структурой, трактует симптом как функцию поврежденной структуры.

Наши "ожидания" в известной мере оправдались: следы патологоанатомических интересов Е. О. Мухина обнаружались. Но обнаружались в материалах, относящихся к периоду, когда анатомию он уже не преподавал. В отчетной "ведомости" о проведенных им в 1820/21 учебном году занятиях по "Классу Физиологии и Судебной Медицины" Е. О. Мухин сообщал о прочтении цикла лекций по патологической анатомии. «Продолжена была Физиология об отправлении больных внутренностей, — писал Е. О. Мухин в "ведомости", — потом Судебная Медицина в уголовных предметах, и Анатомия Патологическая, причем часто чинимы были повторения и анатомико-физиологические демонстрации»⁵².

Содержание и объем прочитанного Е. О. Мухиным цикла лекций по патологической анатомии неизвестны. Но даже зная о его склонности несколько преувеличивать масштабы содеянного, нет оснований сомневаться, что речь идет не об отрывочных сведениях, а об обстоятельном изложении морфологии "больных органов" (или "больных внутренностей"). Если это так, то даже при огромной рабо-

⁵¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Ч. II. — С. 144.

⁵² ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. I. — Д. 1433. — Л. 107.

тоспособности Е. О. Мухина он вряд ли смог бы прочитать его экспромтом: отдельные части этого цикла несомненно апробировались в предшествующие годы. Более того, нельзя исключить, что основой его послужили проводимые ранее при преподавании анатомии демонстрации патоморфологических находок.

Прочитанный Е. О. Мухиным цикл лекций по патологической анатомии, видимо, не оставил сколько-нибудь заметного следа в памяти современников. О связи Е. О. Мухина с преподаванием патологической анатомии не пишет никто. И, следовательно, даже если он систематически использовал патологоанатомические материалы в преподавании своего курса, его влияние на решение вопроса о внедрении патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета не было существенным, чего нельзя сказать о Ю. Х. Лодере, сменившем в 1819 г. Е. О. Мухина на посту преподавателя анатомии.

Приход в университет Ю. Х. Лодера и открытие в 1820 году нового современного анатомического театра, где была размещена приобретенная Государем знаменитая лодеровская анатомическая коллекция, — события, сыгравшие важную роль в становлении патологической анатомии в Московском университете.

Один из ведущих анатомов и клиницистов Европы, Ю. Х. Лодер знал о патологической анатомии не понаслышке. Еще в 1805 году М. Я. Мудров в письме М. Н. Муравьеву писал о читавшемся Ю. Х. Лодером в Гальском университете патологоанатомическом курсе как об образце практического преподавания патологической анатомии⁵³. Патологоанатомические исследования Ю. Х. Лодера носили практическую направленность и получили высокую оценку современников⁵⁴. Наконец, Ю. Х. Лодер был создателем

⁵³ Письма М. Я. Мудрова... — С. 48.

⁵⁴ См., например: Иноземцев Ф. И. О заслугах Христиана Ивановича Лодера в хирургии. — М., 1837. — С. 6—7.

уникальной анатомической коллекции, включавшей около двух тысяч патологоанатомических препаратов, которая с 1819 года принадлежала Московскому университету и могла быть использована для преподавания патологической анатомии как им самим, так и преподавателями клинических кафедр.

М. Я. Мудров и Ю. Х. Лодер быстро нашли общий язык, и во многом благодаря их творческому содружеству в 1825 году появилось "особое мнение" декана медицинского факультета Московского университета М. Я. Мудрова "Об учреждении новой кафедры для Анатомии Патологической и Физиологии Сравнительной".

Подробный разбор этого важнейшего в истории становления патологической анатомии в Московском университете документа, обстоятельств его появления, а также вызванных им последствий приведен в следующих главах настоящего исследования, посвященных проблемам подготовки университетского устава 1835 года. Здесь же отметим, что, не дожидаясь реакции Министерства народного просвещения на предложение организовать "нарочную" кафедру для преподавания патологической анатомии, М. Я. Мудров и Ю. Х. Лодер уже в 1825/26 учебном году своими силами ввели преподавание двух патологоанатомических курсов.

Так, в "Объявлении о публичных учениях..." за 1825/26 учебный год прямо говорилось, что Ю. Х. Лодер "...будет преподавать... Анатомию тела человеческого... *к чему присоветует Анатомию Патологическую и науки сии будет объяснять препаратами из Анатомического Университетского Кабинета* (курсив наш. — Авт.)", а М. Я. Мудров "...будет преподавать Частную Медицину Клиническую по руководству Иосифа Франка при постелях больных, в Клиническом институте лежащих. *В исследовании болезней и их определении следуя аналитическому способу, место болезней и их свойства будет означать и объяснять из новейших начал анатомии патологической* (курсив наш. —

Авт.)"⁵⁵. Иными словами М. Я. Мудров и Ю. Х. Лодер в рамках действовавшего штатного расписания факультета организовали преподавание двух последовательных взаимосвязанных курсов патологической анатомии. Первый и основной предусматривал систематическое и обязательно наглядное изложение всего объема накопленных к середине 20-х годов 19 века сведений о возможных нарушениях в строении органов и тканей человеческого тела. Его преподавание взял на себя Ю. Х. Лодер, который, во-первых, имел необходимый для этого опыт, а во-вторых, располагал всеми возможностями для демонстрации студентам патоморфологических изменений, обнаруживаемых при различных заболеваниях. В рамках второго — студентам вновь предлагалось познакомиться с уже известными им патологоанатомическими данными, но уже не с морфологической, а с клинико-анатомической точки зрения в контексте разбираемых профессором патологии, терапии и клиники патологических процессов.

У нас нет оснований предполагать, что сделанные Ю. Х. Лодером и М. Я. Мудровым летом 1825 года "объявления" остались лишь благими намерениями. А если это так, то 1825 год по праву должен считаться рубежной датой в истории патологической анатомии в Московском университете — датой начала следующего этапа ее становления. С 1825 года внедрение патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета перестает носить характер скрытого вялотекущего процесса; происходит значительное расширение объема преподаваемых патологоанатомических данных в курсах нормальной анатомии и клиники внутренних болезней. Более того, в 1825/26 учебном году предпринимается даже попытка ввести в Московском университете преподавание

⁵⁵ Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете с 17 Августа 1825 г. по 28 Июня 1826 г. По назначению Совета. — М., 1825. — С. 6—7.

систематического курса патологической анатомии. К сожалению, эта попытка завершилась неудачей. Летом 1826 года Ю. Х. Лодер недвусмысленно дал понять, что отказывается от преподавания систематического курса патологической анатомии. В представленном в Совет университета на предстоящий 1826/27 учебный год расписании своих лекций Ю. Х. Лодер уже не стал объявлять о преподавании патологической анатомии как науки, а лишь отметил, что "...присовокупит, где нужно будет, замечания, относящиеся до Анатомической патологии и Физиологии, и объяснит разные части как свежими трупами, так и Анатомическими и Патологическими препаратами Университетского Кабинета"⁵⁶. Начиная с 1827 года словосочетание "патологическая анатомия" вообще исчезает из расписаний его лекций.

Истинные причины таких действий Ю. Х. Лодера неизвестны. С уверенностью можно говорить лишь о том, что принятое им решение прекратить преподавание патологической анатомии не было связано с изменением его взглядов в отношении важности включения этой дисциплины в число учебных предметов медицинского факультета. Поданный им в 1829 году в Министерство народного просвещения проект университетского устава, о котором речь еще впереди, может служить достаточным основанием для такого утверждения. Вероятнее всего, отказ Ю. Х. Лодера от преподавания патологической анатомии стал следствием того, что два учебных курса оказались для 73-летнего профессора непосильной ношей.

М. Я. Мудров вновь остался один на один с волновавшей его проблемой, но это не только не остановило его, но, напротив, заставило действовать еще более решительно и целеустремленно. Как свидетельствуют обнаруженные нами архивные документы, в течение 1826—1828 годов он в

⁵⁶ Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете с 17 Августа 1826 по 28 Июля 1827 года. По назначению Совета. — М., 1826. — С. 6.

очередной раз полностью переработал свой курс "Частной Медицины Клинической", главным образом для того, чтобы значительно увеличить объем использования патолого-анатомического материала. "Что же касается специальной терапии и клиники, — писал М. Я. Мудров в Совет Московского университета весной 1826 года, объясняя причину задержки предоставления конспекта читавшихся им лекций, — то поелику ее практическая часть в новейшее время является предметом анатомико-патологических изысканий и приняла новое направление; почему сообразно нынешнему состоянию оной в ученом свете, я должен был каждую болезнь подвергнуть особенному анатомико-физиологическому исследованию, отчего и самый порядок конспекта изменился"⁵⁷. В результате этой работы в 1827 году была написана, а в 1828 году издана "Nosographia physiologiae ad leges et extispicia anatomiae generalis et pathologiae delinecta", в предисловии к которой М. Я. Мудров прямо указал, что эта "классификация... основана не на теории, а на данных патологической анатомии"⁵⁸.

Использование М. Я. Мудровым этой нозографии для преподавания "Частной Медицины Клинической", а судя по "Обозрениям публичных преподаваний...", начиная с 1827/28 учебного года именно она стала служить основой читавшегося им курса⁵⁹, с одной стороны, позволило М. Я. Мудрову дополнительно расширить объем привлекаемых патоморфологических данных, с другой — имело неопределимые последствия в плане пропаганды роли патоло-

⁵⁷ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1604. — Л. 5.

⁵⁸ Конспекты отделения медицинских наук при Императорском Московском университете. — М., 1928. — С. 22.

⁵⁹ "...При постелях больных, в Клиническом Институте лежащих, в исследовании болезней и их определении следуя Нозографии Физиологической, место болезней и их свойства будет объяснять из новейших начал Анатомии Патологической" (Обозрение публичных преподаваний в Императорском Московском университете с 17 Августа 1827 по 28 Июня 1828 года. — М., 1827. — С. 7).

гической анатомии для клинической медицины. Не случайно многие из тех, кто в эти годы учился у М. Я. Мудрова (и здесь в первую очередь следует назвать имена Н. И. Пирогова и Г. И. Сокольского), впоследствии много занимались патологической анатомией.

Но М. Я. Мудров не остановился на достигнутом и уже спустя год предпринял попытку полностью скомпенсировать последствия отказа Ю. Х. Лодера от преподавания патологической анатомии, взяв на себя решение проблемы наглядности обучения этой важнейшей медицинской дисциплине. Выступая в 1828 году с актовой речью, М. Я. Мудров во всеуслышание заявил о переименовании своего курса, который с этого времени получил наименование "Частной Патологии, Терапии и Клиники с анатомико-патологическими демонстрациями"⁶⁰.

М. Я. Мудров совершил колоссальный прорыв в деле внедрения патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета и, судя по тому, что он уже в 1828 году приступил к составлению обширного учебника по практической медицине, основанного на новых подходах к изучению патологических процессов, был готов и на большее. Но судьба распорядилась иначе. В 1830 году, когда страну охватила страшная эпидемия холеры, М. Я. Мудров возглавил Медицинский Совет при Центральной Комиссии по борьбе с эпидемией, и в 1831 году трагически погиб в расцвете творческих сил. Смерть М. Я. Мудрова стала тяжелой утратой не только для русской клинической медицины, но и для еще совсем молодой отечественной патологической анатомии. Преемник М. Я. Мудрова на кафедре в Московском университете И. Е. Дядьковский по существу свел на нет все достигнутое М. Я. Мудровым с 1825 года в вопросе внедрения патологи-

⁶⁰ Мудров М. Я. О пользе врачебной пропедевтики, то есть медицинской энциклопедии, методологии и библиографии//Мудров М. Я. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 273—274.

ческой анатомии в учебный процесс на медицинском факультете.

И. Е. Дядьковский не был противником патологической анатомии. При изучении его трудов ясно видно, что он обладал серьезными знаниями в этой области. В лекциях при объяснении различных заболеваний И. Е. Дядьковский особенно останавливался на их патологоанатомической характеристике, излагая при этом не данные единичного вскрытия, а обобщенную картину морфологических изменений⁶¹. Он широко использовал эти материалы в объяснении "распознавания", лечения, исходов заболеваний.

И все же, несмотря на это, с приходом И. Е. Дядьковского на кафедру патологии, терапии и клиники произошел известный возврат к тому положению дел с преподаванием патологической анатомии, которое имело место до 1825 года.

Все предпринятые нами попытки обнаружить хотя бы косвенные свидетельства того, что И. Е. Дядьковский демонстрировал своим студентам патологоанатомические изменения, случающиеся в органах и частях человеческого тела при различных заболеваниях, успехом не увенчались. Более того, в Центральном историческом архиве г. Москвы обнаружена составленная И. Е. Дядьковским 16 декабря 1831 года достаточно подробная инструкция "О правилах, определяющих учебные обязанности разных лиц, действующих по Клиническому Институту Московского университета", в которой ни слова не говорилось не только о преподавании элементов патологической анатомии, но даже о проведении контрольно-диагностических вскрытий умерших в клинике⁶². И как знать, не подкрепи М. Я. Мудров и Ю. Х. Лодер свои начинания по внедрению патологической анатомии в учебную программу медицинского факультета

⁶¹ Дядьковский И. Е. Практическая медицина. Лекции частно-терапевтические. — Ч. I—II. — М., 1846—1847.

⁶² ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 338. — Д. 42. — Л. 1 — 3 об.

Московского университета рядом, если можно так выразиться, законодательных инициатив, совершенный ими во второй половине 20-х годов 19 века прорыв, выведивший университет в вопросах преподавания патологической анатомии в число ведущих медицинских школ Европы, вполне мог остаться без каких-либо позитивных последствий.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Среди нововведений, предусматривавшихся "Уставом Императорского Московского университета" 1804 года и повлиявших на судьбу медицинского факультета, безусловно самым значительным стало предоставление университету полномочий присваивать звание лекаря, дававшее право на самостоятельную врачебную практику. «Желающие удостоены быть звания Лекаря и аптекаря, также и повивальных бабок, — гласил параграф 108 "Устава", — могут требовать экзамена от Медицинского Отделения, и по удостоению Университета получают право производить вольную практику. Лекарь и аптекарь, выдержавшие предписанное для кандидатов испытание, считаются в 12 классе, а повивальные бабки получают свидетельство с позволением учить в деревнях своему искусству и право заступить должность уездной повивальной бабки»¹.

¹ Устав Императорского Московского университета//Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 316. (Далее — Устав 1804 года.)

У отечественных исследователей истории медицинского факультета Московского университета это положение устава не вызвало никакого интереса. Подавляющее большинство авторов его даже не называют. Исключение составляет, пожалуй, только Д. М. Российский, но и он лишь упомянул о предоставленном в 1804 году университету праве "экзаменовывать на звание лекаря, аптекаря и повивальной бабки"², ни слова не сказав о последствиях этого нововведения. А вместе с тем предоставленная университету возможность принимать у всех "желающих" лекарский экзамен, в случае успешной сдачи которого соискатель получал "право производить вольную практику", предопределила постепенный пересмотр одного из основополагающих принципов работы медицинского факультета Московского университета, смену его целевых установок. Включение в "Устав" параграфа 108 стало первым шагом на пути к переориентации деятельности факультета на подготовку и выпуск не просто широко образованных в теоретическом плане медиков — кандидатов медицины, которым для приобретения права на самостоятельную практику требовались обязательная послеуниверситетская стажировка у постели больного под руководством опытного врача и сдача специального экзамена в Медицинской коллегии³, а полноценных и полноправных в профессиональном отношении врачей.

Для начала 19 столетия смена целевых установок университетского медицинского образования не была чем-то из ряда вон выходящим. К этому времени в Европе аналогич-

² Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С. 51.

³ О целевых установках деятельности медицинского факультета Московского университета в период с 1758 по 1804 год см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н. Кого готовил медицинский факультет Московского университета в XVIII веке? // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. III. — С. 99 — 107; Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. Изд. 2-е. — М., 2000. — С. 251—253.

ные процессы шли уже полным ходом. Их инициатором еще в середине 18 века выступили государства ряда европейских стран, возложившие на себя в рамках проводимой политики просвещенного абсолютизма ответственность за организацию медицинской помощи населению и армии. Осознание в связи с этим острой потребности в значительном числе квалифицированных практически подготовленных врачебных кадров, а главное — необходимости в их систематическом пополнении, привело к резкой перемене во взаимоотношениях между государством и университетами, являвшимися на тот период основными поставщиками врачей в Европе. Органы государственного управления и даже коронованные особы начинают активно вмешиваться в деятельность университетов, склоняя или принуждая профессуру к тому, чтобы медицинские факультеты выпускали не только широко образованных, но и возможно более подготовленных для практической лечебной работы медиков.

Начавшаяся вслед за этим во второй половине 18 столетия профилизация университетского медицинского образования в сторону врачебного дела в разных странах протекала не одинаково, но в целом укладывалась в два принципиально отличавшихся друг от друга сценария развития событий. Первый из них, нашедший наиболее полное воплощение на медицинских факультетах университетов Германии, предусматривал решение поставленных государством задач при возможно более полном сохранении основополагающих принципов канонической университетской традиции, многие из которых прямо противоречили идее превращения медицинских факультетов в специальные учебные заведения. К началу 19 века германским университетам удалось практически в неприкосновенности сохранить такие важнейшие положения университетской традиции, как, например, свобода преподавания, исходившая из принципа самоценности каждой отдельно взятой науки независимо от ее прикладного значения; предметная система обучения, при которой студент был волен слушать в данном университете

только интересовавшие его лекции. Не претерпела изменений и прежняя двухэтапная модель подготовки врача, при которой полный курс наук медицинского факультета не преследовал целей обеспечения выпускникам уровня практической подготовленности, позволявшего сразу после окончания университета предоставить им право на самостоятельную врачебную практику.

Профилизация же университетского медицинского образования была достигнута главным образом за счет резкого расширения объема преподавания собственно врачебных наук и внедрения ранее не использовавшихся практических форм обучения у постели больного. Во второй половине 18 столетия создаются клиники (Вюрцбург — 1769, Эрланген — 1779, Геттинген — 1781, Альтдорф — 1786, Киль — 1788, Иена — 1791, Тюбинген — 1793, Лейпциг — 1798)⁴, организуются самостоятельные кафедры практической (внутренней) медицины, хирургии и повивального искусства. Преподавание на медицинских факультетах передается в руки специалистов, чтение лекций дополняется практическими занятиями в анатомических театрах, ботанических садах, химических и физических лабораториях, минералогических кабинетах, амбулаториях и клиниках.

Другой сценарий, предусматривавший радикальный пересмотр канонической университетской традиции и полную переориентацию медицинских факультетов на подготовку и выпуск специалистов с правом на самостоятельную практику, был впервые разработан и успешно реализован в Австрии, где во второй половине 18 века была проведена беспрецедентная по своим масштабам реформа университетского медицинского образования. Инициатором реформы стала австрийская императрица Мария-Терезия, главными идеологами и организаторами — Г. Ван-Свитен и И. П. Франк.

⁴ Puschmann Th. Geschichte des medizinischen Unterrichts. — Leipzig, 1899. — S. 345—347.

Герард Ван-Свитен (1700—1772)

Практическая деятельность Г. Ван-Свитена, получившего от Марии-Терезии в конце 40-х годов 18 века неограниченную власть над медицинским факультетом Венского университета, составила первый этап реформы, главной задачей которого стал перенос традиционной послеуниверситетской стажировки в лечебных учреждениях в рамки университетского курса подготовки. Для этого Г. Ван-Свитен, во-первых, добился выделения государственных средств на создание и плановое финансирование клиники медицинского факультета и ввел обязательное для всех студентов преподавание курса практической медицины у постели больного. Во-вторых, он ликвидировал предметную систему обучения и установил строгую последовательность преподавания всех без исключения дисциплин медицинского факультета, при которой к занятиям в клинике могли быть допущены только те, кто прослушал все читавшиеся естественные и теоретические врачебные науки и сдал этапные экзамены. Изучение студентами курса практической медицины у постели больного стало, таким образом, главным и завершающим этапом университетской подготовки врача. В-третьих, Г. Ван-Свитен внес кардинальные изменения в порядок проведения выпускных университетских экзаменов, которые приобрели статус государственных и стали включать в себя не только теоретическое, но и практическое "испытание" в городской больнице. Там в при-

культета и ввел обязательное для всех студентов преподавание курса практической медицины у постели больного. Во-вторых, он ликвидировал предметную систему обучения и установил строгую последовательность преподавания всех без исключения дисциплин медицинского факультета, при которой к занятиям в клинике могли быть допущены только те, кто прослушал все читавшиеся естественные и теоретические врачебные науки и сдал этапные экзамены. Изучение студентами курса практической медицины у постели больного стало, таким образом, главным и завершающим этапом университетской подготовки врача. В-третьих, Г. Ван-Свитен внес кардинальные изменения в порядок проведения выпускных университетских экзаменов, которые приобрели статус государственных и стали включать в себя не только теоретическое, но и практическое "испытание" в городской больнице. Там в при-

сутствии врачей этого лечебного учреждения и профессоров университета выпускники медицинского факультета должны были провести осмотр нескольких вновь поступивших больных, поставить диагноз, высказать свои суждения в отношении течения и прогноза заболевания в каждом конкретном случае, назначить необходимое лечение, включая режим и рацион питания, выписать рецепты. Это привело к тому, что обучение у постели больного стало обязательным условием для сдачи выпускных университетских экзаменов, а также дало возможность в случае успешного прохождения "практического испытания" предоставлять выпускникам право на врачебную практику.

В результате медицинский факультет Венского университета стал готовить врачей, а Г. Ван-Свитен как руководитель медицинского дела страны получил возможность контролировать процесс их подготовки и в случае необходимости вносить в него коррективы⁵.

На втором этапе реформы главным образом благодаря усилиям И. П. Франка был решен вопрос разработки и внедрения на медицинских факультетах, перед которыми стояла задача подготовки и выпуска специалистов с правом на самостоятельную практику, качественно новой учебной программы, позволявшей ликвидировать сохранившееся после преобразований Г. Ван-Свитена отсутствие взаимосвязи между теоретической и практической частями курса, подчинить препода-

⁵ О реформаторской деятельности Г. Ван-Свитена на медицинском факультете Венского университета подробно см.: Hecker J. Fr.K. Geschichte der neuen Heilkunde. — Berlin, 1839; Lesky E. Meilensteine der Medicin. Grosse Ärzte Osterreichs in der Jahrhunderten. — Wien, 1981; Сточик А. М., Затравкин С. Н. Реформа университетского медицинского образования в Австрии во второй половине XVIII века//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1997. — № 4. — С. 52—56; Сточик А. М., Затравкин С. Н. Австрийская реформа университетского медицинского образования во второй половине XVIII века. Сообщение 1. Реформирование Г. Ван-Свитеном преподавания на медицинском факультете Венского университета//Клиническая медицина. — 1998. — № 5. — С. 74—77.

Иоганн Петер Франк (1745—1821)

давание всех естественно-научных и теоретических медицинских дисциплин новым целевым установкам и существенно усилить практическую подготовку выпускников медицинских факультетов австрийских университетов. В этих целях значительно увеличивалось время, в течение которого студенты должны были осваивать собственно врачебные науки, резко расширился объем их преподавания, внедрялись практические формы обучения в преподавание базовых теоретических медицинских дисциплин, вводился двухлетний курс за-

нятий по практической медицине у постели больного и существенно усовершенствовалась методика клинической подготовки. Кроме того, была по существу впервые разработана и внедрена в учебный процесс на медицинских факультетах университетов программа клинической подготовки не только интернистов, но также хирургов и акушеров⁶.

⁶ О реформаторской деятельности И. П. Франка в Австрии подробно см.: Lesky E. Johann Peter Frank als Organisator des medizinischen Unterrichts//Sudhoff's Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. — Bd. 39. — Heft 1. — 1955. — S. 1—29; Lesky E. The development of bedside teaching at the Vienna medical school from scholastic times to special clinics//History of medical education. — University Press of California, 1970. — P. 217—233; Сточик А. М., Затравкин С. Н. Австрийская реформа университетского медицинского образования во второй половине XVIII века. Сообщение 2. Разработка И. П. Франком учебного плана подготовки врача//Клиническая медицина. — 1998. — № 8. — С. 70—75.

Описанные выше тенденции развития университетского медицинского образования в Европе были достаточно хорошо известны в России, и лучшим доказательством тому может служить подготовленный в 1787 году в рамках екатерининской реформы системы народного образования "Проект Устава Российских университетов". "Проект" 1787 года четко определял, что основной задачей медицинских факультетов российских университетов должна стать подготовка специалистов — врачей-интернистов, хирургов, повивальных бабок, фармацевтов, причем для каждой медицинской специальности предусматривалась отдельная программа обучения. "Для врачей: Подробное знание естественной науки. Ботаника. Химия. Врачебная анатомия. Лекарственная наука (*materia medica*). Физиология. Всеобщая и частная патология. Глазные болезни. Клиника или практическое врачевание". Для хирургов: "Естественная наука, ботаника и химия, так как и для врачей. Хирургическая анатомия. Теоретическая хирургия. Практическая хирургия над больными. Для повивальных бабок: Повивальное искусство. Для аптекарей: Естественная наука. Ботаника. Химия, и особенно — Аптекарское искусство в лекарственной науке"⁷.

Преподавание по всем перечисленным дисциплинам должны были вести девять профессоров. Срок обучения на факультете для врачей определялся "Проектом" в пять лет. Устанавливался строгий набор учебных предметов для каждого года обучения. Два последних года посвящались в основном "клиническим или практическим упражнениям над больными" в специально организованных при университете больнице ("для клиники и практической хирургии") и родильном доме. «Особенная естественная наука, анатомия, химия и ботаника, яко предварительныя знания, предписа-

⁷ Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 6//Приложение к XLIIтому записок Императорской академии наук. — № 2. — СПб., 1882. — С. 101.

ны врачу в первый год, почему учение оных так расположено, чтоб науки сии одна другой не мешали, — указывалось в "Проекте". — Во второй год повторяет учащийся прошлогоднее учение, и прибавляет к тому физиологию.

В третьем, сверх повторения физиологии, присоединяет патологию и лекарственную науку.

В четвертом году, повторяя патологию и лекарственную науку, коими окончил он теоретическое свое учение, присоединяет клинику или практическое упражнение над больными.

Пространство и важность последнего учения требует, однако, чтобы учащийся прибавил собственно для онаго еще один, то есть пятый; сим однако он столько не обременяется, дабы не имел еще свободного времени слушать наставлений о повивальном и лекарском искусстве.

Обе сии науки чрезвычайно врачу полезны, потому что в сомнительных случаях имеет он подать совет, а смотря по обстоятельствам, иногда и сам руки приложит.

Сие пятилетнее учение соразмерно обыкновенной способности, однако без всякаго утеснения острейших дарований и отменной прилежности, ибо можно укоротить течение врачебнаго учения, взяв в один год большее число частей, *лишь бы порядок оных не нарушить* (курсив наш. — Авт.)⁸».

Согласно "Проекту" 1787 года, выпускной университетский экзамен предусматривал в случае успешной его сдачи присвоение права на практику. "Что касается до обыкновенных испытаний учеников по окончании каждой части науки для свидетельствования успехов их, то поступают во всем так, как и при прочих отделениях, но врачам, лекарям, повивальным бабкам и аптекарям не дозволяется еще и по окончании учения своего иметь практики, пока по особливому испытанию не будут признаны способными и не получают дипломы от университетского правления

⁸ Там же. — С. 102—103.

в доказательство сея способности своей... Когда врач желает иметь дозволение на практику, то должен он по окончании всех наук подвергнуть себя еще двум испытаниям, и показать сверх того на больных употребление умения своего.

При первом испытании предлагаются ему вопросы из анатомии, химии, ботаники, естественной истории, физиологии, патологии и лечебной науки.

Скорость и исправность его ответов уверяют испытателей, что он все касающееся до сих наук совершенно знает.

Сие испытание производит надзиратель с учителями. Буде испытанный не удостоится единогласно, то велеть ему слушать лекции еще два года.

Ежели при первом испытании окажет он довольное знание, то допустить его до второго. На сем испытании спрашивать его только о лечении болезней в особенности. Но вопросы должны быть так располагаемы, чтобы они касались и до прочих частей лечебной науки, подавали бы испытываемому случай показать обогащенную свою память купно с основательным и здравым своим разсудком. При предложенных ему в пример припадках, должен он означать род болезни, определять меру лекарств и действительно прописывать рецепты.

При сем испытании быть кроме надзирателя и учителей еще двум другим врачам. Ежели по ответам испытываемаго будет сомнение о способности его, то велеть ему слушать еще практические лекции, и ходить в больницы. Но тому, которого искусство признано будет единогласно, назначить день, в который он должен в больницу, в присутствии учителя и слушателей, осмотреть несколько из привезенных вновь больных, определить болезни их и порядок лечения с приличествующею к тому пищею, и прописать наконец сама лекарства.

Буде испытываемый удовлетворил сему, то остается ему еще описать историю оных болезней, показать их течение и все возможные перемены, с пристойными для каждой ле-

карствами, а наконец и самые признаки, выздоровление или смерть больного предсказующие"⁹.

Если сопоставить приведенный текст с результатами реформаторской деятельности Г. Ван-Свитена и И. П. Франка в Австрии, то нельзя не прийти к заключению, что члены екатерининской "Комиссии об устройстве народных училищ", готовившие "Проект" 1787 года, фактически предложили внедрить на медицинских факультетах Московского и трех других планировавшихся к открытию университетов в Пскове, Чернигове и Пензе австрийскую модель подготовки врача. И это, кстати, совершенно неудивительно, если принять во внимание особенности подготовки "Проекта".

В 1785 году Екатерина, которой стало известно о проведенной в Австрии реформе просвещения, через своего посла в этой стране князя Голицына запросила "собрание постановлений по учебной части". Голицын обратился с этой просьбой к австрийскому канцлеру В. А. Кауницу, который отказался предоставить "собрание постановлений", но поручил известному правоведу и писателю И. Зонненфельсу составить "общий обзор существующей в Австрии учебной системы". Уже в августе 1785 года Голицын получил этот обзор в виде подробной записки и представил его императрице. В 1786 году записка И. Зонненфельса поступила в распоряжение "Комиссии об устройстве народных училищ", а через год после внесения в нее незначительных по объему и малосущественных по содержанию изменений записка И. Зонненфельса стала именоваться "Проектом Устава Российских университетов"¹⁰.

Однако мы столь подробно остановились на "Проекте" 1787 года не только затем, чтобы проиллюстрировать вы сказанное выше положение о знании в России европейских

⁹ Там же. — С. 107.

¹⁰ Рождественский С. В. Очерки по истории системы просвещения в России XVIII—XIX веков. — СПб., 1912. — С. 653—654; 655—680.

тенденций развития университетского медицинского образования второй половины 18 века. "Проект" 1787 года хотя и не был воплощен в жизнь, но в отличие от многих других проектов университетского устава, составленных в 60—80-х годах 18 столетия, не был отправлен в архивы, а стал одним из тех ключевых документов, которые легли в основу работы александровских комитетов и комиссий, решавших в начале 19 века проблему устройства российских университетов¹¹, и его положения вполне могли послужить прообразом нововведений, предписывавшихся "Уставом" 1804 года в отношении медицинского факультета. В частности, оба документа предусматривали организацию на факультете клинической базы, введение практических форм обучения сразу же по всем существовавшим тогда практическим медицинским дисциплинам — внутренней медицине, хирургии и повивальному искусству; предоставляли университету необходимые полномочия для того, чтобы сразу же по окончании курса присваивать право на практику.

Однако, несмотря на бесспорную идеологическую близость "Устава Императорского Московского университета" (1804) и "Проекта" 1787 года, вряд ли будет полностью оправдано считать "Проект" главным и основным источником положений "Устава" в отношении медицинского факультета. При детальном сопоставлении этих документов обращает на себя внимание отсутствие в "Уставе" целого ряда принципиальнейших положений, на которых сделан специальный акцент в проекте университетского устава 1787 года. Так, например, в отличие от "Проекта" 1787 года "Устав" прямо не ставил перед медицинским факультетом Московского университета задачу готовить и выпускать специалистов, обладающих правом на самостоятельную практику, а лишь предоставлял университету полномочия проводить лекарский экзамен и в случае его успешной сдачи присваи-

¹¹ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — Т. I. — СПб., 1889. — С. 49—50.

вать соискателям лекарские звания. При этом в "Уставе" совершенно не оговаривалась проблема построения учебного плана медицинского факультета, ориентированного на подготовку и выпуск специалистов для практической врачебной деятельности. Не давалось никаких указаний в отношении необходимости установления строгой последовательности освоения студентами наук медицинского факультета, не было распределения учебных предметов по годам обучения. А вместе с тем этот вопрос для эффективного внедрения австрийского опыта являлся чрезвычайно важным. Главные идеологи австрийской реформы Г. Ван-Свитен и И. П. Франк неоднократно подчеркивали, что перенос послеуниверситетской практической стажировки в рамки университетского курса без установления строгой последовательности преподавания естественнонаучных, теоретических и практических медицинских дисциплин при сохранении прежней свободы преподавания и предметной системы обучения может не только не дать желаемого результата, но и вследствие того, что студенты будут приступать к работе с больным без достаточной научно-теоретической подготовки, возможен риск вырождения университетского медицинского образования в простое обучение ремеслу по образу и подобию практических школ при больницах. Разработчики александровской реформы просвещения не являлись специалистами в вопросах медицинского образования, но, имея перед глазами готовый документ, они вряд ли могли не обратить внимания на расставленные в нем акценты. Все, кто на протяжении 1802—1804 годов привлекался к работе над "Уставом", были людьми не только образованными, но и достаточно опытными в деле подготовки и составления ответственных государственных документов. Представляется маловероятным и то, что, прекрасно сознавая сложность и ответственность задачи, они умышленно уклонились от ее решения, переложив проблему построения качественно нового учебного плана медицинского факультета, ориентированного на совершенно отличные от

прежних задачи, на сами университеты. Остается последнее — предположить, что составители "Устава" 1804 года отказались от идеи полной переориентации деятельности медицинского факультета Московского университета, а предоставление университету права аттестации лекарей стало результатом не австрийских, а немецких влияний.

Медицинские факультеты германских университетов, как уже отмечалось, врачей не готовили, но привилегией присваивать прошедшим стажировку и надлежащие испытания врачебные звания с правом на самостоятельную врачебную практику обладали традиционно. В истории германских университетов был лишь короткий отрезок времени, когда в середине 18 столетия государство, пытаясь оказать давление на университетские корпорации с целью добиться необходимой профилизации медицинского образования в сторону врачебного дела, лишило университеты полномочий предоставлять право на самостоятельную врачебную практику и передало их официальному органу управления медицинским делом страны — Берлинской Оберколлегии. Однако университеты сочли такую меру нарушением своих свобод и, выступив с резким протестом, стали откровенно саботировать требование Оберколлегии присылать выпускников на стажировку и аттестацию в Берлин, где специально для этих целей была организована клиника на базе крупнейшей городской больницы — Шарите. Возник серьезный конфликт, который перерос в длительную конфронтацию между медицинскими факультетами университетов и Оберколлегией. Оберколлегия не признавала врачей, аттестованных университетами, а те упрямо игнорировали существование Оберколлегии. Так продолжалось несколько десятилетий, пока от последствий этой "войны" не стали страдать врачи, а главное — больные. В результате выход все же был найден. Университетам вновь разрешили присваивать врачебные звания, дававшие право на самостоятельную практику, но только тем, в которых существовали условия для практической подготовки и воз-

возможности для проведения "испытаний" у постелей больных, т. е. где была организована клиническая база¹².

Версия о том, что прообразом "Устава" 1804 года стали уставные документы германских университетов, подтверждается и результатами исследований, выполненных историками высшего образования. В частности, С. В. Рождественский прямо указывал, что "...устав 1804 года создал организацию по общему духу и многим частностям близко сходную с устройством университетов протестантской Германии"¹³.

Однако и эта версия, несмотря на всю ее обоснованность, не лишена слабых мест. Комплекс содержащихся в "Уставе" 1804 года нововведений, которые планировались к реализации на медицинском факультете, существенно отличался от австрийского образца, но и немецкому полностью, "во всех частностях", идентичен не был. И главное несоответствие состояло в том, что "Устав" никак не ограничивал допуск к лекарскому экзамену студентам, завершавшим обучение на медицинском факультете. В отличие от порядка подготовки и аттестации врачей в Германии ни 108-й, ни какой-либо другой параграф "Устава" не определяли, что к сдаче лекарского экзамена могут быть допущены только те из выпускников медицинского факультета, кто уже прошел послеуниверситетскую практическую стажировку в одном из лечебных учреждений.

Почему составители "Устава" 1804 года никак не оговорили этот оказавшийся впоследствии чрезвычайно принципиальным вопрос, точно не известно. Возможно, он не оговаривался в тех уставах немецких университетов, с которыми работали авторы, и потому попросту выпал из их поля

¹² Kaiser W., Krosch H., Piechocki W. 250 Jahre Collegium clinicum Halense. 1717—1967//Wissenschaftliche Berichte der Martin — Luther — Universität — Wittenberg.—Halle, 1967. — S. 54.

¹³ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902). — СПб., 1902. — С. 56—57.

зрения. Возможно, определенную роль сыграли идеи, заложенные в "Проекте" 1787 года. Но так или иначе, а, выражаясь словами С. В. Рождественского, применительно к проблеме университетского медицинского образования "Устав" 1804 года предписывал "создать организацию по общему духу" промежуточную между австрийской и немецкой, и вскоре после его вступления в силу поставил профессоров медицинского факультета Московского университета перед необходимостью делать весьма непростой выбор. С одной стороны, устав предписывал внедрить немецкую модель подготовки врача, с другой — не только не противоречил, но и прямо провоцировал повторение реформы Ван-Свитена—Франка.

На первых порах профессора медицинского факультета Московского университета избрали немецкую модель, внедрение которой требовало существенно менее радикальных преобразований в организации и содержании учебного процесса. Но отсутствие в "Уставе" четких указаний в отношении того, кто мог, а кто не мог быть допущен к аттестации на звание лекаря, не только создало для профессоров проблему выбора, но и, после того как выбор был сделан, продолжало играть роль мощного дестабилизирующего фактора. Дестабилизирующего потому, что допускало возможность давления на факультет со стороны выпускников, стремившихся на совершенно законном основании получить сразу после окончания полного курса наук не кандидатский диплом, не дававший по существу никаких прав, а лекарское звание, немедленно открывавшее им путь к профессиональной деятельности. И это не важно, что звание лекаря было низшим в существовавшей с начала 19 столетия иерархии медицинских званий и давало лишь право на самостоятельную практику в качестве врача-интерниста. Звания лекаря было вполне достаточно для того, чтобы получить место на государственной службе и возможность стабильного заработка.

Складывавшаяся ситуация усугублялась еще и тем об-

стоятельством, что "Уставом" 1804 года никак не оговаривалась процедура приема и сдачи лекарского экзамена, а более чем двусмысленная формулировка параграфа 108 ("Лекарь и аптекарь, выдержавшие предписанное для кандидатов испытание...") открывала университетам возможность присваивать лекарское звание по результатам простого кандидатского испытания.

Параграф 108 оказался своего рода бомбой замедленного действия, заложенной в "Устав" разработчиками александровской реформы, и последствия этого не заставили себя долго ждать. Правда, эпицентром взрыва стал не Московский, а Дерптский университет, получивший в 1803 году столь же туманно сформулированные уставные документы. Но последствия этого взрыва самым непосредственным образом коснулись и медицинского факультета университета в Москве.

В 1808 году разразился грандиозный скандал вокруг действий Дерптского университета по аттестации медицинских чиновников. Формально университет обвинялся в незаконном присвоении высшего на тот период в России медицинского звания — доктора медицины и хирургии и присуждении лекарского звания вообще без какого-либо экзамена. Вместе с тем для всех являлось совершенно очевидным, что это был лишь повод, а отнюдь не причина для начала серьезного разбирательства. Не случайно основной задачей организованной тогда же, в 1808 году, по личному распоряжению императора специальной правительственной комиссии, в состав которой вошли два министра — внутренних дел и народного просвещения — и попечители всех учебных округов, стало не наказание виновных, а разрешение искусственно созданной разработчиками университетских уставов проблемы, внесение ясности в вопрос о том, кому и какие медицинские звания могут присваиваться университетами¹⁴.

¹⁴ Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 545.

Результатом работы комиссии стало составление первых "Общих правил об экзаменах медицинских чиновников", в которых в том числе давались и необходимые разъяснения по вопросу о порядке присвоения медицинских званий окончившим курс подготовки на медицинских факультетах университетов. "...По окончании курсов теоретического учения и по выдержании экзамена, — говорилось в документе, — определять для усовершенствования в практике на год в главные военные или другие большие госпитали, в звании кандидатов, сообразно правилам, для воспитанников Медико-Хирургической Академии постановленным, где под руководством Главных докторов они могут приобрести познания в лечении всякого рода болезней и производства хирургических операций.

По окончании года практического их испытания и представления свидетельства главного доктора об искусстве их, они получают диплом, следующий на звание доктора или лекаря от того Университета, в котором обучились и были экзаменованы, а вместе с тем свидетельство главного медицинского управления об искусстве и опытности их во врачебной практике"¹⁵. Исключение делалось только для своекоштных студентов, которым "дозволялось" сразу по окончании университетского курса сдавать лекарский или докторский экзамен. Однако "производить" самостоятельную практику им все равно не разрешалось до тех пор, пока они не пройдут минимум одногодичную стажировку и не представят отзыв "главного доктора" того лечебного учреждения, в котором "усовершенствовались"¹⁶. Долгожданное прояснение позиции государства наконец-то произошло. Медицинскому факультету Московского и других российских университетов ставилась четкая задача внедрить немецкую модель подготовки и аттестации врачей.

¹⁵ Там же. — Стб. 533.

¹⁶ Там же. — Стб. 554.

Сергей Козьмич Вязьмитинов
(1749—1819)

Однако следовать указанному курсу российским университетам пришлось недолго. Уже на следующий год, не получив из системы медицинских факультетов университетов ни одного лекаря, правительство столкнулось с резким увеличением и без того немалого дефицита медицинских кадров.

Нехватка врачей на государственной службе остро проявилась уже в самом начале царствования Александра, вскоре после проведения им но-

вой административной реформы, потребовавшей значительного количества медицинских чиновников. Избранный же Александром в 1808 году курс на подготовку к войне с Наполеоном и принятое в связи с этим решение увеличить в 2—3 раза число полковых и корабельных лекарей еще более усугубили положение дел с медицинским обеспечением страны, так что постановление правительственной комиссии оказалось совсем не кстати. К 1810 году дефицит врачей на государственной службе достиг катастрофической по тем временам величины — 609 человек. Именно такую цифру указал в своей записке, направленной на рассмотрение Комитета министров, Главнокомандующий в Петербурге и министр полиции генерал С. К. Вязьмитинов¹⁷. А для того, чтобы современный читатель смог в полной мере оценить масштаб возникшей тогда перед государством про-

¹⁷ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 38. — Л. 3об.

блемы, приведем еще несколько цифр из обнаруженной в Российском государственном историческом архиве записки С. К. Вязьмитинова.

В течение 1808—1810 годов различными медицинскими учреждениями страны, наделенными полномочиями присваивать медицинские звания с правом на самостоятельную практику, были аттестованы 414 человек. При этом за тот же промежуток времени из ранее призванных на службу врачей умерли 350, и "следовательно в течение трех лет число Российских врачей умножилось только на 64"¹⁸. Несложные арифметические расчеты показывают, что при таких темпах прироста кадров для покрытия дефицита в 609 врачей России требовалось чуть менее 30 лет, которых у страны, готовившейся к войне, попросту не было.

Оставалась, правда, еще возможность пополнить кадровый состав врачей за счет приглашения иностранных специалистов, и в 1808—1810 годах такая попытка была предпринята. Однако и здесь результаты оказались, мягко говоря, неутешительными. По данным того же С. К. Вязьмитинова, израсходовав средства, составлявшие два с половиной годовых бюджета Московского университета, в течение 1808—1810 годов в Россию было выписано 220 врачей, из которых "...35 возвращены в чужие края по неспособности их... 34 определены в Университеты для доучения по причине весьма слабых знаний, 6 оставлено на вольной практике", а "в службу поступило только 145". При этом "люди сии... не зная языка, свойства и обычаев Русского народа, — говорилось далее в записке С. К. Вязьмитинова, — на долгое время остаются мало полезными и многие, особливо в отдаленных местах находящиеся, получив по прошествии шести лет службы пансион по контрактам им назначенный, без сомнения выйдут в отставку для вольной практики, или возвратятся в свое отечество"¹⁹.

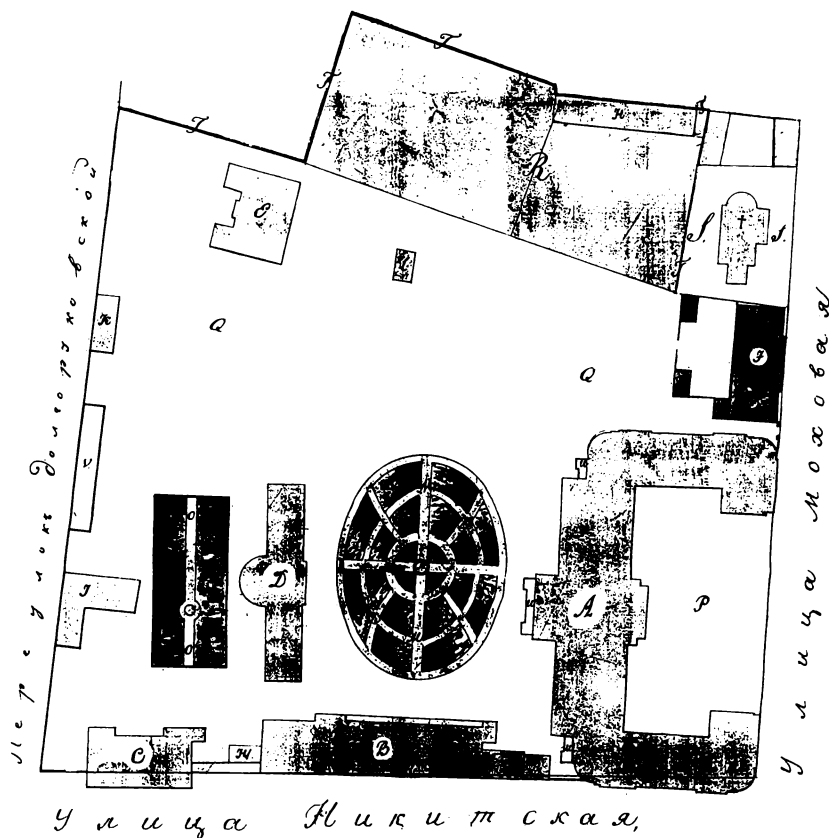
¹⁸ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 38. — Л. 3об. — 4.

¹⁹ Там же. — Л.4—4об.

В этих условиях каждый выпускник медицинского учебного заведения, более или менее подготовленный для практической лечебной работы и имевший право "производить вольную практику", становился в буквальном смысле слова на вес золота. И правительство уже в 1810 году начало лихорадочно отменять им же принятые решения. Сначала последовало распоряжение в адрес Медико-хирургической академии, согласно которому выпускники этого учебного заведения должны были сразу же по окончании полного курса наук аттестовываться на звание лекаря, а на стажировку в звании кандидатов хирургии полагалось направлять лишь тех, кто на выпускных экзаменах показал "слабые" результаты²⁰. Затем очередь дошла и до университетов. В июле 1810 года были введены в действие новые "Правила об экзаменах медицинских чиновников", в которых прямо говорилось, что звание лекаря может быть присвоено всем, кто "не менее трех лет обучались Врачебным наукам в каком либо известном Университете или Академии" и были в состоянии сдать соответствующий экзамен²¹. В соответствии с новыми "Правилами..." экзамен на звание лекаря включал теоретическое и несколько практических "испытаний". Теоретическое "испытание" заключалось в опросе соискателя по 16 дисциплинам: минералогии, ботанике, зоологии, "математико-физике", анатомии, физиологии, химии, фармации, патологии, терапии, фармакологии, "наставлению писать рецепты", хирургии, повивальному искусству и детским болезням, судебной медицине, медицинской полиции. Если экзаменационная комиссия оставалась довольна знаниями соискателя, то ему предлагалось продемонстрировать свои умения: "1) ...производить все обыкно-

²⁰ Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 611—612

²¹ О правилах об экзаменах медицинских чиновников/Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 616—618.

"Специальный план Императорского Московского университета" (1821).

А — главный корпус; В — корпус, занимаемый клиническими институтами и больницами; С — корпус, занимаемый университетскими воспитанниками; Д — анатомический театр...; Е — аптека...; М — больничный сад...; О — ботанический сад... (ЦИАМ. — Ф. 733. — Оп. 28. — Д. 332. — Л. 55)

венные операции, как-то: кровопускание, вложение мочеиспускателя и другие употребляемые в болезненных случаях, нетерпящих никакого отлагательства; 2) сделать анатомико-физиологическую демонстрацию какой-нибудь части тела, и хирургическую операцию на мертвом теле, с показанием тех частей, кои подвержены операции, и с описанием всех припадков, больному при оной случающихся, и 3) доказать практические свои сведения пользованием больных в клинике, под надзором Профессора, или в госпиталях (и преимущественно военных), под смотрением главного Врача"²². Если сопоставить изложенные требования с перечнем учебных дисциплин медицинского факультета Московского университета, приведенным в "Уставе" 1804 года, и принять во внимание, что тем же "Уставом" определялась организация клинических институтов, на базе которых должно было осуществляться практическое обучение хирургии, внутренним болезням и повивальному искусству с детскими болезнями, то становится очевидным, что выпускникам медицинского факультета Московского университета было вполне по силам сдать такой экзамен. Начиная с 1810 года, как свидетельствуют архивные документы, большинство выпускников медицинского факультета стали покидать стены университета в звании лекаря с правом на самостоятельную врачебную практику²³. С этого времени подготовка кандидатов медицины окончательно перестает быть единственной целевой установкой университетского медицинского образования. Правда, возможность оформить окончание полного курса наук медицинского факультета получением ученой степени кандидата медицины все еще сохранялась, но предпочтение кандидатскому экзамену отдавали лишь единицы. К ним относились, во-первых, те, кто решал для себя оставить медицину и поступить на другой факультет.

²² Там же. — Стб. 618.

²³ См., например: ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 1—15. (Журналы заседаний отделения врачебных наук за период с 1813 по 1820 год.)

Во-вторых, кандидатами медицины заканчивали обучение на медицинском факультете некоторые из своекоштных студентов, которые могли проходить практическую подготовку в клиниках по своему желанию. Большинство из них такую подготовку проходили и сдавали лекарский экзамен. Тот же, кто занятий в клинике не посещал, сдать лекарского экзамена не мог. В результате в их распоряжении оставалась только одна возможность — сдать теоретический экзамен на степень кандидата медицины, чтобы в дальнейшем, после практической стажировки в любом лечебном учреждении города продолжительностью не менее одного года, обратиться либо снова в университет, либо в Медико-хирургическую академию с просьбой принять у них лекарский экзамен²⁴. Известно также, что степень кандидата медицины присваивали в начале 19 века и тем, кто не смог сдать лекарский экзамен и при этом не заслуживал того, чтобы быть оставленным на последнем курсе на второй год²⁵.

И все же 1810 год не следует считать датой окончательной переориентации медицинского факультета Московского университета на подготовку и выпуск врачей с правом на практику. Это в случае выбора немецкой модели подготовки врача для ее успешного внедрения было достаточно четко определить цели и задачи университетского медицинского образования и законодательно установить порядок аттестации медицинских чиновников. Для внедрения же австрийского опыта принятие в 1810 году "Правил об экзаменах медицинских чиновников" сыграло роль лишь одного из рубежных событий, за которым должно было последовать главное — разработка и практическая реализация

²⁴ "Проект дополнительных правил к Уставу Московского университета относительно учрежденнаго при оном врачебного Института, составленный в особо учрежденном для сего комитете, для представления на уважение Высшего начальства". — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. — Инв. — 5Те 143. — С. 5.

²⁵ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 343. — Д. 72. — Л. 5—6.

средств обеспечения новых целевых установок. Требовалось провести коренную реорганизацию всего учебного процесса на факультете, позволившую бы обеспечить выпускникам такой уровень теоретической и практической подготовки, который ранее достигался в условиях двух строго последовательных этапов обучения; не на бумаге, а в действительности перенести послеуниверситетскую практическую стажировку у постели больного в рамки университетского курса.

Забегая несколько вперед, отметим, что решить эту задачу профессорам и руководителям Московского университета удалось лишь спустя четверть века. И произошло это во многом благодаря тому влиянию, которое оказал на деятельность медицинского факультета созданный при Московском университете в 1818—1820 годах Медицинский институт — особое высшее медицинское учебное заведение для подготовки за государственный счет лекарей "в службу".

* *
*

Идея создания первого в России Медицинского института, открытого в 1806 году при Виленском университете, принадлежала И. П. Франку, принявшему в 1804 году предложение попечителя Виленского учебного округа А. А. Чарторыйского занять одну из профессорских должностей в подчиненном ему университете. Причина, заставившая И. П. Франка взвалить на себя дополнительные заботы по созданию отдельного высшего медицинского учебного заведения, точно неизвестна. Однако, если судить по воспоминаниям его сына Й. Франка, складывается впечатление, что на этот шаг И. П. Франка толкнула неконструктивная позиция коллег-профессоров и попечителя. Вначале А. А. Чарторыйский и Совет Виленского университета полностью одобрили подготовленный И. П. Франком "план" реорганизации медицинского факультета, выполненный в духе уже

упоминавшихся его австрийских инициатив, а затем стали всевозможными способами торпедировать практическую реализацию ключевых положений этого документа, и в первую очередь тех, которые касались пересмотра канонической университетской традиции²⁶. И. П. Франк не стал переубеждать своих оппонентов, а, воспользовавшись личным знакомством с министром внутренних дел В. П. Кочубеем, направил к нему своего сына Й. Франка, который в начале 1806 года ознакомил министра с идеей развертывания при Виленском университете особого Медицинского института для подготовки по разработанной И. П. Франком учебной программе "из подданных Российских" лекарей "в службу". Мы не беремся судить о том, в какой мере И. П. Франка заботила проблема подготовки в России национальных врачебных кадров, а в какой — это был лишь ловкий политический ход, направленный на привлечение интереса со стороны министра внутренних дел, крайне озабоченного в тот период проблемой дефицита в стране лекарей, но В. П. Кочубей всецело поддержал идею и предложил Й. Франку немедленно заняться составлением проекта устава предполагаемого института. Й. Франку потребовалось всего несколько месяцев для подготовки необходимых документов, и уже в конце 1806 года "Положение для воспитанников, при Виленском университете, к образованию в медицинской части назначаемых" было подтверждено Александром I²⁷.

Согласно "Положению..." "под именем казенных воспитанников для врачебной части" на государственный "кошт" принимались 30 (а при необходимости до 50) воспитанни-

²⁶ Сточик А. М., Затравкин С. Н., Астахова Е. Ю. К истории возникновения медицинских институтов при российских университетах. Сообщение 1. История создания Медицинского института при Виленском университете//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 2. — С. 48—50.

²⁷ Bieliński J. Uniwersytet Wileński (1579—1831). — Krakov, 1899—1990. — Т. 2. — S. 119

ков "из подданных Российских" или иностранцы, либо знающие русский язык, либо бравшие на себя обязательства выучить его. Продолжительность полного курса обучения определялась в 4—5 лет. Выпускникам присваивалось звание лекаря, и они должны были "нести службу, буде подданные Российские, в продолжении семи лет, а иностранцы в продолжении десяти лет". Управление и финансирование института поручалось Министерству внутренних дел²⁸.

Медицинский институт при Виленском университете очень скоро приобрел широкую известность в России как один из центров подготовки широко образованных и готовых к практической врачебной деятельности лекарей. В 1811 году его работа обсуждалась на заседании Комитета министров²⁹, а в 1812 году институт смог направить "в службу" в общей сложности 32 лекаря, что составило половину выпуска в том же году из Медико-хирургической академии³⁰. Столь очевидный успех высшего медицинского учебного заведения нового типа в условиях острого дефицита врачебных кадров не мог не привлечь внимания высших должностных лиц империи, ответственных за комплектование врачебных штатов на государственной службе, и в первую очередь С. К. Вязьмитинова, исполнявшего в 1812 году обязанности Председателя Комитета министров.

В декабре 1812 года С. К. Вязьмитинов составил и подал на рассмотрение Комитета уже упоминавшуюся обстоятель-

²⁸ Положение для воспитанников, при Виленском университете, к образованию в медицинской части назначаемых//Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. — Стб. 408—412.

²⁹ Журналы Комитета Министров 1802—1826 гг. — СПб., 1888. — Т. 2. — С. 250.

³⁰ Сточик А. М., Затравкин С. Н., Астахова Е. Ю. К истории возникновения медицинских институтов при российских университетах. Сообщение 2. Возникновение идеи создания системы медицинских институтов//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 3. — С. 50—53.

ную докладную записку "О недостатке врачей и способах к образованию их", в которой фактически предложил распространить виленский опыт на другие российские университеты. В частности, убедительно доказав, что "образование собственных врачей представляет гораздо большую выгоду и притом менее издержек", нежели наем иностранных специалистов, и обоснованно полагая, что "умножить число воспитанников Медико-хирургической академии конечно не удобно, потому что великому числу учащихся нельзя слушать лекции в одном классе, особливо же в части Анатомии и некоторых других", С. К. Вязьмитинов выступил с пожеланием учредить еще три временных медицинских института для подготовки за государственный счет лекарей при Московском, Казанском и Харьковском университетах. "...Кажется весьма возможным, — писал С. К. Вязьмитинов, — учредить врачебные Институты при Университетах, где находятся уже есть Профессоры для Медицинского факультета и есть пособия для чтения; недостает только, где бы им упражняться в Клинике, но и к сему найдут они удобность в больницах Приказов Общественного Призрения. За сим остается употребить издержку на одно только воспитанников содержание, впрочем сии врачебные институты нет надобности учреждать навсегда, но только временно лет на 6 или смотря по надобности и на 9, расположив сие следующим образом: в 1-й год определить в Университеты Московский, Казанский и Харьковский³¹, в коих лекции преподаются на Российском языке, в каждый по 50 медицинских воспитанников, а во 2-й, 3-й, 4-й и 5-й годы по 25. По прошествии четырех лет, т. е. по окончании курсов, поступившие в 1-й год, могут быть уже выпущены в лекари и мы получим вдруг до 150, а в следующие же за тем годы в

³¹ Позднее решение о создании медицинских институтов в Казани и Харькове в силу невозможности его практической реализации было пересмотрено, и два других института были организованы в Вильно и Дерпте.

каждый до 75 врачей... Воспитанников в сии временные Институты можно бы назначить из духовных Семинарий молодых людей; сверх того на своем содержании можно людям свободного состояния, способным к сим наукам; из них оказывающих особенные успехи можно помещать преимущественно в комплект по желанию их, на таком же основании, как и в Медико-Хирургической Академии"³².

Комитет министров безоговорочно одобрил инициативу С. К. Вязьмитинова, однако ее практическая реализация несколько затянулась. Основная причина задержки состояла в том, что к моменту принятия решения ни в Москве, ни в Казани, ни в Харькове не было необходимой учебной базы для успешного функционирования медицинских институтов. Московский университет сильно пострадал во время пожара, а в Харькове и Казани медицинские факультеты и вовсе еще не были развернуты. Комитет министров поручил министру народного просвещения А. К. Разумовскому взять проблему организации медицинских институтов под личный контроль, однако все, что удалось сделать А. К. Разумовскому, — это увеличить с 1815 года число казеннокоштных студентов на медицинском факультете Харьковского университета³³.

К организации системы медицинских институтов вернулись лишь в 1817 году после назначения на пост министра народного просвещения А. Н. Голицына, который не стал дожидаться, пока университеты смогут либо восстановить, либо создать заново необходимую учебную базу. Спустя несколько месяцев после вступления в должность А. Н. Голицын прибыл в Москву и, лично убедившись в том, что "анатомический театр с кабинетом своим был в очень плохом состоянии, что клинические институты были тесны,

³² РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 38. — Л. 4 об.—5.

³³ Астахова Е. Ю. К истории организации Медицинского института при Московском университете//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2000. — № 4. — С. 42.

бедны и не соответствовали ни пространству, ни значению Университета...", тем не менее "напомнил" профессорам и попечителю Московского учебного округа А. П. Оболенскому о том, "что предписание Министра 1813 года о составлении проектов Медицинскому Институту на 50 воспитанников осталось без движения, хотя государство имело весьма не малую нужду в Медиках"³⁴. А. П. Оболенский отреагировал на "напоминание" министра достаточно резко. Он открыто заявил о своем нежелании заниматься организацией медицинского института, особо подчеркнув, что подготовка врачей "в службу" не является и не должна являться целевой установкой деятельности университета. "Несродственно Университету, — писал министру 4 июля 1818 года А. П. Оболенский, — принимать на себя попечение о замещении медицинских вакансий, когда об этом заботится Министр Полиции. Воспитывать и учить как можно лучше, вот прямой долг Университета! ...лучше не заводить у себя новых Медицинских отдельных Институтов и не принимать на себя тех распоряжений, которые зависят от Министра Полиции и финансов..."³⁵. Однако А. Н. Голицын был непреклонен, и уже осенью 1818 года в Московский университет прибыли первые 50 воспитанников, которых надлежало подготовить и выпустить врачами "в службу" за 4 года.

Профессора и руководители Московского университета неожиданно для себя оказались в крайне непростой ситуации. Напомним, что "Устав Императорского Московского университета" 1804 года и "Правила об экзаменах медицинских чиновников" 1810 года лишь разрешали университету присваивать завершавшим курс обучения на медицинском факультете лекарские звания. Здесь же перед профессорами

³⁴ Цит. по: Полунин А. И. Страхов Петр Илларионович//Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Ч. 2. — С. 471.

³⁵ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 984. — Л. 2—3.

и руководителями Московского университета впервые ставилась конкретная задача — наладить подготовку лекарей. И не просто наладить, а создать для этого в структуре университета особое подразделение, способное подготовить врача в течение строго определенного срока — за четыре года. Последнее предписание полностью лишило профессоров возможности распространить на прибывших воспитанников порядок преподавания, введенный на медицинском факультете, и заставило их заняться срочной разработкой особой учебной программы для воспитанников Медицинского института.

Основным автором этой программы стал профессор М. Я. Мудров, предложивший удивительно красивый выход из сложившейся ситуации. Суть его идеи, представленной в декабре 1818 года на обсуждение в Министерство народного просвещения, состояла в том, чтобы за основу учебной программы Медицинского института взять действующую программу медицинского факультета, исправив в ней только то, что очевидно препятствовало подготовке за 4 года врачей с правом на самостоятельную практику.

По существу у М. Я. Мудрова возникли только две, но достаточно серьезные, претензии к действовавшей на факультете учебной программе в плане ее соответствия целевым установкам, поставленным перед Медицинским институтом: слишком большой объем и чрезмерная продолжительность преподавания "приуготовительных" наук и крайне недостаточный объем клинической подготовки.

О рекомендациях М. Я. Мудрова по совершенствованию системы клинической подготовки мы уже говорили выше, разбирая его записку "О Клинических Институтах вообще", в главе, посвященной проблемам становления в Московском университете клинического преподавания, и думается, что нет особой нужды вновь возвращаться к его предложениям по пересмотру методики проведения занятий у постели больного, увеличению коечной мощности клинических институтов, предоставлению учащимся возможностей для

самостоятельной работы с больными и т. д. Что же касается порядка и содержания "приготовительного" курса, то здесь М. Я. Мудров планировал не меньший объем преобразований. Во-первых, он полагал необходимым установить строгие временные рамки для освоения воспитанниками института "приготовительных" наук — один учебный год. Во-вторых, ограничить число "приготовительных" наук четырьмя основными дисциплинами — химией, анатомией, натуральной историей и "математико-физикой". В-третьих, проведение занятий по этим предметам поручить не профессорам соответствующих кафедр физико-математического факультета, а штатным преподавателям института "из врачей и аптекарей". Им вменялось в обязанность отбирать для воспитанников только те сведения, которые были совершенно необходимы для последующего освоения собственно врачебных наук³⁶.

Внедрение в жизнь мудровских идей очень скоро дало ожидаемый результат. Уже в начале 20-х годов 19 века в Медицинском институте постепенно сложилась учебная программа, позволявшая решать главную задачу, стоявшую перед институтом, — в течение 4 лет готовить и выпускать лекарей с правом на самостоятельную врачебную практику.

Формально, задуманные М. Я. Мудровым нововведения не касались медицинского факультета Московского университета. Однако на деле в силу того, что занятия в институте и на факультете вели одни и те же профессора и эти занятия (за исключением 4 "приготовительных" дисциплин) проводились одновременно для воспитанников и студентов, в Московском университете развернулся процесс постепенного сближения учебных программ Медицинского института и медицинского факультета, завершившийся в конечном итоге их полным слиянием и окончательной переориентацией деятельности факультета на подготовку завершенных специалистов. Немалую роль в том, что уже к

³⁶ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 162—164.

середине 20-х годов 19 века этот процесс принял необратимый характер, сыграли и студенты медицинского факультета. Они не были обязаны, например, неделями дежурить в клиниках или посещать все обходы больных, но очень быстро поняли, что клиническая подготовка по разработанной М. Я. Мудровым для воспитанников института методике, открывала для них возможность уже ко времени окончания университета приобрести специальность, а вместе с ней и достаточно доходную работу. А если к сказанному добавить, что многие студенты факультета стали посещать вместе с воспитанниками и сокращенные курсы "приуготовительных" наук, то становится понятным, почему в середине 20-х годов 19 века значительно (с 28,6 до 75 процентов) возросло число выпускников медицинского факультета Московского университета, окончивших полный курс обучения со званием лекаря за 4 года. При этом, что особенно важно, существенно вырос и уровень их практической подготовки, о чем, в частности, неопровержимо свидетельствуют хранящиеся в фондах Московского университета отзывы из лечебных учреждений города. Однако праздновать победу было еще рано. Учебная программа медицинского факультета Московского университета в плане ее соответствия целям подготовки врача с правом на самостоятельную практику была все еще далека от совершенства, и уже в начале второй половины 20-х годов 19 столетия профессорам и руководителям университета пришлось вновь обратиться к этой проблеме.

Глава 6

РАЗГРОМ УНИВЕРСИТЕТОВ. РЕФОРМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I

"**Н**е просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздности телесных сил, — недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — гибель", — говорилось в манифесте от 13 июля 1826 года, объявлявшем приговор декабристам¹. Связывая напрямую декабрьские события 1825 года с "ложным направлением учебной системы", Николай I, похоже, не лукавил, не пытался стыдливо скрыть истинные, политические причины этих событий, обнаруженные и преданные гласности более века спустя советскими историками. Для него выход гвардии 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь и открытое неповиновение были тяжким и постыдным "на-

¹ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902 гг. — СПб., 1902. — С. 178.

рушением воинской дисциплины, произошедшим от ложного направления умов. Посему упрочение дисциплины и надежное воспитание умов должны были стать ближайшими и важнейшими задачами царствования"².

Сам Николай был человеком дисциплины. Дисциплины и долга. И долг свой он видел в создании организованного государства, поскольку вне государственного порядка, вне дисциплины существует лишь "хаос отдельных личностей". Служба и верность государю должны составлять гражданский долг его подданных и гарантируют государство от смут и потрясений. "Я смотрю на человеческую жизнь, только как на службу, — говорил он, — так как каждый служит". Эта упрощенная философия жизни и была его личным мировоззрением, в котором "все было сведено к немногим основным представлениям о власти и государстве, об их назначении и задачах, к представлениям, которые казались простыми, как параграфы воинского устава, и скреплены были идеей долга, понятой в духе воинской дисциплины, как выполнение принятого извне обязательства"³.

Царствовать Николай не собирался, да и не хотел ("Я не думал вступить на престол, меня воспитывали, как будущего бригадного")⁴. И кто знает, как сложилась бы судьба России и его личная судьба, если бы остался он "бригадным". Ведь к этому поприщу Николай был подготовлен совсем неплохо: получил солидное военное образование, "хорошо владел военно-инженерным искусством", увлекался техникой и строительным делом, много читал по этим вопросам, поэтому позднее насаждал в России высшее и среднее техническое образование.

Но с Божьей волей не поспоришь. И "принужденный

² Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. — Т. 5. — М., 1958. — С. 459.

³ Пресняков А. Е. Николай I//Пресняков А. Е. Российские самодержцы. — М., 1990. — С. 265, 268, 261.

⁴ Миронов Г. Е. История Государства Российского. Историко-библиографические очерки. XIX век. — М., 1995. — С. 227.

царствовать, он шел к неожиданному и нежеланному престолу сквозь ряды мятежных войск"⁵. Шел выполнять свой долг перед Богом и Отечеством. Шел оскорбленный и негодующий тем, что "заговор и восстание возникли в военной среде", сознающий, что этот заговор — результат "зла долготетного", и убежденный, что "зараза" пришла с Запада, что не в свойствах, не в нравах русских людей был сей умысел"⁶.

Искоренить зло, вытравить "заразу" может лишь жесткая дисциплина, твердое правление, и, приняв корону, Николай надел маску сурового правителя, решительного и не терпящего возражений. "Дома, в кругу близких, — писал В. О. Ключевский, — это был добрый хозяин, прямой и веселый человек, остроумный и умевший понимать (ценить) остроту, с развитыми эстетическими вкусами, почитатель Пушкина, любитель музыки... Но в официальной деятельности он не любил ни простоты, ни мягкости, думая, что то и другое роняет авторитет, распускает подчиненных. Здесь он являлся твердой, даже суровой властью. Первоначально это было не потребностью характера..., а делом расчета, правительственным приемом, но потом это стало привычной, невольной манерой. Его присутствие импонировало, даже угнетало, его обращение с подданными получило характер команды, окрика. Он усвоил строгое выражение глаз, резкую повелительную речь, решительные суждения..."⁷.

Такая форма поведения, как ни странно, вызывала доверие, которое всегда возникает к людям решительным. Даже В. Г. Белинский высказывал уверенность в том, что именно Николаю I суждено решить великую задачу коренного реформирования России⁸. Но решительным правителем и тем более реформатором Николай не был. Он не верил в твор-

⁵ Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 459.

⁶ Мионов Г. Е. Цит. соч. — С. 224.

⁷ Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 462—463.

⁸ Мионов Г. Е. Цит. соч. — С. 224.

ческую силу разума, "испытывал не то уважение, не то робость перед существующим" и боялся крупных реформ, нарушающих, с его точки зрения, "дисциплину умов". В. О. Ключевский справедливо отмечает, что лучшей, а главное безопасной реформой Николай "считал только ремонт, частичную починку действующего порядка" и твердо держался "правила не вводить ничего нового, не упорядочив существующего и не подготовив умов к нововведению"⁹.

Умы николаевское правительство готовило долго и тайно. И пока в тиши "тайных" комитетов и комиссий обсуждались планы насущных преобразований, пока с ними знакомился государь, "всякий раз спрашивая: не рано ли? нельзя ли еще повременить, подумать?", не лечившиеся явные и скрытые недуги разъедали государственный организм. А "тяжелая атмосфера лицемерия и произвола все плотнее окутывала верховную власть, замкнувшуюся в иллюзии своего могущества — вне и поверх действительной жизни"¹⁰. Но Николай не замечал, что все вокруг него было ложью: ложными были его представления о благе России, мнимой была сила как государя, мнимой оказалась и мощь государства периода его правления. Только крымская катастрофа привела его к прозрению, но этого прозрения он не пережил¹¹. Его царствование началось с трагедии и окончилось катастрофой; оно осталось в памяти потомков одним из наиболее мрачных периодов российской истории.

* *
*
*
*

⁹ Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 462, 460.

¹⁰ Пресняков А. Е. Цит. соч. — С. 252.

¹¹ Существует мнение, что Николай I покончил жизнь самоубийством спустя 5 дней после получения телеграммы о поражении русских войск под Евпаторией. См., например: Смирнов А. Ф. Разгадка смерти императора // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. — М., 1990. — С. 435—462.

Николай не спешил с реформами, в том числе и с реформой просвещения, которую, как справедливо отмечал П. Н. Милюков, считал наиболее "действенным средством отрезвления общества "от дерзновенных крайностей" и которая к началу его царствования была уже в значительной степени подготовлена. Подготовлена в результате длительной борьбы вокруг просвещения, не утихавшей со времени начала александровских реформ и особенно усилившейся после окончания войны с Наполеоном.

Характеризуя влияние победы над Наполеоном на "состояние умов" в России, В. О. Ключевский писал, что события военных лет вызвали в обществе "необычайное нравственное и политическое возбуждение; общество непривычно оживилось", с жаром обсуждая вопросы о политической свободе, "как о последнем и прекрасном даре божьем", о свободе слова, о конституции и т. п.¹² Это "необычайное политическое и нравственное возбуждение" общества, силу которого "нам трудно теперь себе представить", позднее официально стало трактоваться исключительно в позитивном смысле, как пробуждение национального самосознания, как стремление добиться демократизации общественных отношений, в том числе революционным путем. Такую трактовку нельзя считать полностью соответствующей истинному положению вещей. В. О. Ключевский нашел удивительно точное слово для оценки состояния российского общества в тот период. Именно "возбуждение", а возбуждение — не подъем, не духовное и нравственное пробуждение, а скорее всеобщее недовольство сложившимся положением при отсутствии какой-либо программы, основанной на балансе интересов различных общественных групп, состояние дестабилизации, свидетельство политической незрелости интеллектуальной элиты общества, умственного брожения и смуты. "Состояние умов теперь таково, — писал в частном письме С. С. Уваров, тогда либе-

¹² Ключевский В. О. — Цит. соч. — С. 226, 227.

рально настроенный попечитель Петербургского учебного округа и сторонник принятия конституции, — что путаница мыслей не имеет пределов. Одни хотят просвещения безопасного, т. е. огня, который бы не жег; другие (а их всего более) кидают в одну кучу Наполеона и Монтескье, французские армии и французские книги, Моро и Розенкампа, бредни Ш... и открытия Лейбница; словом, это такой хаос криков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо. Кидают в лицо друг другу выражениями: религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминатор, философ, франкмасон, фанатик и т. п.; словом, полное безумие"¹³. Особую взрывоопасность политической ситуации в стране добавляло религиозное брожение в обществе: одни, потеряв доверие к просветительским идеям, возвращались к "положительному учению православия", другие попали под влияние иезуитов, третьи увлеклись мистицизмом, проповедями "внутренней церкви".

Общество жаждало перемен. Перемен и политической определенности, ибо прежние идеалы были поколеблены, а новые не сложились. Преобразования первого десятилетия царствования Александра I "не оправдали ожиданий, не внесли заметного улучшения в государственную жизнь, не устранили старых многочисленных злоупотреблений"¹⁴.

"Не оправдали... не внесли... не устранили..." — в таких оценках сходились во мнении о положении дел в России и общество, и правительство. Только общество жаждало перемен, спорило об идеалах, а правительство "вышло из тревог военных лет с чувством усталости, неохотой продолжать преобразовательные начинания первых лет, даже с некоторым разочарованием в прежних своих политических идеа-

¹³ Хотеевков В., Чернета В. Граф С. С. Уваров — министр и просветитель//Высшее образование в России. — 1996. — № 1. — С. 150.

¹⁴ Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 227.

лах"¹⁵. Такое правительство не могло ни успокоить возбужденное общество, ни указать ему пути приложения политической и нравственной активности. Правительство и общество оказались чуждыми друг другу, и это в значительной мере было связано с состоянием самого Александра.

Это состояние трудно охарактеризовать однозначно. С одной стороны, лавры победителя Наполеона, самого могущественного монарха Европы и "вождя бессмертной коалиции" резко изменили его поведение и круг интересов. Вернувшись в Россию, он был неузнаваем: стал сух, раздражителен, самонадеян, язвителен, равнодушен, "скучал делами", был больше озабочен общеевропейскими проблемами, чем положением дел в собственном государстве. С другой — в его душе и характере произошли глубокие перемены. Император, готовый в 1812 году не только к поражению, но и к гибели под обломками собственной империи, к потере династией российского престола, два года спустя был убежден, что Бог даровал ему победу и власть, чтобы он "мог дать мир и покой всему свету". "Мы начинаем новую эпоху, — сказал Александр английскому генералу Вильсону, — надобно осветить ее начало искренней признательностью providению".

Из этой "искренней признательности", соединенной с возникшей в душе Александра "беспредельной преданности господину", внушенной самому себе мистической идеей о некоем "мировом освободительном посланничестве, возложенном на русского императора всевышним промыслом" и влиянием корифеев западноевропейского мистицизма, по словам В. О. Ключевского, "вышла целая политическая система"¹⁶, "обновившая" мировоззрение государя. Это была система политической реакции, направленная на искоренение в Европе духовных последствий Великой французской революции и идеологии просветителей 18 века, которая

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. — С. 455.

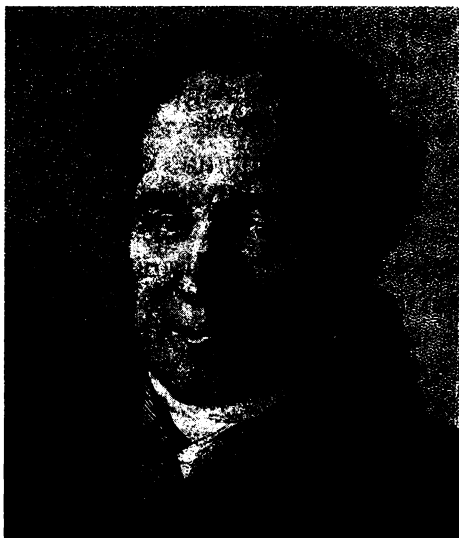
держалась на русских штыках почти десять лет. "Обновленное" мировоззрение скорее всего не означало полного и, самое главное, искреннего отказа государя от либеральных идеалов юности и первых лет царствования. Нельзя исключить, что, придя к убеждениям, что либерализм, основанный на атеизме или по меньшей мере на религиозном индифферентизме, не только греховен и бесплоден, но и чреват политическими и нравственными потрясениями, он считал, что планируемые им политические перемены являются лишь пересмотром средств и сроков осуществления задуманных им либеральных преобразований и что в общество, исповедующее истинно христианские ценности, примет их без прежнего сопротивления.

Замешанное на мистических представлениях, достаточно далеких от истинной религиозности, "обновленное" мировоззрение государя прежде всего сказалось на политике и области просвещения, целью которой стало "...основать народное воспитание на благочестии...", сделать "...христианское благочестие... основанием истинного просвещения", "...сочетать навсегда науку с религией и скрепить благотворный между ними союз посредством единства в направлении той и другой"¹⁷.

Практическое осуществление "оздоровления народного просвещения через привнесение в него религиозного начала" и через "скрепление благотворного союза" между наукой и религией было делом чрезвычайно тонким. Во-первых, оно предполагало четкое определение форм и точек взаимодействия между наукой и религией в сфере просвещения, под которым понималось не только образование, но и воспитание подрастающего поколения. Причем для обеспечения качества подготовки в учебных заведениях всех уровней необходимо было добиться такого положения, чтобы "религиозные начала" использовались исключительно или хотя бы преимущественно для нравственного воспитания, а

¹⁷ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 106, 109, 111.

теологические трактовки исторических событий и естественнонаучных фактов и процессов преподавались как альтернативные. Видимо, цель обеспечения наиболее эффективного взаимодействия между учебными заведениями и религиозными институтами в деле образования и воспитания юношества и призвано было служить проведенное Александром в 1817 году объединение "дел по Министерству Народного Просвещения с делами всех вероисповеданий (включая и дела Священ-

Александр Николаевич Голицын (1773—1844) — министр народного просвещения (1817—1824)

ного Правительствующего Синода. — *Авт.*) в состав одного управления под названием Министерство Духовных Дел и Народного Просвещения"¹⁸. Во-вторых, "оздоровление народного просвещения через привнесение в него религиозного начала" независимо от желания его идеологов затрагивало сферу интересов господствующей религии, и от тех, кто должен был проводить задуманные преобразования в жизнь, прежде всего требовалось выявить и по возможности максимально соблюсти интересы русской православной церкви.

Назначенный же Александром в 1817 году на должность руководителя новым Министерством князь А. Н. Голицын решить эти задачи был неспособен в принципе. Человек неглубокого ума и весьма поверхностного образования, он

¹⁸ Там же. — С. 109.

был воспитан в духе религиозного индифферентизма конца 18 века и "вольтерианства". Назначенный в 1803 году на должность обер-прокурора Синода, он продолжал "числиться среди неверующих" и на первых порах очень скептически и насмешливо относился к своей "деятельности среди монахов". По собственному признанию, он любил "смеяться в тесном кругу тогдашних прелестниц над странной случайностью, превратившей его в главу православия"¹⁹. Увлеченный ко времени назначения его министром идеями мистицизма, А. Н. Голицын не понимал и не чувствовал вероисповедных различий. Как отмечал С. В. Рождественский, он даже после того, как прослужил около 13 лет на посту обер-прокурора Синода, "относился одинаково к православной церкви, как и неправославным церквям и исповеданиям, принял под свое покровительство все секты и религиозные общества, не исключая людей Божьих и даже скопцов. Все это было для него явлением одного и того же духа Христова, заслуживающим внимания и уважения"²⁰. Следствием такой позиции стало полное демонстративное равнодушие А. Н. Голицына к интересам русской православной церкви, очень скоро восстановившее против Министерства духовных дел и народного просвещения и проводимой им политики практически все духовенство. Стремясь добиться общественного согласия, А. Н. Голицын привел страну на грань "религиозно-нравственной смуты", и уже в 1824 году Александр оказался вынужденным сначала отправить в отставку А. Н. Голицына, а затем реформировать новое Министерство и, наконец, вновь сменить политический курс в сфере народного образования.

Однако, прежде чем это произошло, А. Н. Голицын и пришедшая вслед за ним на руководящие посты в мини-

¹⁹ Мельгунов С. Голицын Александр Николаевич//Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. — Изд. 13-е. — Т. 15. — Стб. 316—317.

²⁰ Там же. — С. 108.

стерство "команда", состоявшая из лиц, решительно осуждавших систему народного просвещения, созданную в начале царствования Александра, успели осуществить ряд "преобразований", упоминаемых в литературе чаще всего как "разгром университетов".

Больше других не повезло Казанскому университету, ставшему в буквальном смысле слова жертвой "реформаторской деятельности" одного из членов нового состава Главного правления училищ — М. Л. Магницкого.

Первое посещение М. Л. Магницким Казанского университета состоялось в феврале 1819 года, когда он получил указание провести всестороннюю ревизию дел учебного округа. "Он налетел на университет, пошарил кое-что, — писал В. О. Ключевский, — пробыл всего шесть дней в Казани и, воротившись, доложил, что университет по всей справедливости и строгости законов подлежит уничтожению, притом в виде публичного его разрушения"²¹. Александр, конечно, не позволил разрушать только что открытый университет, но повелел "принять меры к приведению всех частей онаго в должный порядок". Принимать меры А. Н. Голицын поручил все тому же М. Л. Магницкому, назначенному 8 июля 1819 года на должность попечителя Казанского учебного округа.

Уже в первый месяц своего попечительства М. Л. Магницкий уволил всех показавшихся ему "неблагонадежными" профессоров, выгнал большинство студентов и учредил в университете должность директора "по экономической, политической и нравственной части", главной обязанностью которого было истребление любых проявлений "духа вольнодумства и лжемудрия". Но, как вскоре выяснилось, это было только начало. В 1820 году М. Л. Магницкий подготовил и, заручившись поддержкой большинства членов Главного правления училищ, добился утверждения печально знаменитой "Инструкции" директору и

²¹ Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 409.

ректору Казанского университета, ликвидировавшей одно из важнейших завоеваний университетской реформы начала века: профессора "...не подвергаются принуждению ни в рассуждении правил науки, ни в рассуждении книг учебных..."²². Отныне в Казанском университете все без исключения учебные дисциплины должны были преподаваться только по строго установленным "Инструкцией" учебникам и руководствам. Философию, например, надлежало читать по "посланиям апостола Павла", а "дипломатику и политическую экономию" — по книгам Моисея, Давида, Соломона или на крайний случай — Аристотеля и Платона²³. При изложении анатомии запрещалось использовать анатомические препараты, которые М. Л. Магницкий с присущей ему любовью к публичным мероприятиям весьма помпезно, с хором, отпеванием и молебнами... захоронил.

Оставленных в университете казеннокоштных студентов, согласно "Инструкции", полагалось распределить по "степеням нравственного содержания" и поселить на разных этажах университетского корпуса, "дабы порочные не могли заражать...". Провинившихся в чем-либо надлежало сажать в "комнату уединения", а проще говоря, в карцер — на хлеб и воду. За своекоштными студентами устанавливался надзор полиции, а директору университета вменялось в обязанность регулярно собирать сведения об их "домашней жизни".

Период безраздельного господства в Казанском университете М. Л. Магницкого и его "Инструкции" продолжался недолго — около семи лет, но след в истории университета оставил неизгладимый. Когда в 1826 году уже новый министр народного просвещения решил проверить состояние дел в Казанском университете, то посланный им ревизор вынужден был с сожалением констатировать, что "профес-

²² Милюков П. Н. Цит. соч. — С. 287.

²³ Ключевский В. О. Цит. соч. — С. 410.

сорская корпорация и студенты деморализованы, научная и литературная деятельность замерла"²⁴.

Похожая участь постигла и открытый в 1819 году Петербургский университет. Правда, произошло это не так скоро, как в Казани. Единомышленникам М. Л. Магницкого, которые к началу 20-х годов составляли большинство среди членов Главного правления училищ, очень сильно мешал С. С. Уваров, занимавший до 1821 года должность попечителя Петербургского учебного округа. Но как только С. С. Уваров, не выдержав происков М. Л. Магницкого, Д. П. Рунича, А. С. Струдзы, проваливших в Министерстве его проект устава для Петербургского университета, выдержанный в духе уставных документов 1803—1804 годов, подал в отставку, назначенный на его место Д. П. Рунич немедленно и более чем убедительно доказал, что "институт с переименованием в университет не преобразился к лучшему, а только лишился внутреннего порядка своего управления, от чего произошло крайнее расстройство университета"²⁵. И для того, "чтобы доставить университету ту прочность, а государству ту пользу, которые составляют всю важность высшего учебного заведения", уволил четырех ведущих профессоров университета, обвинив их в том, что "философские и исторические науки преподаются в университете в духе, противном христианству, и в умах студентов вскореняются идеи, разрушительные для общественного порядка и благосостояния"²⁶. Забегая вперед, отметим, что после отставки А. Н. Голицына профессора Петербургского университета А. И. Галич, Э.-В.-С. Раупах, К. Ф. Герман и К. И. Арсеньев были полностью реабилитированы, а К. И. Арсеньев даже стал одним из воспитателей старшего сына императора Николая I.

Заменив, по словам П. Н. Милюкова, лучших профессо-

²⁴ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 210.

²⁵ Там же. — С. 124.

²⁶ Там же.

ров "поколением совершенных ничтожеств", Д. П. Рунич в 1822 году беспрепятственно выгнал из университета "безнадежных" студентов и добился санкции на применение к Петербургскому университету "Инструкции" М. Л. Магницкого со всеми вытекающими из этого последствиями.

* *
*

После "погромов" в Казани и Петербурге на очереди оказались и другие российские университеты — Харьковский, Дерптский, Виленский и Московский, где М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич и их сторонники предлагали провести преобразования в соответствии с духом и буквой "Инструкции" М. Л. Магницкого для Казанского университета. К счастью для отечественного университетского образования, эти планы не удалось претворить в жизнь. Все, чего смогли добиться "голицынские реформаторы", это ввести в действие в оставшихся четырех университетах кафедры богословия и уволить в Харьковском, Дерптском и Виленском университетах по несколько "особо неблагонадежных" профессоров. Дальнейшему развитию их начинаний, которые к 1824 году в Харькове и Вильно уже стали постепенно приобретать масштабы казанского "погрома", помешали отставка А. Н. Голицына и назначение на пост министра народного просвещения адмирала А. С. Шишкова, придерживавшегося совершенно иных взглядов на будущее системы народного образования в России.

Единственное, в чем А. С. Шишков был хотя бы отчасти солидарен с А. Н. Голицыным, М. Л. Магницким, Д. П. Руничем и их единомышленниками, так это в полном неприятии результатов, достигнутых Министерством народного просвещения в первое десятилетие его существования. "Кажется, как будто все училища превратились в школы разврата, — писал он еще в 1816 году, — и кто оттуда ни выйдет, тотчас покажет, что он совращен с истинного пути, и

голова у него набита пустотою, а сердце самолюбием, первым врагом благоразумия"²⁷. Однако когда в 1817 году к власти в Министерстве пришла "партия" князя А. Н. Голицына и вся система народного просвещения оказалась в руках таких же врагов либеральных реформ начала 19 века, как и он сам, А. С. Шишков не только не встал на их сторону, но занял еще более непримиримую позицию в отношении Министерства народного просвещения. И в этом не было ничего удивительно-

Александр Семенович Шишков
(1754—1841) — министр народного
просвещения (1824—1828)

го. Пламенный патриот России, истинно верующий православный христианин, мыслитель, признанный российским ученым сообществом, он не хотел и не мог мириться с тем, что творили магницкие и руничы с молчаливого, а порой и открытого согласия А. Н. Голицына, с тем, что А. С. Шишков удивительно точно назвал "облеченным в силу и власть суеверием"²⁸.

У А. С. Шишкова были свои взгляды на то, какой должна быть система народного образования в России, и эти взгляды, как справедливо заметил С. В. Рождественский,

²⁷ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 165.

²⁸ Оценка А. С. Шишкова преобразований, совершенных Главным правлением училищ в период руководства Министерством князя А. Н. Голицына, полностью совпадает с позицией Н. М. Карамзина, называвшего Министерство духовных дел и народного просвещения "Министерством затмения".

"были одинаково чужды как философскому либерализму эпохи графа Завадовского, так и космополитическому мистицизму эпохи князя Голицына". При этом в отличие от А. Н. Голицына и М. Л. Магницкого, критиковавших и разрушавших созданное в первые годы царствования Александра только потому, что так сложилась политическая конъюнктура, А. С. Шишков никогда и ни при каких обстоятельствах не менял своих убеждений. В его жизни были головокружительные взлеты и болезненные падения, но и в опале он продолжал отстаивать свою точку зрения на те или иные проблемы. Принципы, которыми руководствовался А. С. Шишков, в том числе и в вопросах просвещения, были консервативны, порой даже догматичны. Очень часто добиваясь своего, он действовал излишне резко и прямолинейно, но это был человек непоколебимой нравственной и политической позиции, которой он неотступно следовал на протяжении всей своей долгой сначала военной, а затем гражданской государственной службы.

По данным В. О. Ключевского, А. С. Шишков сыграл определенную роль в отставке А. Н. Голицына. С. В. Рождественский полностью отрицает его участие в "заговоре" А. А. Аракчеева, дерптского архимандрита Фотия и петербургского митрополита Серафима, добивавшихся отстранения А. Н. Голицына от власти и день за днем на протяжении нескольких лет восстанавливавших против него императора. Но как бы то ни было, а назначив А. С. Шишкова на пост министра народного просвещения, Александр тем самым фактически расписался в неудаче всей проводившейся им политики в области просвещения.

Правда, признав свое поражение в борьбе с национал-патриотической консервативной оппозицией, полной свободы действий А. С. Шишкову Александр не дал. Он категорически отказался утвердить поданный ему А. С. Шишковым через несколько дней после вступления в должность проект рескрипта, в котором Министерство духовных дел и народного просвещения прямо обвинялось "во всяком по-

кровительстве и ободрении нравственного зла под названием духа времени", а новому министру предписывалось принять неотложные меры "по обузданию разврата" и проведению коренной реформы всей системы народного образования²⁹, и тем самым лишил А. С. Шишкова возможности убрать из Главного правления училищ М. Л. Магницкого, Д. П. Рунича и других представителей "партии" А. Н. Голицына. А. С. Шишков со всей его жадной к немедленным преобразованиям оказался в изоляции, и поэтому неудивительно, что на протяжении почти двух лет никаких заметных перемен в работе Министерства не произошло.

Из сказанного, однако, не следует делать вывод, что вплоть до середины 1826 года А. С. Шишков бездействовал. Напротив, уже в конце 1824—начале 1825 года он подготовил и довел до сведения всех заинтересованных лиц — от императора до профессоров университетов — свой план общей реформы системы народного образования, которому впоследствии будет суждено сыграть роль идеологической основы всей николаевской реформы просвещения.

* *
*
*

Предложенный А. С. Шишковым план реформы строился на трех ключевых идеях. Первая заключалась в том, что учебные заведения всех уровней, начиная от уездных училищ и кончая университетами, должны готовить молодых людей прежде всего к практической жизни. А. С. Шишков полагал недопустимым существовавшее положение, при котором программы учебных заведений всех уровней обеспечивали не столько "основательное", сколько "обширное" образование; "изощряли ум" и при этом не позволяли своим выпускникам сразу же без дополнительной стажировки приступать к общественно полезной деятельности. "Науки

²⁹ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 167.

полезны только тогда, — писал, в частности, А. С. Шишков, — когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению... Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином"³⁰.

Решить проблему переориентации учебных заведений империи на подготовку и выпуск не "болтунов", зараженных "лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлою гордостью и пагубным самолюбием", а граждан, способных приносить конкретную практическую пользу Царю и Отечеству, была призвана вторая основополагающая идея нового министра. "Излишнее множество и великое разнообразие учебных предметов, — указывал А. С. Шишков, — должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первых, в тех познаниях, кои самым учреждением разных учебных заведений постановлены, и, во-вторых, сообразно со званиями, к которым учащиеся предназначаются"³¹. Иными словами, А. С. Шишков предложил заменить созданную Александром единую непрерывную цепь учебных заведений, при которой низшая школа являлась главным образом ступенью к высшей, несколькими сословными школами, каждая из которых была бы самостоятельным целым и готовила бы представителей того или иного сословия к практической жизни.

Это предложение А. С. Шишкова вряд ли следует, подобно П. Н. Милюкову, трактовать как попытку перекрыть доступ к высшему образованию молодым людям "низкого сословия", как выражение крайней реакции. Предлагая преобразовать многоступенчатую бессословную александровскую школу "с одной программой для всех", А. С. Шиш-

³⁰ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 166.

³¹ Там же. — С. 177.

ков руководствовался отнюдь не политическими соображениями и не ставил перед собой задачи добиться того, чтобы никто не мог получить образования выше своего звания. Он исходил из неоспоримого и абсолютно проигнорированного всеми поколениями александровских реформаторов факта, "что из уездного училища разве сотый человек поступит в университет, между тем как 99 окончат учение свое в сем училище и частью в гимназии". "Следовательно, — делал вывод А. С. Шишков, — при назначении постепенности учебных заведений отнюдь не должно исключительно иметь в виду приготовление учеников к переходу из одного заведения в другое высшее, но потребности тех состояний, которые должны были получить в их окончательное образование...". И далее: "...приходские школы должны существовать у нас преимущественно для крестьян, мещан и промышленников низшего класса; уездные — для купечества, обер-офицерских детей и дворян; гимназии — преимущественно для дворян, не лишая, впрочем, и другие состояния права поступать в них"³². И в этой последней ремарке не было ни тени лицемерия. Во-первых, А. С. Шишков был слишком стар для того, чтобы менять свои привычки и учиться делать то, чего он никогда в жизни не делал. А во-вторых, эта позиция А. С. Шишкова полностью соответствовала взглядам немецких просветителей конца 18 века, также полагавших, что "представители всех социальных слоев должны получать образование в соответствии с их положением в обществе" и что "это позволило бы им лучше справляться с теми обязанностями, которые налагали на них общество и государство"³³.

Третья основополагающая идея плана А. С. Шишкова состояла в том, что школа должна не только учить, но и воспитывать. "Не должно терять из вида особенно того, —

³² Милюков П. Н. Цит. соч. — С. 293—294.

³³ Кисунько В. Г., Ревякин А. В. Европейское просвещение//История Европы в восьми томах. — Т. 4. — М., 1994. — С. 324.

отмечал министр, — что одно обучение не есть воспитание и даже вредно без воздвигания нравственности..."³⁴. При этом особо подчеркивалось, что, во-первых, воспитание граждан должно всецело находиться в руках государства, а во-вторых, что оно "во всей Империи нашей, несмотря на разность вер, ниже языков, должно быть русское" и для всех "греко-католиков" должно основываться на "твердом и незыблемом Православии". И далее: "...все иноверное российское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу историю и законы"³⁵.

Воплотить все эти идеи в жизнь А. С. Шишков предполагал с помощью новых общероссийских уставов "для училищ и университетов". 11 декабря 1824 года он даже учредил специальный Комитет "для подробного обозрения положения учебных заведений и составления общего устава", однако, как уже говорилось, вплоть до середины 1826 года каких-либо конкретных результатов добиться не смог. Задуманные им преобразования требовали большой созидательной работы, а магницкие и рунички хорошо умели только разрушать.

* *
*

Создать условия для продуктивной работы, окружив себя командой единомышленников, А. С. Шишкову удалось лишь после восшествия на престол Николая I и декабрьских событий 1825 года.

Николай подверг жесточайшей критике деятельность Министерства народного просвещения, но А. С. Шишкова в отставку не отправил. Познакомившись с записками и докладами А. С. Шишкова, которые тот регулярно направ-

³⁴ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 177.

³⁵ Там же.

лял в императорскую канцелярию и лично Александру, Николай всецело согласился с его идеями реформирования системы народного образования и не только не стал менять министра, но, напротив, своими рескриптами от 14 мая и 13 июля 1826 года предоставил А. С. Шишкову столь необходимую ему свободу действий.

О рескрипте от 13 июля 1826 года мы уже упоминали выше, и думается, нет особой нужды вновь возвращаться к основным положениям этого документа и объяснять, какие возможности для реформаторской деятельности А. С. Шишкова открывало высказанное Николаем обвинение в адрес существовавшей ко времени его восшествия на престол системы просвещения.

Рескрипт от 14 мая 1826 года был менее заметным, но от этого ничуть не менее значимым. Николай поручал А. С. Шишкову распустить действовавший до 14 мая Комитет, занимавшийся подготовкой уставов, и возглавить работу нового Комитета, которому вменялось в обязанность решение той же задачи. Одновременно рескриптом определялся и персональный состав нового Комитета, получившего 21 мая наименование Комитета устройства учебных заведений (КУУЗ). Членами КУУЗ были назначены: попечитель Дерптского учебного округа, один из немногих оппонентов М. Л. Магницкого, сумевший в 1820 году добиться принятия полноценного устава для Дерптского университета, будущий министр народного просвещения, генерал-лейтенант князь К. А. Ливен; разработчик гимназической реформы 10-х годов, позволившей гимназиям избежать печальной участи университетов, автор проекта устава для Петербургского университета и также будущий министр народного просвещения, тайный советник С. С. Уваров; возвращенный Николаем из ссылки, тайный советник М. М. Сперанский; будущий попечитель Московского учебного округа, внесший большой вклад в совершенствование учебных программ в Московском университете, полковник граф С. Г. Строганов; а также граф Ламберт, генерал-лейтенант

граф Сиверс, действительный статский советник Шторх, статский советник Петровский, полковник Л. А. Перовский, будущий генерал и министр внутренних дел. 21 мая к ним "прибавился" князь П. А. Ширинский-Шихматов — будущий академик Петербургской академии наук (1828) и министр народного просвещения. Похоже, что при составлении рескрипта не обошлось без участия А. С. Шишкова. Иначе трудно себе представить, как Николаю удалось сформировать команду не просто профессионалов, но еще и людей, полностью разделявших позицию и программу А. С. Шишкова.

Возникший 14 мая 1826 года Комитет был способен решать любые вопросы, относившиеся к его компетенции, и результат не заставил себя долго ждать. Уже к началу 1828 года был практически полностью подготовлен первый основной документ николаевской реформы просвещения — "Устав гимназий и училищ...", предусматривавший радикальный пересмотр целевых установок и учебных программ начальной и средней школы.

Согласно "Уставу гимназий и училищ уездных и приходских", высочайше утвержденному 8 декабря 1828 года, "каждый разряд училищ" отныне должен был стать самостоятельным целым, дававшим законченное образование в соответствии с потребностями определенного класса населения. Курс приходских училищ "предназначался" для людей "низших состояний" и стал включать в себя Закон Божий, чистописание, четыре правила арифметики и чтение по книгам церковной и гражданской печати. Уездные училища прекращали выполнять функции промежуточного звена между приходскими училищами и гимназиями и оказывались предназначенными главным образом "...для того, чтобы детям купцов, ремесленников и других городских обывателей, вместе со средствами лучшего образования, вместе со средствами лучшего нравственного образования, доставить те сведения, кои по образу жизни их, нуждам и упражнению могут быть им наиболее по-

лезны"³⁶. Теперь за исключением иностранных языков, физики, естественной истории и технологии в уездных училищах должны были преподаваться те же предметы, что и в гимназиях, но только в меньшем объеме. Продолжительность полного курса была увеличена с двух до трех лет, а число учителей — с двух до пяти. Кроме того, соответственно местным условиям в уездных училищах допускалось введение дополнительных учебных дисциплин: законоведения и судопроизводства, особенно торгового, коммерческих наук и бухгалтерии, механики, технологии, архитектуры, сельского хозяйства и садоводства.

Гимназии становились учебными заведениями для "доставления средств приличного воспитания детей дворян и чиновников", и на их преобразование уставом 1828 года обращалось особое внимание. Актуальность гимназической реформы определялась не только тем, что в них должны были проходить обучение преимущественно дети дворян, но главным образом тем, что, согласно позиции императора, именно в гимназиях сосредоточивалась та "роскошь полупознаний", которую надлежало заменить тщательным и основательным изучением немногих предметов.

В принципе, все члены Комитета устройства учебных заведений практически единогласно согласились с тем, что решить задачу было вполне по силам и гимназии "уваровского типа". Однако полностью перенести проект С. С. Уварова 1811 года в "Устав гимназий и училищ..." оказалось невозможно. Один из основных принципов реформы требовал, чтобы гимназии давали законченный курс и готовили к практической жизни. В то же время "уваровская гимназия" была ориентирована главным образом на подготовку молодых людей к учебе в университетах, что выражалось в большом объеме преподавания древних языков, чрезвычайно необходимых для слушания профессорских лекций в уни-

³⁶ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 197.

верситете и совершенно ненужных на военной службе или для занятий сельским хозяйством.

Члены Комитета устройства учебных заведений полностью разделяли идею А. С. Шишкова о том, что гимназии должны давать законченный курс подготовки, но и лишить университеты основного источника абитуриентов не могли. Выход из положения был найден в разделении, начиная с четвертого класса, гимназического курса на две ветви — классическую и реальную или, как писал К. А. Ливен в одной из записок, поданной на рассмотрение Комитета, в том, чтобы "образовать (при гимназиях. — *Авт.*) отдельные реальные классы, в равном отношении к верхним классам гимназий, где молодые люди, не посвящающие себя ученому занятию, во время часов, в кои другие пользуются наставлениями в древних языках, учились бы живым языкам и необходимым для них предметам"³⁷. Этот выход членам Комитета устройства учебных заведений подсказала сама жизнь, а точнее, объективные трудности с организацией преподавания древних языков в полном объеме во всех гимназиях Империи из-за нехватки достаточного числа квалифицированных учителей. Но далеко не последнюю роль сыграло и вмешательство императора, наложившего на один из составленных Комитетом проектов против предложения ввести преподавание греческого языка вместо французского следующую резолюцию: "Я считаю, что греческий язык есть роскошь, тогда как французский — род необходимости, а потому на это согласиться не могу"³⁸. В этой связи представляется любопытным практически текстуальное совпадение приведенной резолюции Николая и заявления, сделанного А. С. Пушкиным в записке "О народном воспитании", составленной по поручению императора несколькими днями ранее: "К чему латинский или грече-

³⁷ Милюков П. Н. Цит. соч. — С. 296.

³⁸ Там же.

ский? Позволительна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?"³⁹.

Случайно или не случайно, но А. С. Пушкину удалось предвосхитить и еще одно решение Комитета устройства учебных заведений. "Должно увлечь все юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства, — писал Николаю А. С. Пушкин, — должно его там удержать (на большее количество лет), дать ему время перекипеть, обогатиться познаниями, созреть в тишине училищ, а не в шумной праздности казарм..."⁴⁰. Уставом 1828 года, даже несмотря на полное упразднение из учебных гимназических программ философских и политических наук и сокращение объема преподавания древних языков (причем сокращение коснулось и программы классической гимназии), срок обучения в гимназии был увеличен до семи лет.

* *
*

После утверждения "Устава гимназии и училищ..." главной задачей Комитета устройства учебных заведений стала подготовка "общего устава университетов". Работа над этим вторым основополагающим документом николаевской реформы просвещения продолжалась около семи лет и, несмотря на отставку А. С. Шишкова, последовавшую 25 апреля 1828 года, состояла в переносе его идей в сферу университетского образования. И надо отметить, что наследникам А. С. Шишкова по министерству народного просвещения К. А. Ливену и С. С. Уварову это вполне удавалось. Подготовленные под их руководством "Общий Устав Императорских Российских университетов" (1835) и сопровождавшие его нормативные акты создавали все необходимые

³⁹ Пушкин А. С. О народном воспитании//Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в шести томах. — Т. 5. — М., 1950. — С. 426.

⁴⁰ Там же. — С. 424.

предпосылки для того, чтобы отныне большинство студентов составляли бы дети дворян и чиновников; чтобы по окончании полного университетского курса они одновременно с получением высшего образования приобретали бы и гражданскую специальность; и чтобы университеты не только обучали бы юношей высоким наукам, но и воспитывали их в духе преданности Царю и Отечеству.

Наполнить университетские аудитории молодыми людьми дворянского происхождения Комитет устройства учебных заведений решил за счет введения дополнительных к уже действовавшим поощрительных мер и привилегий для дворян, поступающих в университет и оканчивавших полный курс наук. При этом каких-либо ограничений для поступления в университеты других состояний не устанавливалось.

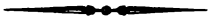
Переориентировать университеты на подготовку государственных служащих, обладающих всеми необходимыми для практической деятельности знаниями и умениями, планировалось главным образом за счет радикального пересмотра учебных программ. Вместо четырех факультетов, не имевших четких целевых установок, "Уставом" 1835 года предписывалось создать три, для каждого из которых были разработаны практически ориентированные учебные программы и определены конкретные задачи: философский должен был стать основным источником кадров учителей для гимназий, на юридическом должна была быть организована подготовка чиновников-юристов для государственного аппарата, на медицинском — врачей с правом на самостоятельную практику для обеспечения населения медицинской помощью.

Усиления воспитательного начала было решено добиться прежде всего за счет установления существенно более строгого государственного надзора за деятельностью университетов и замещения кафедр главным образом русскими профессорами, которые должны были преподавать русскую науку. По "Уставу" 1835 года университеты поступали в непосредственное подчинение попечителя учебного округа. Собственно университетские власти — ректор и декан —

хотя и остались выборными, но срок их полномочий был продлен с одного года до четырех лет для усиления их административного значения. Правление университета переходило в подчинение попечителя. Университет лишался судебных прав и прав руководства училищами учебного округа. Инспектор студентов отныне не должен был выбираться Советом из числа профессоров, а назначался попечителем из посторонних университету лиц — "военных или гражданских". Для студентов устанавливалась форма и регламентировались их нравственные обязанности и внешние правила поведения.

Обязательными предметами для студентов всех без исключения факультетов становились богословие, церковная история и действующее право. На философском факультете впервые создавалась самостоятельная кафедра русской истории и вводилось преподавание новой отдельной дисциплины — славистики.

Возглавить новые кафедры должны были русские профессора, и Министерство народного просвещения сделало все от него зависевшее для воплощения этого замысла в жизнь. В 1828 году в Дерпте был открыт специальный Профессорский институт, куда были собраны наиболее талантливые выпускники из всех российских университетов. Одновременно К. А. Ливен и С. С. Уваров добились снятия запрета на отправку молодых людей в европейские университеты для стажировки и подготовки к профессуре. Эти меры впоследствии дали России таких замечательных ученых и педагогов, как историк и правовед К. А. Неволин, правовед, историк и философ П. Г. Редкин, Н. И. Пирогов, историки Т. Н. Грановский и П. Н. Кудрявцев, деятельность которых обеспечила подлинный расцвет российских университетов в 40—50-х годах 19 века.

Глава 7

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ ОБУЧЕНИЯ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ "ОБЩЕГО УСТАВА ИМПЕРАТОРСКИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ" 1835 ГОДА

В последние дни июня 1825 года на очередном заседании Совета Московского университета ректор А. А. Прокопович-Антонский зачитал письмо попечителя Московского учебного округа: князь А. П. Оболенский "предлагал" Совету "немедленно заняться надлежащими соображениями" о том, "какие именно и по каким причинам нужны перемены в существующем ныне Уставе сего университета (имелся в виду "Устав" 1804 года. — *Авт.*), или какие требуются дополнения к оному во всех отношениях Устава, т. е. учебном, ученом, хозяйственном и полицейском", и представить "мнение" Совета к "25 числу будущего Июля"¹. К письму прилагался циркуляр министра народного просвещения А. С. Шишкова, в котором прямо говорилось о необходимости срочной замены уставов всех российских университетов, об образовании для этого в Министерстве спе-

¹ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 4.

циального Комитета и "кратко" (более чем на трех страницах из пяти) излагались уже упоминавшиеся "начала, на которых важное произведение сие долженствует единообразно утвердиться"².

А. С. Шишков не просто интересовался взглядами московских профессоров и А. П. Оболенского, он провоцировал их, стремясь установить меру лояльности профессоров и руководителей университета, избегнувшего "чисток" конца 10-х—начала 20-х годов, к новой политике в сфере народного просвещения. Нельзя исключить, что и данное им разрешение отдельным профессорам, несогласным с общим мнением Совета, присылать свои особые мнения преследовало ту же самую цель.

И провокация удалась. Профессора Московского университета, вероятно, не почувствовав "подставки", хотя и не прямо, но более чем определенно заявили, что действующий устав их полностью устраивает. Профессора высказали целый ряд замечаний, но все они носили сугубо частный характер.

Если выделить из общего итогового мнения Совета Московского университета мнение профессоров медицинского факультета, то следует отметить, что они также ограничились лишь частными замечаниями. Правда, на первый взгляд может показаться, что эти замечания были принципиальными. В самом деле, если сопоставить текст параграфа 24 "Устава" 1804 года и соответствующий параграф в "итоговом мнении" Совета Московского университета, то сразу же обращает на себя внимание, что профессора предложили, во-первых, ввести преподавание целого ряда важнейших и не предусматривавшихся действовавшим уставом дисциплин, как то: медицинской полиции, истории медицины, фармакологии, диететики, курсов детских и женских болезней, а во-вторых, перераспределить учебные предметы между профессорскими курсами, выделив преподавание

² Там же. — Л. 1 — 3 об.

Таблица 1. Перечень и распределение учебных дисциплин медицинского факультета Московского университета в проектах Совета университета и попечителя Московского учебного округа в сравнении с "Уставом Императорского Московского университета" (1804)

"Устав Императорского Московского университета" 1804 г. ^а	Мнение Совета Московского университета 24 июля 1825 г. ^б	Проект университетского устава, составленный А. А. Писаревым 16 апреля 1826 г. ^в
<ol style="list-style-type: none"> 1. Анатомия, Физиология и Судебная Врачебная Наука. 2. Патология, Терапия и Клиника. 3. Врачебное вествословие, Фармация и Врачебная Словесность. 4. Хирургия. 5. Повивальное искусство. 6. Скотолечение. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Анатомия, Судебная медицина и Медицинская Полиция. 2. Физиология, Патология и История медицины. 3. Фармация, Фармакология и Рецепттура. 4. Хирургия теоретическая и практическая. 5. Терапия, Клиника и Диететика. 6. Повивальное искусство и Науки о женских и детских болезнях. 7. Скотолечение. 8. История медицины, Методология медицины и Судебная медицина. 9. Скотолечение. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Анатомия. 2. Сравнительная физиология. 3. Патология, Терапия и Клиника. 4. Фармакология и Фармация. 5. Хирургия. 6. Окулистика. 7. Повивальное искусство и Детские болезни.

^а Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 299.

^б ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 120б.

^в ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3086. — Л. 170б.

физиологии, патологии и истории медицины в самостоятельный дополнительный — седьмой — курс (табл. 1).

Однако бросающееся в глаза при простом сопоставлении двух текстов обилие отличий не должно вводить в заблуждение. Если проанализировать предложения профессоров, исходя из того, насколько в случае их официального признания и включения в новый устав изменились бы организация и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета и в какой мере это отразилось бы на дальнейшем совершенствовании учебной

программы подготовки врача, то становится очевидным, что эти предложения не содержали практически ничего нового по сравнению с тем, что уже было сделано в Московском университете в рамках "Устава" 1804 года, причем в течение первых нескольких лет после его утверждения. Профессора медицинского факультета давали ясно понять руководителям университета и министерства, что они не считают нужным что-либо менять в сложившемся в рамках действовавшего устава порядке преподавания. Сказанное относится и к идее организации кафедры физиологии, патологии и истории медицины. Такое нововведение само по себе не могло заметно усовершенствовать существовавшую на факультете учебную программу подготовки врача.

Все вместе взятое позволяет предположить, что затея профессоров с перераспределением учебных предметов преследовала совершенно иную цель: найти более или менее убедительное обоснование для того, чтобы увеличить число ординарных профессорских должностей на факультете. И лучшего, чем создание кафедры физиологии, патологии и истории медицины, придумать было сложно: к 1825 году кафедры физиологии и общей патологии были открыты в десятках европейских университетов. Кроме того, создание такой кафедры предписывалось Уставом Дерптского университета, высочайше утвержденным в 1820 году.

И еще: мысль использовать министерский запрос для расширения (под благовидным предлогом) штатов факультета пришла, по-видимому, что называется *ex tempore*. Если бы предложение об организации кафедры физиологии, патологии и истории медицины было выражением заранее продуманной и согласованной позиции профессоров факультета, то вряд ли М. Я. Мудров, прекрасно разбиравшийся в вопросах университетского медицинского образования и к тому же являвшийся в 1825—1826 годах деканом факультета, в последний момент перед Советом университета, попечителем и министром стал бы резко возражать против этого. А произошло именно так: в день последнего

Министерство народнаго просвѣщенія
 Въ Сѣверо-Мѣлехинскомъ
 Московскомъ Университетѣ.

Спартаментъ народнаго просвѣщенія
 Въ предложеніи Его Свѣтло-
 превосходительства Г-на Минис-
 тра просвѣщенія о доставленіи

Отъ ординарнаго Профессора Кемпника и Доктора Врачебнаго Отдѣленія
 Кемпникъ къ Уставу Университетовъ отъ 1825 года за № 1498, позволено особымъ мнѣніемъ Профессоровъ присовокупить къ общему мнѣнію Свѣта

въ Москва

24 Июня 1825 года

Съ приложеніемъ мнѣнія
 объ учрежденіи новой кафедры
 для Анатоміи патологической, и для Физіологіи сравнительной.

Но съ основаніемъ прошу,
 дабы мнѣніе мое объ учрежденіи кафедръ для Анатоміи патологической и Физіологіи сравнительной, сдѣлось приложеніемъ, Свѣтъ Мѣлехинскому Московскому Университету благоволилъ принять и доставить, куда събудетъ. Мнѣніе М. Я. Мудрова.

заседания Совета 24 июля 1825 года, когда утверждался окончательный вариант "мнения" профессоров Московского университета, он, воспользовавшись разрешением министра, подал "особое мнение", где с нескрываемым раздражением осудил затею своих коллег в отношении перераспределения учебных дисциплин между профессорскими курсами и заявил, что считает "удобнейшим распределение Медицинских наук, изложенное в Высочайше утвержденном Уставе"³. Разумеется, М. Я. Мудров ничего не имел против увеличения числа ординарных профессорских должностей на факультете, но при этом справедливо полагал, что расширение штата должно использоваться для совершенствования программы подготовки врача, и предлагал организовать дополнительную, седьмую, кафедру патологической анатомии и сравнительной физиологии⁴. И это была единственная действительно серьезная поправка к "Уставу" 1804 года из всех высказанных профессорами медицинского факультета в середине 1825 года. М. Я. Мудров ставил вопрос о кардинальном расширении объема преподавания естественнонаучных основ клинической медицины, важнейшей из которых в тот период была патологическая анатомия.

* *
*

В 1824—1825 гг. М. Я. Мудров неожиданно для окружающих превратился в сторонника идей парижского профессора Ф. Бруссе. Как восприняли современники это "внезапное перерождение", точно неизвестно, но ученик и первый биограф М. Я. Мудрова П. И. Страхов спустя 30 лет писал об этом кратко, давая понять, что увлечение не было сильным и что М. Я. Мудров в конце концов сам осознал бесперспективность бруссеизма: "...с 1824 года начал скло-

³ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 40 об.

⁴ Там же. — Л. 41.

няться к теоретическому воззрению новой, образовавшейся во Франции, медицины физиологической; стали ему нравиться сочинения, в коих излагалось учение Парижского Профессора Бруссе, некоторым образом подходившего к его практическим наблюдениям; вследствие чего он с кафедры начал преподавать лекции в особом порядке... Мудров и в клинике начал было следовать тому же воззрению, однако же опыты показали, что теория Бруссе, тоже, что и теория Броуна⁵, вывороченная наизнанку, не оправдала тех великих успехов, которые провозглашались в книгах..."⁶. Отечественные историки медицины 20 века использовали опыт П. И. Страхова, чтобы показать, что временно возникший интерес к популярным в то время в Европе работам Ф. Бруссе не оказал сколько-нибудь заметного влияния на М. Я. Мудрова. "Теоретические взгляды Мудрова, — писал, например, А. Г. Гукасян, — сложились задолго до появления на медицинском поприще Бруссе (1816 г.). Поэтому было бы неправильно связывать передовые идеи Мудрова с именем Бруссе, тем более что в учении последнего было немало научно необоснованных и надуманных положений"⁷. В таком же духе высказывались Г. А. Колосов и В. Н. Смотров⁸. Стремление отечественных историков медицины отделить друг от друга имена М. Я. Мудрова и

⁵ Имеется в виду шотландский врач Дж. Броун (J. Brown), автор широко распространенной в конце 18—начале 19 вв. медицинской системы — "броунизма", которую некоторое время признавал М. Я. Мудров.

⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1856. — Ч. II. — С. 126. Об увлечении М. Я. Мудрова идеями Ф. Бруссе писали Н. И. Пирогов (Собр. соч. — Т. 8. — М., 1962. — С. 203) и И. В. Варвинский (О влиянии патологической анатомии на развитие патологии вообще и клинической в особенности//Московский врачебный журнал. — 1849. — Ч. I. — С. 70).

⁷ Гукасян А. Г. Мудров — основоположник отечественной внутренней медицины//В кн.: Мудров М. Я. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 101.

⁸ Колосов Г. А. Профессор М. Я. Мудров. Его личность, научно-общественная деятельность и значение для русской медицины. — Пг., 1915. — С. 54; Смотров В. Н. Мудров. — М., 1947. — С. 52—53.

Ф. Бруссе можно понять. Пережив период небывалой популярности, Ф. Бруссе был быстро сброшен с пьедестала и вошел в историю медицины как создатель очередной "уводившей медицину с ее магистрального пути" умозрительной теории⁹, но оказавший, однако, медицине "единственную услугу", состоявшую "в ясно выраженной оппозиции к господствовавшему в то время онтологическому взгляду" на сущность болезни¹⁰. "Услуга медицине", оказанная Бруссе, о которой упоминает Т. Мейер-Штейнег, на самом деле была весьма существенной, но не единственной. И состояла она не в "оппозиции", а в коренном пересмотре традиционно сложившегося и господствовавшего представления о сущности болезни. Вообще, если, оценивая наследие Ф. Бруссе, не ограничиваться "физиологическим учением", а внимательно и беспристрастно разобраться в существе и значимости его более ранних работ, станет понятней, почему Ж.-Б. Буйо считал, что "медицинская революция, основание которой заложил Ф. Бруссе в 1816 году, является, бесспорно, самой значительной из того, что медицина испытала в новое время"¹¹, и почему М. Я. Мудров признал и взял на вооружение ряд важных и перспективных положений, сформулированных Ф. Бруссе на основе проведенных им клинико-морфологических исследований. К ним, в частности, относились следующие:

1. Болезнь не является неким существом, проникающим в тело человека и живущим в нем по собственным законам, как это было принято считать, а протекающим в организме патологическим процессом. "Рассуждать о вымышленных существах, как о вредных силах, действующих на органы и оные изменяющих, производя в них то или другое рас-

⁹ Бородулин В. И. Очерки истории отечественной кардиологии. — М., 1988. — С. 56.

¹⁰ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 419.

¹¹ Bouilland J.-V. Traite des fievres lites essentielles. — Paris, 1826. — P. 13.

стройство, — писал Ф. Бруссе, — значит принимать действия за причины и заниматься онтологией... (Онтология есть наука о существах)"¹².

2. Не болезнь производит морфологические повреждения, а морфологические повреждения, вызывая соответствующую симптоматику, являются болезнью: "Нет болезней в чистом виде, есть только крик болящих воспаленных органов"¹³.

3. "Динамических" (функциональных) болезней не может существовать в принципе, поскольку, если нет повреждения, то нет и болезни, так как это одно и то же. Если есть хотя бы один клинический симптом, обязательно должно быть морфологическое повреждение, а "если трупы иногда кажутся нам немymi, то это потому, что мы не умеем их спрашивать"¹⁴.

Значение идей и выводов Ф. Бруссе для дальнейшего развития медицины трудно переоценить. Ведь отказ от онтологического представления о болезни, которое после доказательных клинико-морфологических исследований Ф. Бруссе начало вытесняться из массового врачебного сознания, обеспечивал безоговорочную победу естественнонаучного подхода к изучению патологических процессов, постепенное превращение патологической анатомии из преимущественно прикладной дисциплины о морфологических знаках присутствия в организме неких мифических существ в фундаментальную медицинскую науку, изучающую структурные основы патологических процессов. Именно в этом, а не только "в ясно выраженной оппозиции... онтологическому взгляду на болезнь" состоит

¹² Бруссе Ф. Афоризмы, или главные основания Физиологии, Патологии и Терапии, предложенные Профессором Бруссе, главным врачом учебной Военной Госпитали в Париже. 1823 года. — Пер. с фр. Ив. Гергиевский. — М., 1824. — С. 168.

¹³ Цит. по кн.: Плетнев Д. Д. Избранное. — М., 1989. — С. 291.

¹⁴ Broussais F.-J.-V. Histoire des phlegmasies croniques. Т. II. — Paris, 1808. — P. V.

"услуга", оказанная Ф. Бруссе медицине. Значение этой "услуги" оценили Ж.-Б. Буйо и М. Я. Мудров, но не поняли многие современники, сосредоточившие внимание на "физиологическом учении" Ф. Бруссе, и передали свое непонимание потомкам.

С 1824 года М. Я. Мудров занял еще более активную позицию в отношении преподавания анатомии в Московском университете. Под влиянием новых идей для него вновь, как и в 1805 году, стала очевидной необходимость срочных преобразований, поскольку существовавшее положение с преподаванием патологической анатомии, являвшейся, по его мнению, наиболее эффективным инструментом изучения болезней, представлялось ему вопиющим несоответствием требованиям времени. И здесь, как нельзя кстати, состоялась встреча М. Я. Мудрова с А. И. Овером, прервавшим стажировку в Страсбургском университете в связи с болезнью матери. Встреча оказалась полезной для обоих: А. И. Оверу удалось поправить здоровье матери, так что в конце 1825 года он смог забрать ее с собой во Францию, М. Я. Мудров же узнал последние французские новости, одна из которых привлекла его особое внимание. А. И. Овер рассказал о своем близком знакомстве со страсбургским профессором И. Ф. Лобштейном и о возглавляемой им первой в Европе кафедре патологической анатомии. У М. Я. Мудрова, к этому времени уже в достаточной мере сенсibilизированного идеями Ф. Бруссе, это известие трансформировалось в замысел организации подобной кафедры в Московском университете.

«...Нахожу полезным и славе России приличным, — писал М. Я. Мудров в "особом мнении", — дабы для сих важных частей Медицины, всюду в Европе преподаваемых, т. е. для Патологической Анатомии и для Физиологии Сравнительной, устроена была нарочная кафедра в Московском Университете, назначен был особенный Профессор с Адъюнктом из Врачей и с прозектором, и определена... сумма для приобретения, делания и хранения препара-

тов по обеим сим частям, т. е. по Анатомии Патологической и Зоотомии»¹⁵.

Патологическая анатомия и сравнительная физиология... Наука, изучающая структурные основы патологических процессов, и физиология животных... Что между ними общего, почему вообще зашла речь о введении преподавания сравнительной физиологии и, наконец, для чего понадобилось объединить в рамках одной кафедры столь разные научные дисциплины? Гораздо более логичным было бы, например, выступить с предложением об организации отдельного курса сравнительной физиологии в рамках кафедры "Скотолечения", на которой курсы анатомии и физиологии животных читались с момента ее учреждения в 1804 г. Но М. Я. Мудров, прекрасно разбирающийся в вопросах университетского медицинского образования и уж, конечно, великолепно знавший о том, что преподавалось на кафедре "Скотолечения", почему-то предпочел объединить сравнительную физиологию именно с патологической анатомией, а в отношении кафедры "Скотолечения" лишь между прочим упомянул, что "препараты... Зоотомические могут быть и для лекций Профессора Ветеринарной Науки"¹⁶.

Так что же за подразделение в структуре медицинского факультета Московского университета задумал организовать М. Я. Мудров? Какие задачи оно было призвано решать? Попробуем разобраться, и с этой целью обратимся к тексту "особого мнения", стараясь по возможности следовать за ходом мысли автора.

Документ начинается краткой исторической справкой, посвященной вопросам возникновения патологической анатомии, которая, хотя и писалась М. Я. Мудровым как простое введение к основному тексту документа, заслуживает отдельного рассмотрения. Напомним: в 1805 году в письме М. Н. Муравьеву М. Я. Мудров характеризовал патологиче-

¹⁵ Там же. — Л. 42 об.

¹⁶ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 42 об.

скую анатомию как науку, которую "почитают... новой, хотя она и не есть", и давал понять, что к началу 19 века она уже имела сравнительно продолжительную историю, причем настолько продолжительную, что за время, прошедшее с ее возникновения, о патологической анатомии даже успели "позабыть, пустившись в строение теорий"¹⁷. Возврат к пониманию важности анатомического исследования "болезненных произведений", по мнению М. Я. Мудрова, произошел только в конце 18 века под влиянием Дж. Б. Морганьи, показавшего "дорогу в сей храм природы"¹⁸. В "особом мнении" М. Я. Мудров также упоминает и имя Дж. Б. Морганьи, и первые, начавшиеся еще "со времен Бэкона Веруламского" попытки вскрытия трупов с целью установления "причин и свойств болезней внутренних и наружных"¹⁹, но уже в контексте предыстории, оценивает патологическую анатомию без каких-либо оговорок как науку "новую", относит время ее возникновения к первой четверти 19 века и называет ее основоположниками не Дж. Б. Морганьи, а П. Порталья, М. Биша, И. Ф. Меккеля (младшего) и Р. Лазэннека²⁰. Что касается М. Я. Мудрова изменить собственное представление об истории возникновения патологической анатомии, точно неизвестно. Но, вероятнее всего, под влиянием новых идей и открытий изменились взгляды М. Я. Мудрова на предмет, цели и задачи патологической анатомии. То, что сделали и чего добились предшественники и современники Дж. Б. Морганьи, и то, что в 1805 году он считал уже сложившейся наукой, в 1825 году рассматривалось им лишь как этап становления патологической анатомии. Эта версия находит полное

¹⁷ Письма М. Я. Мудрова... — С. 47.

¹⁸ Там же. — С. 48.

¹⁹ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 41.

²⁰ "Наконец Меккель, Порталь, Биша, Ленек и другие, — писал, в частности, М. Я. Мудров, — из сближения и сравнения... опытов и наблюдений над человеческими трупами и над животными, составили ныне особенную новую науку а именно: Анатомию Патологическую"/Там же. — Л. 41.

подтверждение при дальнейшем анализе и сопоставлении текстов письма М. Я. Мудрова М. Н. Муравьеву от 27 марта 1805 года и "особого мнения".

В 1805 году М. Я. Мудров определял патологическую анатомию как одну из "практических (рукодеятельных) наук, предмет которой "... есть изъяснять повреждения, случающиеся в строении важных частей столько, сколько оныя по сих пор нам известны из открытия трупов, и излагать механические их причины чувствами видения и осязания"²¹. В "особом мнении" от приведенного взгляда на патологическую анатомию осталось, пожалуй, только одно название самой дисциплины. Во-первых, в 1825 году для М. Я. Мудрова патологическая анатомия больше не практическая "рукодеятельная", а теоретико-практическая наука, которой "Врачи одолжены, что Медицина постепенно выходит из гадательных наук и стала подходить ближе к наукам верным"²², и которая, "отверзая двери к таинствам физиологии болезней"²³, составляет "вторую по Гиппократу основу медицины Практической"²⁴. Во-вторых, предмет ее изучения состоит уже не только и не столько в "показании болезненных останков" важнейших органов и частей человеческого тела. "...Анатомия Патологическая, — писал М. Я. Мудров в "особом мнении", — развивает нити и узлы тела болезненного, описывает превращения, изменения и разрушения его орудий до последней их ткани и тончайших внутренних волокон и сосудов..., показывает в существе как они (болезни. — *Авт.*) внутри рождаются, зреют, разрешаются, переходят в другие болезни..."²⁵. Иными словами, в 1825 году М. Я. Мудров прямо заявил, что патологическая анатомия — это фундаментальная наука, изучающая не

²¹ Письма М. Я. Мудрова... — С. 48.

²² ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 41.

²³ Там же. — Л. 41 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

морфологические знаки болезней, а патологические процессы, протекающие в организме заболевшего человека, и их структурные основы, причем как на органном, так и на тканевом уровне.

Даже в середине 20-х годов 19 века так думали, а тем более публично высказывали подобные суждения, очень немногие, а точнее лишь те, кто смог оценить и принять сформулированное Ф. Бруссе положение о болезни как о протекающем в организме заболевшего человека патологическом процессе. И тот факт, что в "особом мнении" М. Я. Мудров не упоминает ни имени, ни работ Ф. Бруссе, не следует трактовать как попытку автора документа утаить основной источник идей или выдать идеи Ф. Бруссе за собственные. К 1825 году Ф. Бруссе своими умозрительными теоретическими рассуждениями уже достаточно скомпрометировал и свое имя, и те без преувеличения выдающиеся открытия, которые он совершил ранее на основе строгих клинико-анатомических исследований. Поэтому М. Я. Мудров, скорее всего, попросту не рискнул упоминать Ф. Бруссе. Он прекрасно понимал, что в случае, если его "особое мнение" вызовет интерес в Министерстве народного просвещения, то его обязательно направят на рецензии, и для любого недоброжелательно настроенного рецензента ссылка на Ф. Бруссе может послужить удобным предлогом, чтобы попытаться опорочить как автора документа, так и изложенную в нем идею организации кафедры.

Однако последуем дальше за ходом мудровских рассуждений, общая направленность которых в целом также соответствовала идеологии работ и суждений Ф. Бруссе. Последний же неоднократно повторял, что если для выявления и регистрации "морфологических знаков присутствия в теле человека болезненных существ" патологической анатомии вполне достаточно секционного ножа, то для всестороннего изучения патологических процессов и внутренней логики их развития секционный метод исследования должен быть обязательно дополнен физиологическим, а точнее

патофизиологическим, осмыслением сути наблюдаемых структурных изменений. М. Я. Мудров полностью разделял эту точку зрения и в "особом мнении" прямо заявлял, что основой патологической анатомии, перед которой стоят новые задачи познания патологических процессов и их структурных основ, должно служить знание не одной только, как прежде, нормальной анатомии, но и нормальной физиологии. "Анатомия Патологическая, — говорилось в документе, — сверх описательной Анатомии предполагает знание Физиологии здорового тела..."²⁶.

В "особом мнении" процитированным выше предложением начинался очередной абзац, в котором развивалась мысль о, если можно так выразиться, "физиологической" составляющей патологической анатомии. Но мы не случайно не стали приводить весь абзац целиком, а оборвали мудровский текст, что называется на полуслове. Дело в том, что за стоящей в конце этого предложения точкой М. Я. Мудров перестает быть бруссеистом, отказываясь идти дальше вслед за своим кумиром. Напомним: Ф. Бруссе для объяснения внутренней логики развития патологических процессов и объяснения причин возникновения повреждений в органах и тканях человеческого тела в отдалении от первичного патоморфологического очага пытался использовать данные существовавшей в то время физиологии, которые и завели Ф. Бруссе "в область умозрительных гипотез и предположений". Для большинства современников Ф. Бруссе последнее обстоятельство поставило под сомнение правильность избранного им пути. М. Я. Мудров же понял, что причина неудачи Ф. Бруссе состояла в умозрительном характере существовавшей тогда физиологии. "...Нормальная Физиология (*Physiologia sana*), — писал он в 1828 году, — надстраивается над понятиями Анатомии и Экспериментами. Если же Физиология пойдет обратной поступью в переходящих созерцаниях Метафизики, под помпезным назва-

²⁶ Там же.

нием Естественной Философии или в абстрактных обозначениях, то в Практическом Учении (*Doctrina Practica*) мы отклоняем такую Физиологию человеческого тела, как идеальную"²⁷.

По-видимому, столько же "идеальной" М. Я. Мудров считал и читавшийся в Московском университете курс физиологии, и поскольку не мог допустить, чтобы такая физиология стала для студентов одной из основ новой патологической анатомии, предложил организовать фактически альтернативный курс нормальной физиологии человека. Мы не оговорились — именно физиологии человека, поскольку сравнительная физиология была для М. Я. Мудрова не более чем средством превращения нормальной физиологии человека из предмета умозрительных умозаключений в науку, базирующуюся на опытно-экспериментальном знании.

Справедливости ради следует отметить, что первым на рубеже 18—19 веков путь использования сравнительной физиологии для совершенствования физиологии человека предложил знаменитый французский естествоиспытатель Ж. Кювье: "...достаточно проследить изучаемый орган через все классы животных, его имеющих, и выяснить, какие части тела имеются всегда и какие изменения в относительных функциях этого органа вызывает отсутствие тех частей, которых лишены некоторые классы...", и бывает достаточно одного такого факта, говорил Ж. Кювье, "...чтобы разрушить целое сооружение физиологических гипотез"²⁸. Вслед за Ж. Кювье обширные сравнительно-анатомические и сравнительно-физиологические исследования, принесшие немало важнейших открытий для нормальной физиологии

²⁷ Mudrow M. *Nosographia Physiologica, ad leges et extispicia Anatomiae Generalis et Patologicae delineata*//Конспекты отделения медицинских наук при Императорском Московском университете. — М., 1828. — С. 22 (Пер. с латинского профессора В. Ф. Новодрановой).

²⁸ Cuvier G. *Lecons D'Anatomie comparee*. — Paris, 1800. — Vol. I. — P. VI—VII.

человека, выполнил И. Ф. Меккель (младший), получивший за эти работы прозвище "немецкого Кювье".

М. Я. Мудров отлично знал и об исследованиях Ж. Кювье, лекции которого в College de France слушал, находясь в начале 19 века в Париже, и о работах И. Ф. Меккеля, ссылки на которые можно встретить в его трудах. Однако это обстоятельство ни в коей мере не должно влиять на оценку оригинальности высказанной М. Я. Мудровым в 1825 году идеи организации кафедры патологической анатомии и сравнительной физиологии. Заимствовав у И. Ф. Лобштейна замысел создания на медицинском факультете самостоятельной кафедры патологической анатомии, у Ф. Бруссе — представление о патологической анатомии как о науке, изучающей патологические процессы и их структурные основы, у Ж. Кювье и И. Ф. Меккеля — идею использования сравнительной физиологии для превращения физиологии человека в опытно-экспериментальную науку, М. Я. Мудров в итоге выступил с абсолютно оригинальным предложением по организации кафедры, не имевшей аналогов в мире, — кафедры, на которой читались бы фундаментальные естественнонаучные основы всей клинической медицины.

* *
*

Профессора медицинского факультета не поддержали М. Я. Мудрова. Мы не склонны думать, что они возражали против его идеи как таковой, но, по-видимому, их действительно больше заботил вопрос о введении седьмой профессорской должности на факультете. А убедить в этом начальство, предложив организовать кафедру, уже созданную в целом ряде университетов Европы, было несомненно легче, чем обосновывать необходимость выделения патологической анатомии в самостоятельный предмет преподавания. В результате единственная принципиальная поправка к дей-

ствовавшему уставу применительно к вопросам университетского медицинского образования в итоговый документ, составленный Советом, не попала, а была представлена министру в качестве "особого мнения".

...Провокация А. С. Шишкова удалась... Профессора Московского университета, включая медицинский факультет, фактически заявили о своем нежелании кардинально менять действовавший устав. У А. П. Оболенского был шанс остаться в стороне. Он мог

открыто отмежеваться от мнения профессоров, сопроводив его соответствующей пояснительной запиской. Но он этого делать не стал, а просто переслал "итоговое мнение" Совета в министерство. У А. С. Шишкова руки были развязаны, и отставка А. П. Оболенского не заставила себя долго ждать. Уже осенью 1825 года в Московский университет прибыл новый попечитель — генерал-майор А. А. Писарев.

Исследователи истории медицинского факультета Московского университета часто вспоминают это имя, уже давно ставшее олицетворением "мракобесия" николаевской реакции в сфере народного просвещения. "Адмирал знал только адмиралов, ну по меньшей мере генералов, — отмечал, в частности, Е. И. Чазов, — поэтому не нашел ничего лучшего, как рекомендовать на должность попечителя московского учебного округа отставного генерал-майора А. А. Писарева. Это был удар по Московскому университету, по

Александр Александрович Писарев (1780—1848) — попечитель Московского учебного округа (1825—1830)

прогрессивным взглядам его профессоров, студентов, это была в определенной степени насмешка над передовыми русскими учеными, профессорами Московского университета, которые уже представляли значительную силу в российском обществе"²⁹. Для такой оценки деятельности А. А. Писарева на посту попечителя Московского учебного округа у исследователей имелись определенные аргументы. Главные из них предоставил Н. И. Пирогов, с возможной обстоятельностью описавший в своих мемуарах и безобразные выходы генерала-попечителя по отношению к профессорам университета, и проводившиеся им обыски в комнатах студентов, и введенные карательные меры против малейшего проявления свободомыслия³⁰. И у нас нет никаких оснований не доверять свидетельствам Н. И. Пирогова, многие из которых уже давно получили документальное подтверждение. С приходом А. А. Писарева жизнь в Московском университете действительно изменилась до неузнаваемости, однако у нас есть все основания утверждать, что ни назначение А. А. Писарева, ни его деятельность на посту попечителя Московского учебного округа не стали "насмешкой над передовыми русскими учеными".

Весь жизненный путь А. А. Писарева был самым тесным образом связан с просвещением. Он родился в семье, где не понаслышке знали имена Вольтера, Дидро, Монтескье, Лейбница и других крупнейших европейских мыслителей, и еще до поступления в Сухопутный кадетский корпус получил под руководством отца и приглашенных иностранных учителей солидное гуманитарное образование.

Военную карьеру А. А. Писарев начал подпоручиком, в том же звании был переведен в лейб-гвардии Семеновский полк, где дослужился до генерала — генерала русской гвардии начала 19 века. В годы наполеоновских войн он принял

²⁹ Чазов Е. И. Истоки. — М., 1994. — С. 108.

³⁰ Пирогов Н. И. Собрание сочинений в восьми томах. — Т. VIII. — М., 1962. — С. 224—225.

участие во всех походах и крупных сражениях, "отличаясь замечательной храбростью". При этом военная служба никогда не являлась для него единственным делом жизни. А. А. Писарев был весьма плодовитым литератором, выступая в качестве поэта, переводчика, военного историка и писателя по вопросам искусства. И в этой своей ипостаси он пользовался заслуженным уважением и имел солидный вес в литературном мире Москвы и Петербурга. К его мнению и оценкам прислушивались И. А. Крылов, поэты-радищевцы, к числу которых, кстати, принадлежал и сам А. А. Писарев³¹. В 1804 году он был принят в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, в 1809 году его избирают в Российскую академию, в 1811 году — в состав элитарного литературного общества "Беседа любителей русского слова" и почетным членом Академии наук и Академии художеств. Отдельно заметим, что все эти звания А. А. Писарев получил еще до того, как стал генералом гвардии и героем войны 1812 года.

Что же касается деятельности А. А. Писарева на посту попечителя Московского учебного округа, то анализ выявленных нами архивных документов позволил установить, что, вопреки широко распространенному мнению, А. А. Писарев не только занимался установлением казарменных порядков, но и внес ряд существенных изменений в организацию и содержание учебного процесса в университете. Мы не беремся судить о том, какие последствия имели проведенные им преобразования для физико-математического, словесного или нравственно-политического факультетов. Но для медицинского, который, кстати говоря, стал главным объектом внимания А. А. Писарева, считавшего именно медицинский "самым важным" среди других факультетов университета, его инициативы сыграли существенную позитивную роль в деле совершенствования учебной программы подготовки врача в Московском университете.

³¹ Поэты-радищевцы. — М., 1935. — С. 617—619.

Остается только удивляться, как человек, никогда в прошлом не занимавшийся вопросами университетского медицинского образования, смог настолько точно определить слабые места в организации и содержании учебного процесса на факультете. Всего за несколько месяцев сориентировавшись в ситуации, он выделил для себя два основных направления, по которым запланировал провести срочные преобразования. Первое состояло в дальнейшем расширении объема практической подготовки, второе — в установлении строгой последовательности преподавания всех без исключения дисциплин медицинского факультета.

В рамках первого из названных направлений он счел для себя возможным действовать самостоятельно, без чьей-либо помощи, или, как он писал, "...сообразив опытную часть по себе самом"³². Уже 7 декабря 1825 года А. А. Писарев направил министру специальное донесение, в котором, во-первых, отметил целесообразность увеличения коечной мощности клинических институтов и университетских больниц, также использовавшихся для целей обучения студентов, а во-вторых, поставил вопрос о значительном продлении стажировки в больнице, которую выпускники проходили после окончания полного курса факультетских наук и сдачи итоговых экзаменов, в том числе и лекарского. В качестве важнейшего средства обеспечения этого замысла он предложил "...выстроить дом при Московской Главной Военной Госпитали для помещения молодых врачей, которые выдержали испытание на врачебные степени, должны заниматься практическими упражнениями в оной Госпитали до производства их в медицинские чины"³³.

16 апреля 1826 года А. А. Писарев завершил составление нового проекта университетского устава и направил его в Министерство. Отличительной особенностью этого проекта применительно к проблеме медицинского образования яв-

³² ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3086. — Л. 9.

³³ Там же. — Л. 32.

МИНИСТЕРСТВО

Господству Министру Народнаго Просвѣщенія.

Народнаго Просвѣщенія.

ДЕПАРТАМЕНТЪ

Народнаго Просвѣщенія.

Секретарскій
~~Департаментъ~~

Столъ

Со прошлыми
годами Универси-
тетскій Уставъ
въ Москвѣ.

16 Января 1826.

№ 2265.

Отъ Попечителя

Московского учебнаго

Округа.

Ваша во всемъ откровенная и
дружелюбная по Университету
Московскому, 2 октября
напечатанъ главный проектъ
Университетскаго Устава,
соображенъ какъ опытный
господь по себѣ самовъ, такъ
и секретическую по другимъ
уставамъ. Главными побуж-
деніями къ тому было тре-
бованіе желаній о селъ пред-
меты отъ самовъ Универ-
ситетовъ, имени которыхъ,
кордистуловъ обильныхъ само-
управленіемъ, неостороженно
сознаются въ многогранни-
кель своихъ замѣчаний, от-
вѣчающая отъ единствен-
ной ихъ цѣли въ селъ ко-
вола предковъ илюфены
всѣ части управленія и
обученія кратко и ясно,
основываясь бы особенно
обратить Ваше вниманіе
на образъ управленія уни-
верситетскаго и управленія
не фановановъ по Университе-
таль.

лялось огромное число различных предложений, направленных на совершенствование практической подготовки будущих врачей. В частности, вновь повторив свою идею о строительстве дома при Московском военном госпитале и продлении стажировки выпускников у постелей больных, А. А. Писарев предлагал: существенно расширить курс секционных занятий в Анатомическом театре "для точнейшего познания тела человеческого, и для приобретения лучшего навыка к деланию операций, и к освидетельствованию трупов"; включить в преподавание фармацевтических дисциплин "практические упражнения в Аптекарском искусстве"; выделить "Окулистику" в самостоятельный профессорский курс; ввести в учебную программу подготовки врача "преподавание Ортопедии, или показать некоторые приемы Костоправной науки"; включить в устав требование обучать студентов медицинских факультетов навыкам "кровопускания", "вырывания и лечения зубов", "прививания предохранительной оспы"³⁴. Забегая несколько вперед, отметим, что почти все из высказанных А. А. Писаревым в апреле 1826 года предложений впоследствии были реализованы и включены в учебный план медицинского факультета Московского университета.

Что же касается установления строгой последовательности преподавания дисциплин медицинского факультета, то здесь А. А. Писарев не видел возможности действовать самостоятельно. Он четко представлял себе цель, но для ее достижения нуждался в помощи специалистов. Однако, как свидетельствуют архивные документы, профессора оказались не готовы к тому, чтобы оказать ее. Когда 16 декабря 1825 года А. А. Писарев обратился к Совету Московского университета с запросом о том, "могут ли Студенты слушать вдруг все лекции, как ныне то делается, или между предметами должно назначить и определить постепенность", и предложил одновременно продумать возможность

³⁴ Там же. — Л. 31 об. — 32.

того, чтобы "...каждый профессор оканчивал предмет свой в один год, ибо студенты меняются ежегодно", какого-либо ответа он не получил³⁵. Также по существу ничем закончилось и повторное обращение попечителя к профессорам университета от 5 мая 1826 года. Правда, на этот раз профессора сообразовали отреагировать, прислав 24 мая в качестве ответа историческую справку, "заключавшуюся... в Хронологическом означении, в которое время когда что вводилось в обучение в университете"³⁶.

А. А. Писарев негодовал, и у него были все основания рассматривать действия профессоров как откровенный саботаж. Но молчание и отписки профессоров медицинского факультета не были результатом саботажа. Документы, представленные ими в конце июля — начале августа 1826 года в ответ на третье, уже гневное, обращение к ним попечителя, свидетельствуют, что профессора попросту не могли ответить на поставленные А. А. Писаревым вопросы. В частности, в этих документах говорилось, что, во-первых, они "находят затруднение в оканчивании относящихся к ним курсов наук в один год"³⁷, а во-вторых, что "совершенную постепенность в медицинских лекциях соблюсти невозможно", и сообщали попечителю о своем решении "придерживаться впредь" того порядка преподавания на факультете, которого они "придерживались ранее", а именно: "...а) по медицинской части: 1-е Натуральная история, 2-е Математико-Физика, 3-е Химия, 4-е Фармация, 5-е Анатомия, 6-е Физиология, 7-е Патология и Терапия, 8-е Фармакология и Рецепттура, 9-е Хирургия общая, 10-е Клиника, 11-е Частная хирургия и Хирургическая Клиника, 12-е Глазные болезни, 13-е Повивальное искусство с женскими и детскими болезнями, 14-е Судебная Медицина и Медицинская полиция, 15-е История медицины. б) по ветери-

³⁵ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1625. — Л. 88 об. — 89 об.

³⁶ Там же. — Л. 88 об.

³⁷ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 249. — Д. 14. — Л. 332.

нарной части: 1-е Зоотомия и Физиология домашних животных; 2-е Диететика, 3-е Экстерьер, 4-е Общая Патология и Фармакология, 5-е Частная Патология и Терапия и 6-е Хирургия"³⁸. В целом такой порядок преподавания дисциплин медицинского факультета вполне соответствовал требованиям времени, и у профессоров было моральное право на нем настаивать. А. А. Писарев и не спорил с ними, а лишь констатировал, что этот порядок не соблюдается. В условиях отсутствия четкого распределения предметов по годам обучения и двухлетней продолжительности преподавания курсов это было просто невозможно, и подавляющее большинство дисциплин, которые профессора медицинского факультета справедливо расположили на бумаге последовательно, читалось студентам одновременно.

Совет университета поддержал позицию профессоров медицинского факультета, и А. А. Писареву ничего не оставалось делать, как временно смириться с уже сложившимся в университете порядком преподавания: профессора искусно выиграли время и довели обсуждение поставленных попечителем вопросов до начала следующего учебного года, когда надо было отдавать в печать новые "Объявления о публичных учениях..." и что-либо менять было уже поздно.

Однако инициативы А. А. Писарева не пропали даром. Среди профессоров медицинского факультета Московского университета далеко не все были неспособны дать ответ на поставленные попечителем вопросы, далеко не все полагали, что "совершенную постепенность в медицинских лекциях соблюсти невозможно". И для тех, кто видел недостатки в действовавшей системе организации учебного процесса и мог предложить конструктивную программу преобразований, настойчивые обращения и требования попечителя стали идеальным поводом для того, чтобы высказать свои идеи.

Первым о своей несогласии с позицией большинства профессоров факультета заявил Ю. Х. Лодер, представив-

³⁸ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1625. — Л. 90 об.

ший в январе 1826 года развернутый "Учебный план для Медицинского факультета в Московском университете", лишенный тех недостатков, которые имелись при действовавшей на факультете системе организации учебного процесса. К сожалению, все предпринятые нами попытки обнаружить этот документ не привели к успеху. Однако, если судить по целому ряду других архивных материалов, содержащих ссылки на этот "Учебный план"³⁹, добиться строгой последовательности преподавания учебных дисциплин медицинского факультета Ю. Х. Лодер предлагал путем внедрения качественно новой курсовой системы организации учебного процесса. Конкретно предложения Ю. Х. Лодера сводились к необходимости, во-первых, установить строго определенный набор учебных дисциплин для каждого года обучения, а во-вторых, изменить порядок преподавания профессорских курсов, продолжительность которых превышала один учебный год. При действовавшей на факультете цикловой системе организации учебного процесса двухлетние профессорские курсы читались таким образом, что на протяжении каждого из двух лет лекции по данной дисциплине могли слушать студенты только какого-то одного определенного года обучения. Ю. Х. Лодер же предложил ввести фактически современный порядок преподавания двухлетних курсов, при котором на протяжении каждого учебного года читались бы как первая (для студентов более раннего срока обучения), так и вторая (для студентов следующего года обучения) части курса. Такая мера позволяла добиться строго определенного набора учебных дисциплин для каждого учебного года без ограничения продолжительности преподавания профессорских курсов одним годом.

* *
*

³⁹ См., например: ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 75.

Юст Христиан фон Лодер
(1753—1832)

Имя Юста Христиана фон Лодера не относится к числу забытых отечественными историками медицины. Упоминания о Ю. Х. Лодере как о выдающемся анатоме и хирурге можно встретить во многих публикациях, посвященных как истории анатомии и хирургии, так и истории медицинского факультета Московского университета. Но Ю. Х. Лодер был не только незаурядным естествоиспытателем, блистательным клиницистом, талантливым педагогом, учениками которого являлись К. В. Гуфеланд, братья Вильгельм и Александр Гумбольдты,

И. В. Гете⁴⁰, но и выдающимся организатором. А вот на эту грань его таланта в отечественной историко-медицинской литературе должного внимания не обращено.

Вместе с тем Ю. Х. Лодер относился к числу университетских профессоров, деятельность которых определила успешное становление клинического преподавания в Германии. Он получил прекрасную подготовку у крупнейших клиницистов своего времени и в совершенстве знал принципы, на которых должны строиться как преподавание отдельных врачебных наук, так и учебный план медицинского факультета университета в целом. Практическую (внутреннюю) медицину Ю. Х. Лодер изучал у создателя университетской клиники в Геттингене, прямого последователя зна-

⁴⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Т. I. — М., 1855. — С. 147.

менитого Й. Юнкера — профессора Э. Бальдингера, повивальное искусство — у своего тестя — создателя первой в Европе акушерской университетской клиники профессора И. Г. Редерера, хирургию — у отца своей второй жены, автора классического семитомного руководства по хирургии и организатора хирургической клиники в Геттингене профессора А. Г. Рихтера⁴¹. Полностью овладев идеологией и методологическими приемами проведения занятий у постелей больных, Ю. Х. Лодер сам стал основателем университетских клиник в Иене (совместно с К. В. Гуфеландом) и Галле. Причем в Галле Ю. Х. Лодер одним из первых в Европе создал университетскую клинику, состоявшую из трех отделений: терапевтического на 18 коек, хирургического на 8 и акушерского на 8⁴².

Для Ю. Х. Лодера организационная деятельность была даже более предпочтительной, нежели педагогическая. Перебравшись в Россию после оккупации Галле войсками Наполеона и получив место лейб-медика Александра I, Ю. Х. Лодер отклонил сразу несколько предложений занять кафедры в Дерпте и Петербурге, но в то же время, как следует из его писем к Л. Якобу, предпринял попытку получить оказавшуюся вакантной после смерти М. Н. Муравьева должность попечителя Московского учебного округа⁴³. И хотя тогда, в 1807 году, возможно, из-за придворных и министерских интриг, а возможно, вследствие незнания русского языка Ю. Х. Лодер не стал попечителем, организационная работа, что называется, все равно его нашла. В тяжелые для России дни, когда Наполеон подходил к Москве,

⁴¹ Müller-Dietz H., Müller-Dietz W. Die Familie des Anatomen Justus Christian von Loder 1753—1832//Vierteljahrsschrift F. Heraldik. — 1988. — № 6. — S. 141—162.

⁴² Kaiser W. Justus Christian Loder (1753—1832)//Zahn, Mund und Kieferheilk. — 1975. — № 63. — S. 271—281.

⁴³ Hanclever A. Ungedruckte Briefe Justus Christian Loders an den Nationalökonom Ludvig Heinrich Jacob aus den Jahren 1810—1813//Archiv Geschichte Medizin. — 1918. — № 11. — S. 300—314.

Ю. Х. Лодер на личные сбережения создал невиданный по своим масштабам тридцатитысячный эвакогоспиталь для раненых и больных и возглавил его работу. Когда же война кончилась и полностью разоренный врач обратился к власти имущим с просьбой выкупить у него анатомическую коллекцию, на собрание которой он потратил 50 лет жизни и которая в то время была одной из крупнейших в Европе, ничего, кроме явных или скрытых обвинений в корыстолюбии, он не добился. Только в 1818 году, задействовав свои масонские связи, он смог заручиться поддержкой тогдашнего попечителя Московского учебного округа князя А. П. Оболенского, который, в свою очередь воспользовавшись расположением министра народного просвещения А. Н. Голицына, смог убедить государя в необходимости срочной покупки для университета этого бесценного собрания. И как только в 1819 году вопрос о покупке коллекции был окончательно решен⁴⁴, Ю. Х. Лодер еще раз продемонстрировал свое искреннее желание быть полезным России и предложил безвозмездно взять на себя преподавание анатомии в Московском университете. Остается только гадать, какие силы удержали Ю. Х. Лодера в России, как интриги всемогущего лейб-хирурга баронета Я. Виллие и высокопоставленных петербургских чиновников не заставили его уехать обратно в Германию, куда, кстати, его неоднократно и настойчиво звали и где он все это время продолжал оставаться лейб-медиком прусского короля. Возможно, от решительного шага Ю. Х. Лодера удержала его доходная частная практика, возможно — его непомерное тщеславие, получавшее постоянную подпитку благодаря почитанию европейских знаменитостей в России. Однако нельзя исключить, что Ю. Х. Лодер остался в России и потому, что именно в этой стране, только начинавшей формировать свою национальную систему университетского медицин-

⁴⁴ Salaks J. J. Ch. von Loders Krankenanstalten in Russland: Inaugural Diss. — Berlin, 1991.

ского образования, его внутренняя потребность к созиданию могла найти наибольшее применение.

В Московском университете Ю. Х. Лодер не получил ни профессорской должности, ни ординарного профессорского звания, а числился и именовался почетным членом университета, подчинявшимся непосредственно попечителю учебного округа. И в этих условиях, когда ни Правление университета, ни ректор, ни Совет не могли не только поручить, но даже обратиться с просьбой к Ю. Х. Лодеру о какой-либо дополнительной (кроме чтения лекций и проведения занятий по анатомии) нагрузке, он спустя всего несколько месяцев после прихода в университет разработал проект и возглавил строительство нового современного анатомического театра, открывшегося уже в 1820 году. О качестве созданного Ю. Х. Лодером анатомического театра говорит хотя бы тот факт, что все профессора медицинского факультета стремились добиться разрешения на чтение своих лекций в его амфитеатре⁴⁵.

Но как и в Галле, где Ю. Х. Лодер также читал только курс анатомии, его реформаторская деятельность не ограничилась рамками порученной ему для преподавания дисциплины. Правда, первое время, с одной стороны, не обладая теми полномочиями, какими он был наделен в Галле, а с другой — оказавшись сильно загруженным реставрацией своей коллекции, он не стал предпринимать каких-либо активных действий. Но как только представилась первая же возможность, Ю. Х. Лодер без промедления включился в работу по совершенствованию организации учебного процесса на медицинском факультете Московского университета.

* *
*

⁴⁵ Пирогов Н. И. Цит.соч. — С. 225.

Внедрение в учебный процесс на медицинском факультете Московского университета лодеровского "плана" 1826 года позволяло решить все проблемы, волновавшие попечителя, однако каких-либо конкретных шагов в этом направлении не последовало. А. А. Писарев лишь исправно переслал "план" в министерство. Для него высказанных Ю. Х. Лодером идей и предложений было, судя по всему, и много, и мало. Много потому, что лодеровский "план" содержал конструктивную программу действий, позволявших преодолеть имевшиеся и очевидные для А. А. Писарева серьезные недостатки в организации учебного процесса на факультете, а мало потому, что для его внедрения требовалось одобрение Совета университета. Согласно действовавшему уставу, попечитель не имел права единолично принимать какие бы то ни было решения по вопросам, касавшимся организации и содержания учебного процесса в университете, в силу того что они относились исключительно к компетенции Совета. Совет же Московского университета, как уже отмечалось, полностью поддержал позицию большинства профессоров медицинского факультета, заявивших, что они будут "придерживаться впредь" того порядка преподавания на факультете, которого "придерживались ранее", и А. А. Писарев был вынужден временно отступить.

Что же касается Ю. Х. Лодера, то он отступать и сдаваться, по-видимому, просто не умел и, когда его идеи и замыслы встречали непонимание или даже неприятие, начинал действовать особенно целеустремленно. Уже в июле 1826 года он решил вновь поднять, казалось бы, уже закрытый вопрос о необходимости реорганизации учебного процесса на медицинском факультете Московского университета. Но понимая, что его предложения в целом вряд ли будут приняты, заставил профессоров и попечителя обсуждать их применительно к порядку преподавания лишь одного-единственного курса — анатомии, физиологии и судебной медицины. "Опытом прошедших годов, — писал Ю. Х. Ло-

дер А. А. Писареву 13 июля 1826 года, — узнал я неудобность расположения анатомического курса по введенному при здешнем Университете плану, где оный продолжается целый год, т. е. с Сентября по Июнь. Трупы годные для лекций и анатомических исследований доставляются в анатомию в начале зимы, т. е. с Октября по Январь, а небольшое число привозимых после... никак не могут быть сохраняемы даже несколько дней и портятся так, что объясняемые части с трудностью распознаются, получают неприятный вид и делаются вредными для здоровья.

По заведенному же порядку приходится именно в сказанное время читать о тех частях, которые требуют самых продолжительных работ над свежими трупами, как то: о кровеносных сосудах и нервах...

По сим и другим причинам я нахожу нужным принять план, которому следовал я в Германии в течение 30 лет с наилучшим успехом, т. е. читать ежедневно по два часа, начиная курс в первых числах Сентября и продолжая по конец Января. По сему плану число учебных часов вообще против нынешнего нимало не уменьшается, но как учащимся было затруднительно следовать наставлению по сим предметам в продолжение двух часов кряду, то лучше назначить часы от 9 до 10 и опять от 11 до 12 часов, которые сверх того суть самые светлые. Посему не угодно ли будет Вашему Превосходительству сделать нужное распоряжение, чтобы ГГ. Профессоры медицинского факультета предоставили сии часы студентам для анатомии; по окончании же анатомического курса, т. е. начало Февраля и по Июнь, может в те же часы преподаваема быть Физиология, для сего не только будет достаточно времени, но план сей будет полезен, потому, что учащиеся медицине не могут с пользою слушать Физиологию, не слушав прежде Анатомии. Преподавать же Физиологию вместе с Судебной Медициною, — как то делается уже несколько лет при здешнем Университете, невзирая на повторные мои о неудобстве сего замечания — не только совершенно противно правилам учения

медицины, но такое расположение вреда учащимся не служит ни пользе Отечества, ни к чести Университета"⁴⁶.

Ю. Х. Лодер, явно не желая впустую тратить силы и время на борьбу с "ветряными мельницами", начал действовать по принципу — "разделяй и властвуй". Однако он вновь потерпел поражение. И хотя А. А. Писарев немедленно ухватился за предоставившуюся возможность снова вернуться к обсуждению столь принципиального для него вопроса и уже 21 июля 1826 года предписал Совету тщательно ознакомиться с предложениями Ю. Х. Лодера и запросить мнение Совета медицинского факультета, профессора одобрили инициативы Ю. Х. Лодера лишь частично.

Совет факультета согласился лишь "предоставить 10-й и 12-й час ежедневно для преподавания Анатомии" и "только студентам 1-го и 2-го года, ибо 3-х и 4-х годовичные студенты в сие время слушают практические медицинские лекции, как то Клинику и Хирургию". Что же касается поставленного Ю. Х. Лодером вопроса о порядке преподавания физиологии и судебной медицины, то профессора не только не сочли нужным что-либо менять, но, напротив, заявили, что "...выражение Лодера... Совет почитает оскорбительным и противоречащим Университетскому Уставу, которым Анатомия, Физиология и Судебная Медицина предоставлены вместе одному профессору"⁴⁷.

Однако, несмотря на поражение, усилия Ю. Х. Лодера на этот раз не пропали даром. И дело здесь не только в том, что ему удалось добиться улучшения порядка преподавания своей дисциплины, — Ю. Х. Лодер смог пробить небольшую брешь в рядах противников. 30 июля 1826 года свое несогласие с позицией Совета факультета в отношении действующего порядка преподавания медицинских наук высказал М. Я. Мудров, публично заявивший, что "обозрение последовательности преподавания врачебных наук",

⁴⁶ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3133. — Л. 8—9 об.

⁴⁷ Там же. — Л. 14.

направленное факультетом А. А. Писареву в ответ на уже упоминавшиеся запросы попечителя, готовилось без его участия, "с его мнением несогласно", и что он приступил к "составлению особого обозрения"⁴⁸. У Ю. Х. Лодера появился союзник, причем союзник, весьма авторитетный в среде московской профессуры. И надо полагать, что именно к этому времени относится возникновение упоминаемой М. П. Третьяковым знаменитой "лодеро-мудровской партии"⁴⁹.

Однако установившийся баланс сил, который уже в 1826 году вполне мог определить введение новой курсовой системы организации учебного процесса, предусматривающей строгое распределение всех предметов преподавания по годам обучения, продержался недолго. Получив одного союзника, за которым стояла как минимум половина профессоров факультета, Ю. Х. Лодер практически одновременно потерял другого — и гораздо более могущественного. Уже осенью 1826 года произошла резкая перемена во взаимоотношениях Ю. Х. Лодера и А. А. Писарева. То ли А. А. Писарев пришел к убеждению, что сотрудничество с Ю. Х. Лодером грозит ему постоянными конфликтами с университетской профессурой, то ли ему надоело постоянное несогласие Совета со всеми его предложениями и инициативами и он решил в назидание расправиться с наиболее крупными фигурами факультета, то ли он испугался складывавшегося альянса Ю. Х. Лодера и М. Я. Мудрова, что, в принципе, могло для него обернуться полной потерей контроля над медицинским факультетом, но в октябре — ноябре А. А. Писарев развернул активную кампанию, преследовавшую цель ограничить влияние и возможности именно этих двух фигур.

⁴⁸ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1625. — Л. 109 об.

⁴⁹ Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова (1799—1830)//Русская старина. — 1892. — Кн. VIII. — С. 344.

Его интрига не отличалась особыми изысками, но жизнь Ю. Х. Лодеру и М. Я. Мудрову испортила основательно. А. А. Писарев, что называется, подставил под каждого из них своих, абсолютно управляемых и полностью зависимых от него людей, которые должны были исполнять только "попечительские" приказы независимо от того, что от них требовали Ю. Х. Лодер или М. Я. Мудров. Под М. Я. Мудрова он "подставил" преданного и уже успевшего прославиться в университете как мелкий интриган и подхалим И. К. Тихоновича. Вначале А. А. Писарев добился для него в Министерстве в обход Совета университета звания адъютанта, а затем назначил И. К. Тихоновича помощником директора Медицинского института, которым М. Я. Мудров руководил с момента его основания. М. Я. Мудров возмутился, протестовал, но, даже заручившись поддержкой Совета университета, сделать ничего не смог и в 1828 году, измученный постоянными склоками с И. К. Тихоновичем, подал в отставку с поста директора Медицинского института⁵⁰. Рядом с Ю. Х. Лодером благодаря стараниям попечителя возникла фигура только что окончившего медицинский факультет лекаря Смельского, "рекомендованного попечителем (с согласия Правления университета. — *Авт.*) для усовершенствования в Анатомии для приуготовления к прозекторской должности"⁵¹, которую с 1820 года занимал друг и соратник Ю. Х. Лодера опытный морфолог К. Гумбург. А для того, чтобы развеять у Ю. Х. Лодера всякие сомнения в серьезности своих намерений, А. А. Писарев руками членов Правления университета отобрал у Ю. Х. Лодера комнату в анатомическом театре, часть квартиры прозектора К. Гумбурга и передал их в пользование Смельскому⁵².

⁵⁰ Чазов Е. И. Истоки. — М., 1994. — С. 96, 108—112.

⁵¹ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3165. — Л. 2.

⁵² Там же. — Л. 1—54.

Забегая несколько вперед, отметим, что в отношении Ю. Х. Лодера интрига А. А. Писарева провалилась. Ю. Х. Лодер не допустил того, чтобы плохо знавший анатомию Смельский стал прозектором Московского университета. Однако необходимость тратить нервы и силы на противостояние Правлению и попечителю в сочетании с тем обстоятельством, что А. А. Писарев из основного союзника превратился в главную противодействующую силу, заставила Ю. Х. Лодера на время отвлечься от поиска путей решения проблемы реорганизации учебного процесса на медицинском факультете Московского университета. Но только лишь отвлечься — Ю. Х. Лодер ничего не забыл, ни с чем не смирился и ничего не простил.

Когда в сентябре 1827 года после личного вмешательства императора в Московском университете был получен приказ министра народного просвещения А. С. Шишкова оставить Ю. Х. Лодера в покое, запретить другим профессорам пользоваться аудиторией анатомического театра, вернуть в распоряжение Ю. Х. Лодера все отобранные у него помещения⁵³, Ю. Х. Лодер уже в качестве победителя обратился к министру с просьбой разрешить ему присутствовать в заседаниях Совета факультета и принимать экзамены по анатомии и физиологии⁵⁴. В декабре 1827 года министр такое разрешение дал⁵⁵, а весной 1828 года на медицинском факультете Московского университета был практически полностью сорван выпуск врачей: подавляющее большинство студентов, подавших прошение о приеме у них лекарского экзамена, с успехом выдержав "испытания" по всем дисциплинам, составлявшим программу подготовки врача, получили неудовлетворительные оценки "по Анатомии и Физиологии"⁵⁶.

⁵³ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 1. — Д. 3165. — Л. 55—55 об.

⁵⁴ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2361. — Л. 14.

⁵⁵ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 1 об.

⁵⁶ Там же. — Л. 81 об.

Ю. Х. Лодер ударил наотмашь. Он был слишком стар, чтобы опасаться последствий, и слишком оскорблен действиями руководителей и профессоров университета, чтобы кого-то жалеть. Демарш Ю. Х. Лодера поставил А. А. Писарева как чиновника, непосредственно отвечавшего перед министерством за работу университета и всех его факультетов, включая и медицинский, главной задачей которого уже стала подготовка лекарей, в крайне непростое положение. Больше половины тех, кто в 1828 году должны были окончить медицинский факультет Московского университета и получить одновременно со званием лекаря право на самостоятельную врачебную практику, относились к казенно-коштным студентам, и на них уже была сделана ставка остро нуждавшейся в кадрах медицинской службой страны. И не требовалось особой интуиции для того, чтобы предугадать реакцию на случившееся министра народного просвещения, которому в свою очередь предстояло оправдываться перед Кабинетом министров и выслушивать недовольство его коллеги из Министерства внутренних дел.

Сорванный выпуск крайне необходимых государству специалистов при любых обстоятельствах для любого попечителя мог обернуться большими неприятностями, у А. А. Писарева же были все основания ожидать отставки. Всего за месяц до описываемых событий из Министерства народного просвещения ушел его покровитель, прежний министр — адмирал А. С. Шишков, а его преемник князь К. А. Ливен только приступил к формированию своей новой команды, так что А. А. Писарев и без этого неприятного инцидента не мог полностью исключить возможность отнюдь не радужных перемен в своей карьере. В случае же, если К. А. Ливен предполагал убрать А. А. Писарева из министерства, после случившегося в Московском университете ему для этого не надо было даже искать особого предложения.

А. А. Писарев был вне себя и немедленно потребовал от ректора и Совета университета объяснений. Но, как оказалось, для профессоров Московского университета результа-

ты весенней сессии 1828 года были ничуть не менее неожиданными. Совет Московского университета не мог осмыслить происшедшего, не мог понять, "...каким образом упомянутые студенты, не зная Анатомии и Физиологии, могли выучиться с очень хорошими успехами тем медицинским наукам, для которых основательные познания Анатомии и Физиологии необходимы?"⁵⁷.

Напряжение стремительно нарастало. А. А. Писарев, перестав задавать Совету риторические вопросы, начал требовать срочных действий по аттестации и выпуску из университета не сдавших экзамена по анатомии и физиологии. И чтобы не быть голословными, приведем текст его короткого письма к ректору университета, которое как нельзя лучше демонстрирует накал бушевавших тогда страстей: "Благоволите предписать Врачебному отделению, чтобы оно немедленно сделало свое распоряжение и тем студентам Московского университета, которые неодобренны... из Анатомии. Я покорнейше прошу Ваше Высочорodie кончить дело еще до отъезда Вашего, дабы можно было представить его светлости Г. Министру полный отчет по Вашему Университету за прошлый академический год. При разрешении означенного обстоятельства следует иметь в виду крайнюю нужду во врачах, изложенную в Высочайшем Указе от 29 Декабря и 58 § Высочайше утвержденного Устава Императорского Московского Университета"⁵⁸.

Это был крик отчаяния до предела раздраженного и одновременно беспомощного человека. И дело здесь не столько в тоне, сколько в содержании письма. "Совет" профессорам воспользоваться параграфом 58 "Устава" 1804 года означал не что иное, как требование решить вопрос о присвоении лекарских званий студентам, не сдавшим экзамена по анатомии, путем... простого голосования. Мы не беремся судить о том, знала ли история университетского меди-

⁵⁷ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 82.

⁵⁸ Там же.

цинского образования до 1828 года подобный способ аттестации выпускников университетов, но тогда на медицинском факультете Московского университета такое голосование состоялось. К счастью, невзирая ни на что, здравый смысл восторжествовал, и восьмью голосами (Лебедев, Эйнбордт, Терновский, Эвениус, Ромодановский, Бунге, Котельницкий, Мудров) против трех (Рясковский, Тихонович, Веселовский) в присвоении лекарских званий не прошедшим "испытания из анатомии" было отказано⁵⁹.

Постепенно, но неуклонно приближался крупный скандал с совершенно непредсказуемым ни для руководителей, ни для профессоров университета финалом. Однако, как показали дальнейшие события, сорванный выпуск лекарей и связанные с этим эмоции были лишь прологом к главному действию. В тот момент, когда напряжение почти достигло апогея, А. А. Писарев получил письмо следующего содержания:

"Милостивый Государь Александр Александрович!

...Причина, по которой столь многие слушатели мало или даже ничего не знают ("Из Анатомии". — *Авт.*), заключается частью в неспособности студентов и в недостаточности их приготовления для Университетского учения; почему их вовсе не должно бы было принимать или отсеять прежде в Гимназии, частью же сия причина заключается в лености сих слушателей, *всего же более сие зависит от ошибочного распределения преподаваемых наук и несообразного с правилом науки и логики* (курсив наш. — *Авт.*). Студентов Врачебного Отделения не только что заставляют вдруг слушать слишком большое число Лекций так, что им не остается времени для уразумения и повторения слышанного; но они должны также слушать в одно и то же время Теоретические и Практические Лекции, и начинающим предписываются такие, которые необходимо должны быть почитаемы окончания Врачебного учения. О всем касающемся до

⁵⁹ Там же. — Л. 82 об.

сего предмета, я по собственному желанию Вашего Превосходительства Вас уведомлял подробно еще в Январе 1826-го года, и теперь тем охотнее сие повторяю, что не принадлежу, как Вам известно, к составу Университета и посему не имею причины истину скрывать. Какие пагубные последствия из сего произойти могут для службы Его Императорского Величества и Отечества, равно и для самой науки сие не требует дальнейших доказательств.

15 Май 1828 года. Христиан Лодер⁶⁰.

Письмо Ю. Х. Лодера еще более усложнило и без того непростое положение, в котором находился А. А. Писарев. Теперь вместо одной проблемы ему надо было решать две. Но Ю. Х. Лодер все рассчитал удивительно точно. А. А. Писарев не мог проигнорировать его письмо, представлявшее собой фактически единственный документ, объяснявший причины происшедшего. Попечитель отлично понимал, что в случае возможного скандала и последующего разбирательства письмо Ю. Х. Лодера обязательно выплывет наружу, и если при этом выяснится, что поставленные в нем вопросы даже не обсуждались, то его ждут серьезные неприятности. Правда, нельзя не отметить, что определенный риск в действиях Ю. Х. Лодера несомненно был. Теоретически отправленное им 15 мая письмо могло превратиться в бумеранг — предельно обозленный А. А. Писарев мог переложить всю ответственность за случившееся на Ю. Х. Лодера. Однако, во-первых, как уже говорилось, Ю. Х. Лодеру было нечего бояться, а во-вторых, у него были все основания считать, что А. А. Писарев не забыл преподаваемого ему осенью 1827 года "урока". Личная благодарность императора Николая I за согласие Ю. Х. Лодера продолжить работу в Московском университете⁶¹ делала его практически неприкосновенным.

А. А. Писарев оказался загнанным в угол и вновь, пусть

⁶⁰ Там же. — Л. 75 об. — 76.

⁶¹ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2361. — Л. 9.

невольно, встал на сторону Ю. Х. Лодера. Уже 18 мая 1828 года он направил "полученное... от Г. Лейб-Медика Лодера отношение..." в Совет Московского университета с требованием "обратить... внимание на все предметы, в отношении Г. Лодера Изъясненные"⁶². Совет в свою очередь препроводил требование попечителя вместе с письмом Ю. Х. Лодера на рассмотрение профессоров медицинского факультета, которым было предписано не только обсудить "замечания... сделанные Г. Лодером", но и высказать по ним "свое мнение"⁶³.

Однако, несмотря на остроту ситуации, ответ А. А. Писарев получил не скоро. Вначале профессора медицинского факультета вообще не торопились с обсуждением поставленных Ю. Х. Лодером проблем, затем, собравшись 16 июня 1828 года, постановили "суждение о всем том и положении по оному решительного определения отсрочить до других заседаний Факультета"⁶⁴. А. А. Писарев в это время не бездействовал. Он забрасывал ректора и Совет повторными требованиями о представлении ему мнения московских профессоров, но, как и в 1826 году, добиться ничего не мог.

Профессора медицинского факультета ответили лишь 21 июля 1828 года и в своем заключении, ссылаясь на конкретные документы, продемонстрировали полную беспочвенность замечаний и претензий Ю. Х. Лодера. "Рассмотрены были учиненные с делами справки, из коих оказалось, что: 1) Отделение Врачебных наук сделало еще в 1822 году распределение курса наук и положило правило записывания Студентов оного Факультета по классам, что... было представлено Совету Университета на благоусмотрение. На что оный Совет предложением своим от 6-го Ноября того же 1822 года №836 дал знать Отделению, что он не препятствует оному приводить по возможности в исполнение

⁶² ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 75.

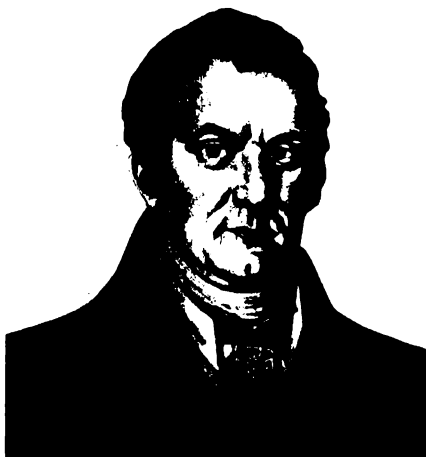
⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. — Л. 76 об.

представленное от него распределение курса наук для Медицинских Студентов. — Какое предложение Совета в Заседании Отделения Февраля 16-го дня 1823 года слушано и в журнале оно от того же числа №1 в статье 1-й записано с определением принять к исполнению. 2) Что с таким от Совета одобренным распределением курса соображаясь по возможности записывались Медицинские Студенты по классам от Правления Университета"⁶⁵. В заключение профессора приложили полный список студентов, слушавших в истекшем году анатомические лекции Ю. Х. Лодера, из которого со всей очевидностью следовало, что никто из них одновременно теоретических и практических врачебных наук не изучал.

Решение вопроса о введении курсовой системы организации учебного процесса вновь, как и в 1826 году, зашло в тупик. Однако схожесть развития событий вокруг обсуждения этой насущной для медицинского факультета проблемы в 1826 и 1828 годах была лишь внешней. Нам представляется, что и взятая изначально профессорами факультета в мае—июне пауза, и отложенное обсуждение, и постоянное использование в тексте их итогового заключения от 21 июля 1828 года словосочетания "по возможности" были не случайны. Судя по всему, все это время на факультете шла ожесточенная борьба мнений и взглядов, борьба представителей "лодеро-мудровской партии", лоббировавших идеи Ю. Х. Лодера, и последователей еще одного чрезвычайно влиятельного профессора медицинского факультета Е. О. Мухина. Из сказанного, правда, ни в коем случае не следует делать вывод о том, что Е. О. Мухин был ярким противником установления строгого порядка преподавания дисциплин на медицинском факультете. Более того, именно Е. О. Мухин первым из профессоров Московского университета еще в 1816 году поставил вопрос о необходимости разделения полного курса наук медицинского факультета

⁶⁵ Там же. — Л. 86.

Ефрем Осипович Мухин
(1766—1850)

на части, что позволило бы выделить преподавание практических дисциплин в самостоятельный заключительный этап подготовки врача, и предложил ввести переводные этапные экзамены⁶⁶. Однако он, по-видимому, полагал сделанное в 1816 и 1823 годах более чем достаточным и не считал нужным проводить какие бы то ни было дополнительные преобразования. При этом оценить перспективность и целесообразность предложений Ю. Х. Лодера он был не в состоянии. Во-первых, у Е. О. Мухина жизнь сложилась так, что он не имел воз-

можности, подобно М. Я. Мудрову, много путешествовать за границей и лично познакомиться с опытом передовых европейских университетских центров. Его знание вопросов, касавшихся принципов построения учебного процесса на медицинских факультетах университетов, сильно уступало лодеровскому. Во-вторых, Е. О. Мухину и его последователям очень мешали их же собственные русофильские убеждения. Начертав на своем знамени пушкинские строки:

*"Не верю чести игрока;
Не верю я французской дружбе,
Любви к России поляка
И немца бескорыстной службе!"⁶⁷*

⁶⁶ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 6а. — Л. 61—61 об.

⁶⁷ Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова//Русская старина. — 1892. — Кн. VIII. — С. 344.

они готовы были оппонировать Ю. Х. Лодеру только потому, что он был Лодер, вне зависимости от сути его идей и предложений.

Тогда, в июле 1828 года, "мухинская партия" одержала победу. Совет факультета постановил считать лодеровские замечания и претензии необоснованными. Но для полной и безоговорочной победы над Ю. Х. Лодером, М. Я. Мудровым и их сторонниками этого было еще недостаточно. Для того чтобы полностью закрыть вновь возникший вопрос о необходимости реорганизации учебного процесса, надо было найти другое объяснение неудовлетворительному знанию студентами анатомии. И Е. О. Мухин такое объяснение нашел. 1 августа 1828 года он направил в Совет университета обстоятельное письмо, в котором указал, что причиной неудовлетворительных оценок на экзамене стало плохое преподавание Ю. Х. Лодером анатомии⁶⁸. Потом, уже в конце 1828 года, когда все проблемы будут успешно разрешены, А. А. Писарев спросит ректора Московского университета И. А. Двигубского, "...не по поводу ли мнения Лодера, поданного 15 мая и ныне в Совете рассмотренного, подано мнение Мухина", и И. А. Двигубский будет вынужден признать, что "Мухин... подал свое мнение именно по поводу поданного мнения Лодера"⁶⁹.

Но это произойдет позднее, а пока, в июле 1828 года, А. А. Писареву надо было принимать решение и занимать в возникшем вокруг замечаний и предложений Ю. Х. Лодера споре определенную позицию. И А. А. Писарев поддержал Ю. Х. Лодера. Во-первых, он не дал хода наверх мухинскому письму, а во-вторых, деканом на предстоявший 1828/29 учебный год стал единомышленник Ю. Х. Лодера М. Я. Мудров. Конечно, формально декан был избран профессорами, но без предварительного согласования кандидатуры с попечителем решить этот вопрос было вряд ли возможно.

⁶⁸ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3654. — Л. 6—9.

⁶⁹ Там же. — Л. 34—34 об.

По уставу избранная Советом кандидатура декана должна была в обязательном порядке утверждаться министром, а представление в министерство составлял и направлял попечитель.

Избрание М. Я. Мудрова деканом резко изменило баланс сил на факультете, и решение вопроса о введении нового порядка преподавания медицинских наук не заставило себя долго ждать. Уже 11 сентября 1828 года в книгу протоколов заседаний Совета медицинского факультета была сделана следующая запись: "...Мнением своим (факультет. — *Авт.*) полагает изменить прежнее распределение курса, а именно постановить неперменным правилом, чтобы все ГГ. Профессора и Адъюнкты оного факультета оканчивали курсы свои неперменно в год и те из них, которые преподают различные предметы, назначили бы для каждого предмета одни постоянные часы. Курс Анатомии оканчивать в первую половину Академического года. Распределить все преподающиеся в факультете предметы на четыре курса... Из студентов, выслушавших первый курс, допускать к слушанию второго только тех, которые по годичной аттестации от Профессоров и Адъюнктов того курса окажут во всех предметах успехи удовлетворительные, тех же, которые в некоторых предметах курса не окажут таковых успехов, оставлять и еще на один год в том же курсе; а которые из них и по прошествии сего курса окажутся слабыми, таковым дальнейшего учения в медицинском факультете не позволять, по крайней мере казеннокоштным. Таким образом поступать и при переводе из прочих курсов в другие. Для студентов первого курса назначить первые три части Анатомии на Российском языке, Анатомию на Латинском, Математико-Физику, Натуральную Историю, Химию. Для второго курса: Анатомию, Физиологию, практическое занятие рассечением трупов, Фармацию и Фармакологию, науки сочинять рецепты, о хирургических повязках, Анатомию и Физиологию сравнительную домашних животных; для третьего курса: Анатомию, Общую Патологию и Терапию,

Частную Патологию и Терапию, Хирургию, о Хирургических операциях, о Глазных болезнях, Ветеринарную науку. Для четвертого курса: Анатомию, Повторение Частной Патологии, Терапию и Клинику, Повторение Хирургии и Клинику Хирургическую, Акушерство с Детскими болезнями, Судебную Медицину и Медицинскую Полицию, о Женских болезнях, Историю Медицины. Студентов 1-го и 2-го курсов непременно записывать в класс Анатомии; что же касается Студентов 3-го и 4-го курса, то слушание лекций Анатомии предоставить их собственной воле. Поелику трудно практические предметы оканчивать... к Маю месяцу, то и производить окончательный Лекарский экзамен в Июне"⁷⁰.

С этого времени, т. е. с сентября 1828 года, на медицинском факультете Московского университета начала действовать новая курсовая система организации учебного процесса, предусматривавшая строгое распределение всех предметов по годам обучения. В течение первых четырех учебных лет она существовала в виде эксперимента, а после того, как правота Ю. Х. Лодера была подтверждена опытом, начиная с 1832/33 учебного года Московский университет публично объявил об этом нововведении⁷¹.

* *
*

25 апреля 1828 года 74-летний А. С. Шишков был уволен с должности министра народного просвещения "по преклонности лет и по разстроенному здоровью". Новый министр князь К. А. Ливен вскоре после назначения дал указ

⁷⁰ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 114 об.—115 об.

⁷¹ Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Подготовка "Общего Устава Императорских Российских университетов" 1835 года и его введение на медицинском факультете Московского университета// Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1998. — Т. IX. — С. 138—139.

Карл Андреевич Ливен (1767—1844) —
министр народного просвещения
(1825—1833)

зание членам Комитета устройства учебных заведений возобновить начатую еще в 1825—1826 годах работу над составлением нового общеуниверситетского устава. Если верить сохранившимся документам, К. А. Ливен лично взялся за ревизию подготовленных под руководством его предшественника материалов и на их основе собственноручно составил проект устава, который затем планировал дорабатывать совместно с членами Комитета.

К. А. Ливену было что анализировать и было из чего выбирать. Полный список избранных министром "дел" выглядел более чем внушительно:

1) Проекты устава и штаты С.-Петербургского Университета, составленные по поручению Министерства Народного Просвещения, в 1823 году, Действительным Статским Советником Балугиянским, с объяснениями.

2) Проекты устава и штата Харьковского Университета, составленные Советом сего Университета, в 1825 году, с примечаниями и приложением особых мнений некоторых Профессоров.

3) Замечания Совета Московского Университета на существующий ныне устав сего заведения и проект нового Штата, составленные в 1825 году, с приложением особых мнений некоторых Профессоров.

4) Проект устава Московского Университета, составленный Попечителем онаго в 1826 году, или лучше сказать, со-

брание мнений его о разных предметах, относящихся к устройству Университета, и проект изложения некоторых статей устава, с приложением двух мнений Лейб-Медика Лодера: а) Учебный план для Медицинского Факультета в Московском университете, 1826 года, и б) *Ebauche d'un plan pour l'organisation de l'Universite de Dorpat*, 1818 года.

5) Обзорение постепенности преподавания наук в Медицинском Факультете Московского Университета, с показанием, что наблюдается ныне и что следует включить в правила преподавания и слушания Лекций сего факультета, составленных в 1826 году Доктором Медицины Эвениусом, и рассмотренные в Совете Университета, с присовокуплением мнения о сем Попечителя.

6) Дело о переменах в уставе Казанского Университета, бывшее в рассмотрении Государственного Совета с 1820-го года, и в прошедшем году возвращенное, по Высочайшему повелению, для принятия в общее соображение при занятиях Комитета устройства Учебных Заведений.

7) Дело об учреждении Родильного Института при клиниках Харьковского Университета, возникшее по представлению бывшего Попечителя в 1825 году.

8) Проект нового постановления для Благородного Пансиона при Московском Университете, представленный Попечителем в 1827 году"⁷².

В процитированном тексте обращают на себя внимание два чрезвычайно принципиальных для целей нашего исследования обстоятельства. Первое заключается в том, что, кроме проектов университетского устава и Благородного пансиона, все остальные документы, указанные в списке "дел", были посвящены только одной проблеме — проблеме университетского медицинского образования. И таких документов было немало — пять: особое мнение М. Я. Мудрова; учебный план Ю. Х. Лодера; "обзорение постепенности преподавания наук в Медицинском Факультете Мос-

⁷² РГИА. — Ф. 737. — Оп. 1. — Д. 87814. — Л. 180—180 об.

ковского Университета"; замечания к "обозрению", составленные А. А. Писаревым, и "дело об учреждении Родильного Института при клиниках Харьковского Университета". Второе обстоятельство состояло в том, что четыре из пяти названных документов, касавшихся вопросов реорганизации учебного процесса на медицинских факультетах российских университетов, вышли из стен Московского университета. Иными словами, начиная с 1828 года проблема университетского медицинского образования выделялась в отдельный приоритетный вопрос всей николаевской реформы системы народного просвещения, а наибольшую активность в ее разрешении проявили профессора и руководители Московского университета. Поэтому совершенно неудивительно, что раздел о медицинском факультете нового устава был подготовлен одним из первых — уже к середине 1829 года.

Из всех проработанных К. А. Ливеном документов, в которых рассматривались и обсуждались вопросы построения учебного плана медицинского факультета, наиболее смелым и перспективным был несомненно "Учебный план" Ю. Х. Лодера 1826 года. Однако для своего проекта университетского устава К. А. Ливен избрал не его, а "особое мнение" М. Я. Мудрова, который, сохранив распределение учебных дисциплин, предусмотренное "Уставом" 1804 года, предлагал добавить к ним седьмой курс "Анатомии Патологической и Физиологии Сравнительной".

"Учебный план" Ю. Х. Лодера сильно отличался от всех остальных предложений, и К. А. Ливен, по-видимому, не рискнул взять на себя ответственность за столь радикальное реформирование учебной программы медицинского факультета. Но из этого вовсе не следует, что министр просто отмахнулся от идей Ю. Х. Лодера. Напротив, "план" Ю. Х. Лодера несомненно привлек его внимание, и лучшим тому доказательством может служить принятое министром в декабре 1828 года решение "истребовать мнение профессора Дерптского университета Эрдмана и лейб-медика Лодера об

устройстве при Университетах Медицинских Факультетов"⁷³. И если причина обращения К. А. Ливена к И. Эрману более чем очевидна (они были лично хорошо знакомы по совместной работе), то выбор Ю. Х. Лодера, к которому он обратился с личным письмом, в качестве второго эксперта определил скорее всего его "Учебный план" 1826 года. И К. А. Ливен не ошибся в сделанном выборе, так как в конечном счете именно Ю. Х. Лодер стал основным автором раздела о медицинском факультете в "Уставе" 1835 года.

Уже в декабре 1828 года Ю. Х. Лодер представил на суд руководителей Министерства Народного Просвещения качественно новый учебный план подготовки врача. Качественно новый потому, что этот план был единой программой формирования специалиста: объем и содержание преподавания каждого предмета устанавливались, исходя из их значимости для достижения конечной цели обучения. Именно для этого Ю. Х. Лодер предложил, во-первых, значительно, до полугода, сократить время преподавания каждой из приуготовительных и естественных наук (за исключением, разумеется, анатомии). Такая мера, несомненно, должна была заставить преподавателей этих дисциплин кардинально пересмотреть содержание своих курсов с целью отбора только тех сведений, которые необходимы для подготовки практикующего врача, так как уложить весь объем данных, излагавшихся ранее от года до двух лет, в полгода было невозможно. Во-вторых, по мнению Ю. Х. Лодера, надо было изменить порядок и характер преподавания теоретических врачебных наук. Ю. Х. Лодер полагал необходимым разделить каждый из курсов теоретических врачебных наук (физиологии, патологии, семиотики и терапии) на два самостоятельных учебных курса — общий и частный, который Ю. Х. Лодер называл специальным. При этом преподавание специальной физиологии, специальной

⁷³ РГИА. — Ф. 737. — Оп. 1. — Д. 87815. — Л. 15 об.

патологии, специальной семиотики и специальной терапии должно было осуществляться не теоретически, как читались эти разделы в большинстве российских университетов, а если можно так выразиться, теоретико-практически с демонстрациями студентам того, о чем профессор или адъюнкт говорил на лекциях.

В-третьих, Ю. Х. Лодер всецело поддержал мудровскую идею создания кафедры естественнонаучных основ клинической медицины. И тот факт, что в представленном им проекте раздела о медицинском факультете для нового университетского устава кафедра патологической анатомии и сравнительной физиологии не упоминается, а преподавание патологической анатомии выделено в самостоятельный курс в рамках кафедры анатомии, не может служить антитезой высказанному утверждению. Напомним основные положения мудровского "особого мнения" 1825 года. Патологическая анатомия как наука, изучающая структурные основы патологических процессов, является важнейшей фундаментальной медицинской дисциплиной, имеющей первостепенное значение для развития клиники. Благодаря патологической анатомии медицина постепенно "выходит из гадательных наук и стала подходить ближе к наукам верным" и ее преподавание должно быть обязательно введено на медицинском факультете Московского университета. Для освоения этой науки требуется детальное знание нормальной анатомии и нормальной физиологии. Однако, поскольку существующая нормальная физиология и как наука, и как университетский предмет преподавания представляет собой главным образом собрание отвлеченных умозрительных гипотез и предположений, необходимо предпринять срочные меры для ее полного и окончательного превращения в науку опытно-экспериментальную и, в частности ввести преподавание сравнительной физиологии, как одно из наиболее эффективных средств совершенствования и развития нормальной физиологии человека. Для решения этих задач следует организовать кафедру патологической

анатомии и сравнительной физиологии и поручить ее "специалисту в анатомических делах всякого рода" Ю. Х. Лодеру.

Иными словами, М. Я. Мудров фактически предложил провести на медицинском факультете Московского университета такую реорганизацию учебного процесса, в результате которой Ю. Х. Лодер одновременно с чтением курса анатомии нормальной стал бы еще вести занятия по анатомии патологической и сравнительной физиологии. А теперь приведем отрывок из проекта распределения кафедр медицинского факультета, составленного Ю. Х. Лодером в 1829 году в ответ на министерский запрос: "1. Профессор Анатомии будет обучать: а) Анатомии человеческого тела с присовокуплением Специальной Физиологии и любопытнейших статей из Сравнительной Анатомии; б) Анатомии Патологической; с) под его же руководством производится студентами разсечение трупов"⁷⁴.

Идеологическое сходство мудровского "особого мнения" и приведенного отрывка из проекта Ю. Х. Лодера, с нашей точки зрения, представляется совершенно бесспорным. И некоторое расхождение в терминологии не должно вводить в заблуждение. В начале 18 века сравнительная физиология и сравнительная анатомия были настолько неразделимы, что в сознании врачей воспринимались как единое целое, и даже М. Я. Мудров, предлагая в официальном документе организовать "кафедру для Анатомии Патологической и для Физиологии Сравнительной", по тексту документа называет последнюю "Зоотомией"⁷⁵, т. е. анатомией животных. Что же касается упомянутой Ю. Х. Лодером и вроде бы не названной М. Я. Мудровым специальной физиологии, то она и была тем небольшим разделом тогдашней физиологии, который М. Я. Мудров рассматривал как одну из основ патологической анатомии и который уже тогда представлял

⁷⁴ РГИА. — Ф. 737. — Оп. 1. — Д. 87815.

⁷⁵ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 42 об.

собой опытно-экспериментальное знание о функционировании отдельных органов и частей человеческого тела. Последнее стало результатом того, что специальная физиология изначально возникла и вплоть до конца 18 века развивалась не в недрах умозрительной физиологии, а как неотъемлемая составная часть нормальной анатомии, изучавшей не только строение, но и "предназначение" тех или иных структур человеческого тела.

Но Ю. Х. Лодер не просто поддержал М. Я. Мудрова в его стремлении создать кафедру, на которой читались бы естественнонаучные основы клинической медицины, не просто продублировал его замысел, а развил мудровскую идею, придав ей более совершенную организационную форму. И усовершенствование состояло отнюдь не в том, что Ю. Х. Лодер нашел решение, позволявшее без потерь объединить кафедры нормальной анатомии и анатомии патологической со сравнительной физиологией в одну, а в том, как Ю. Х. Лодер задумал организовать обучение студентов на этой кафедре. Согласно его плану, весь объем сведений, который студентам надлежало освоить в процессе обучения на кафедре "Анатомии", полагалось разделить на три последовательных и тесно связанных между собой курса, которые должны были читаться на протяжении всего времени пребывания учащихся на медицинском факультете. Первый из них предназначался для студентов двух первых лет обучения и представлял собой единый анатомио-физиологический предмет, одной из главных задач которого было заложить основы для последующего изучения следующего курса — патологической анатомии. Патологическая анатомия должна была читаться студентам третьего года обучения (5-й семестр) и преподаваться таким образом, чтобы полный систематический курс этой дисциплины служил фундаментом для последующего изучения курсов частной патологии и терапии наружных и внутренних болезней (6-й семестр). Третий курс, названный Ю. Х. Лодером "разсечение трупов", посвящался обучению студентов последне-

го, четвертого года практическим навыкам выполнения анатомических и патологоанатомических исследований и был призван, с одной стороны, обеспечить закрепление пройденного материала, с другой — вследствие того, что занятия на трупах должны были проводиться параллельно с занятиями в клиниках, наглядно демонстрировать учащимся значение нормальной и патологической анатомии для хирургии, клиники внутренних болезней и акушерства⁷⁶.

Таким образом, благодаря Ю. Х. Лодеру предложенная М. Я. Мудровым кафедра естественнонаучных основ клинической медицины приобрела дополнительное качество. В лодеровском учебном плане, кроме основной задачи, которую должна была решать такая кафедра, — обучать студентов естественнонаучным основам клиники, ей отводилась еще и роль своеобразного стержня, пронизывающего всю учебную программу медицинского факультета и обеспечивающего ее единство — тесную содержательную взаимосвязь между курсами естественных, теоретических и практических врачебных наук.

Учебный план медицинского факультета, составленный Ю. Х. Лодером в 1828 году, представлял собой новое слово в истории отечественного высшего медицинского образования. Лейб-медик Штоффреген и профессор Петербургской медико-хирургической академии И. Ф. Буш, которым К. А. Ливен направил в феврале 1829 года проекты Ю. Х. Лодера и Эрдмана на рецензию, признали лодеровский проект "столь хорошо обдуманым и столь совершенным", что единодушно отдали ему предпочтение⁷⁷. Это в свою очередь позволило Комитету устройства учебных заведений взять его за основу раздела о медицинском факультете готовившегося устава, внеся в него ряд исправлений в соответствии с замечаниями, сделанными И. Ф. Бушем.

⁷⁶ РГИА. — Ф. 377. — Оп. 1. — Д. 87815. — Л. 16 об.—20.

⁷⁷ РГИА. — Ф. 737. — Оп. 1. — Д. 87815. — Л. 40.

Основных замечаний было три. Первое касалось продолжительности обучения студентов на медицинском факультете. "...Надлежит иметь в виду, — писал И. Ф. Буш, — будет ли оный находиться при университете или состоять отдельно, как, например, Медико-Хирургическая Академия В первом случае, для окончания курса Медицинских наук достаточно четырех, а в последнем, для полнейшего изучения оных, надлежит определить пять лет. Четыре года достаточно для курса Медицинского при Университете отделения потому, что Студент Медицины должен пройти предварительный философский курс и, следовательно, приобрести приуготовительные познания в Латинском языке, некоторые сведения в Греческом, в Математике, Логике, Физике и Естественной истории"⁷⁸. Составители устава не собирались "отделять" медицинский факультет от университета однако к 1829 году они уже приняли решение о ликвидации обязательного для всех университетских студентов одного дичного курса приуготовительных наук и поэтому постановили определить пятилетний срок обучения на медицинском факультете.

Второе замечание имело сугубо частный характер и касалось вопросов преподавания курса общей терапии, который И. Ф. Буш по примеру Петербургской медико-хирургической академии считал более целесообразным читать не вместе с общей физиологией и общей патологией, а в рамках кафедры фармацевтических дисциплин.

Что же касается третьего замечания, то оно в значительной мере противоречило одной из основных идей лодеровского "плана". "Кажется, что приняв в уважение значительное в наше время распространение как Хирургии, так и Терапии, — писал И. Ф. Буш, — надлежало бы, для основного и полного преподавания сих наук, определить по два учителя для каждой, т. е. одного для Умозрительной, другого для Операционной Хирургии, Окулистики и Хи

⁷⁸ Там же. — Л. 39.

рургической Клиники, равным образом одного для частной Патологии и Терапии, а другого для Семиотики и Медицинской Казуистики. Разделение сие отчасти уже введено в некоторых Университетах и недавно удостоено Высочайшего утверждения для Медико-Хирургической Академии"⁷⁹.

И. Ф. Буш явно не понял смысла, который Ю. Х. Лодер вкладывал в разделение преподавания курсов каждой из основных теоретических врачебных наук на две отдельные дисциплины. Для Ю. Х. Лодера было принципиально важным, чтобы специальные разделы патологии и терапии преподавались не по книгам, а теоретико-практически, читались бы профессором клиники у постелей больных с обязательными демонстрациями и разборами клинических случаев тех болезней, о которых говорилось на лекции. И. Ф. Буш же фактически предлагал отделить частную патологию и терапию как внутренних, так и наружных болезней⁸⁰ от клиники и выделить преподавание этих дисциплин в самостоятельные теоретические курсы, организовав для этого две отдельные кафедры.

Проект Ю. Х. Лодера постигла та же участь, что и практически аналогичный ему по замыслу и основополагающим идеям проект выдающегося реформатора университетского медицинского образования И. П. Франка, составленный им для медицинского факультета Венского университета за 30 лет до описываемых событий. Для И. П. Франка вопрос о характере и порядке преподавания теоретических основ клинической медицины был настолько важен, что тогда, в 1798 году, он даже снабдил свой "учебный план" пояснительной запиской, в которой прямо указал, что книжное или, по выражению И. П. Франка, "кафедральное" преподавание патологии и терапии противоречит идее подготовки врача на медицинском факультете университета, что не-

⁷⁹ РГИА. — Ф. 737. — Оп. 1. — Д. 87815. — Л. 39 об.

⁸⁰ Курс "Умозрительной Хирургии" включал в себя весь объем сведений по частной патологии и терапии наружных болезней.

лепо "давать ученикам специальный курс о болезнях и специальную терапию по слабой копии, если можно предложить оригинал", и несколько раз повторил, что курсы специальной патологии и специальной терапии должны "изучаться студентами у постели больного, и что их преподавание должен вести клинический учитель"⁸¹. Похожие мысли И. П. Франк высказал и в отношении существовавшей в 1798 году на медицинском факультете Венского университета самостоятельной кафедры теоретической хирургии, которую он настоятельно рекомендовал объединить с кафедрой хирургической клиники.

Знал ли Ю. Х. Лодер о венском плане И. П. Франка, сказать трудно. Теоретически возможность познакомиться с этим документом у Ю. Х. Лодера была. И. П. Франк опубликовал его в шестом томе своей знаменитой "Медицинской полиции", вышедшем в свет в 1817 году. Но скорее всего Ю. Х. Лодер не был знаком с ним, иначе он, вероятно, предвосхитил бы стремление И. Ф. Буша "принять в уважение значительное ...распространение... Хирургии и Терапии" и "определить по два учителя для каждой". Ведь И. П. Франк также полагал целесообразным поручить преподавание внутренней или практической медицины двум ординарным профессорам и организовать две самостоятельные кафедры. Только в отличие от И. Ф. Буша он считал единственно возможным решением этой проблемы создание двух кафедр, на каждой из которых у постелей больных в клинике преподавались бы и частная патология, и частная терапия, и семиотика. Разница между ними, согласно "плану" И. П. Франка, должна была состоять лишь в том, что на одной кафедре преподавались бы острые, а на другой — хронические болезни⁸².

⁸¹ Lesky E. Johann Peter Frank als Organisator des medicinischen Unterrichts// Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. — Bd. 39. — Heft. 1. — 1955. — S. 11—12.

⁸² Там же. — S. 29—30.

Тогда, на рубеже 18—19 веков, учебный план И. П. Франка был воплощен в жизнь на медицинском факультете Венского университета лишь частично, а предложение вести преподавание специальных разделов теоретических врачебных наук в клинике у постелей больных принято не было. Спустя тридцать лет история полностью повторилась, сменились лишь исполнители ролей главных действующих лиц. Роль влиятельного руководителя медицинским образованием в Вене А. Штикса на российской сцене сыграли И. Ф. Буш и чиновники Министерства народного просвещения, без колебаний и раздумий внесшие в проект Ю. Х. Лодера все сделанные И. Ф. Бушем поправки.

Но таковы уж особенности российской сцены, что на ней очень часто появляются действующие лица, не предусматривавшиеся сценарием. Не стала исключением и работа над подготовкой и составлением раздела о медицинском факультете нового общероссийского университетского устава. Включая замечания и предложения И. Ф. Буша в текст лодеровского учебного плана, министерские чиновники внесли еще и ошибку. Отчасти эту ошибку спровоцировал сам автор поправок. Предлагая разделить кафедру, на которой, по замыслу Ю. Х. Лодера, должны были преподаваться частная патология, частная терапия, частная семиотика и клиника, на две самостоятельные кафедры: а) частной патологии и терапии и б) семиотики и клиники, И. Ф. Буш вместо слова "клиника" употребил часто использовавшееся в то время в том же значении словосочетание "врачебная казуистика".

Члены Комитета устройства учебных заведений, не являясь специалистами в области университетского медицинского образования и уж тем более в вопросах медицинской терминологии, выполнили "предписание" И. Ф. Буша буквально и разделили задуманную Ю. Х. Лодером кафедру частной патологии, терапии, семиотики и клиники на две отдельные кафедры: а) "Семиотики и Врачебной Казуистики" и б) частной патологии, терапии и клиники (см. табл. 2).

Таблица 2. Перечень и распределение учебных дисциплин медицинских факультетов российских университетов в проектах 1828—1829 гг. в сравнении с "Общим Уставом Императорских Российских Университетов" (1835)

Проект Лодера	Проект Эрдмана	Проект КУУЗ	Устав
<p>1. Анатомия</p> <p>а) Анатомия "человеческого тела с присовокуплением Специальной Физиологии и... Сравнительной Анатомии"</p> <p>б) Анатомия Патологическая</p> <p>с) рассечение трупов</p>	<p>1. Анатомия и Физиология</p>	<p>1. Анатомия.</p> <p>а) Анатомия "человеческого тела с присовокуплением Специальной Физиологии и... Сравнительной Анатомии"</p> <p>б) Анатомия патологическая</p> <p>с) рассечение трупов</p>	<p>1. Анатомия:</p> <p>а) Анатомия человеческого тела, с присовокуплением Специальной Физиологии и важнейших статей из Сравнительной Анатомии;</p> <p>б) Анатомия Патологическая;</p> <p>в) рассечение трупов</p>
<p>2. Физиология</p> <p>а) Физиология общая</p> <p>б) Общая патология "и общие начала Семиотики"</p> <p>с) Общая терапия</p>	<p>2. Патологическая семиотика, Патологическая анатомия и Судебная медицина</p>	<p>2 Физиология</p> <p>а) Общая физиология</p> <p>б) Общая патология</p>	<p>2 Физиология</p> <p>а) Физиология Общая;</p> <p>б) Общая Патология;</p>
<p>3. Врачебное вестовословие</p> <p>а) Врачебное вестовословие, Токсикология и "изъяснение Минеральных вод"</p> <p>б) Фармация</p> <p>с) Рецепттура</p> <p>д) "Диететика или Гигиена"</p>	<p>3. Фармакология, Диететика, Токсикология и Рецепттура</p>	<p>3. Врачебное вестовословие</p> <p>а) Общая терапия</p> <p>б) Врачебное вестовословие, токсикология, Минеральные воды</p> <p>с) Фармация д) Рецепттура е) Диететика или Гигиена</p>	<p>3. Врачебное вестовословие</p> <p>а) Общая терапия;</p> <p>б) Врачебное вестовословие, токсикология и изъяснение минеральных вод;</p> <p>в) Фармация; г) Рецепттура и д) Диететика или Гигиена</p>
<p>4. Клиника</p> <p>а) Специальная Терапия, Специальная Патология, Специальная Семиотика</p> <p>б) "клиника в больнице. По сей последней части он должен иметь Помощника"</p>	<p>4. Терапия и Медицинская Клиника</p>	<p>4. Клиника</p> <p>а) Частная Патология и Терапия</p> <p>в) Клиника в больнице</p>	<p>4. Клиника</p> <p>а) Частная Патология и Терапия;</p> <p>б) Клиника в больнице</p>
<p>5. Хирургия</p> <p>а) Хирургия теоретическая и практическая</p> <p>б) Глазные болезни</p> <p>с) Десмургия "Он будет иметь помощника для операций над живыми и мертвыми"</p>	<p>5. Хирургия и Наука о глазных болезнях</p>	<p>5. Семиотика и Медицинская Казуистика</p>	<p>5. Семиотика</p>

Продолжение

Проект Лодера	Проект Эрдмана	Проект КУУЗ	Устав
<p>6. Повивальное искусство</p> <p>а) Повивальное искусство</p> <p>б) Женские и детские болезни "с присовокуплением способа прививать оспу; и сверх того помогать родильницам в больнице; лечить женщин в родах и новорожденных детей..."</p>	<p>6. Повивальное искусство и науки о женских и детских болезнях</p>	<p>6. Хирургия Умозрительная</p>	<p>6. Хирургия Умозрительная</p>
<p>7. Судебная медицина</p> <p>а) Судебная медицина и Медицинская полиция "со включением Способа лечить смертные обмороки, утопших и пр."</p> <p>б) История литературы медицинской и хирургической</p> <p>с) Энциклопедия и Методология</p>	<p>7. Энциклопедия, История медицины и Медицинская полиция</p>	<p>7. Хирургия Операционная, Глазные болезни и Хирургическая клиника</p>	<p>7. Хирургия Операционная, глазных болезней и Хирургическая Клиника</p>
<p>8. Скотолечение</p>	<p>8. Скотолечение</p>	<p>8. Повивальное искусство</p> <p>а) Повивальное искусство</p> <p>б) Женские и детские болезни "с присовокуплением способа прививать оспу; и сверх того помогать родильницам в больнице; лечить женщин в родах и новорожденных детей..."</p>	<p>8. Повивальное искусство</p> <p>а) повивальное искусство</p> <p>б) о женских и детских болезнях;</p> <p>в) способ прививания оспы;</p> <p>г) помощь родильницам и лечение их и новорожденных</p>
		<p>9. Судебная медицина</p> <p>а) Судебная медицина и Медицинская полиция "со включением Способа лечить смертные обмороки, утопших и пр."</p> <p>б) История литературы медицинской и хирургической</p> <p>с) Энциклопедия и Методология</p>	<p>9. Судебная медицина</p> <p>а) Судебная Медицина и Медицинская полиция, способ лечить смертные обмороки, утопших и пр.</p> <p>б) История и Литература Медицины</p> <p>в) Энциклопедия и Методология</p>
		<p>10. Скотолечение</p>	<p>10. Скотолечение</p>

Но мы упомянули об этой нелепой и очень быстро обнаруженной ошибке, нашедшей отражение в "итоговом мнении" Комитета, вовсе не затем, чтобы покритиковать его работу. Идею Ю. Х. Лодера о необходимости теоретико-практического преподавания частной патологии и терапии в клинике самой судьбе было угодно подарить вторую жизнь. Даже после того, как ошибку заметили, ее поправили, мягко говоря, весьма своеобразно: вместо того, чтобы либо снова объединить две кафедры в одну, либо назвать их в точном соответствии с текстом поправки И. Ф. Буша, составители устава, видимо, разобравшись в том, что под "Врачебной Казуистикой" И. Ф. Буш имел в виду "Клинику", просто вычёркнули словосочетание "Врачебная Казуистика" из названия кафедры "Семиотика и Врачебная Казуистика" и тем самым сохранили кафедру частной патологии, терапии и клиники. Забегая несколько вперед, отметим, что уже в 1835 году в ходе обсуждения вопросов, связанных с введением в действие устава, Министерство народного просвещения настояло на выделении самостоятельной теоретической кафедры частной патологии и терапии внутренних болезней.

Но это произойдет позднее, а пока, с середины 1829 года и вплоть до дня конфирмации Николаем I "Общего Устава Императорских Российских Университетов", каких-либо других замечаний, дополнений или поправок к предложенному Ю. Х. Лодером учебному плану и распределению кафедр медицинского факультета сделано не было. Таким образом, Ю. Х. Лодер по праву может считаться основным автором раздела о медицинском факультете в "Уставе" 1835 года.

МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В "ОБЩЕМ УСТАВЕ ИМПЕРАТОРСКИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ" 1835 ГОДА

Преобразования в организации и содержании учебного процесса, происшедшие на медицинском факультете Московского университета в связи с введением в действие нового университетского "Устава" 1835 года, по праву могут быть отнесены к числу самых "незамеченных" отечественными историками медицины. По существу из всего комплекса нововведений в литературе упоминается только о двух: увеличении с шести до десяти числа кафедр медицинского факультета и установлении с 1835 года пятилетнего срока обучения¹. Более подробное описание предусматривавшихся "Уставом" 1835 года новаций и единственную по-

¹ См., например: Страшун И. Д. 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 20; Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. — М., 1955. — С. 63; Архангельский Г. В. Ф. И. Иноземцев и его значение в развитии русской медицины. — М., 1959. — С. 35.

пытку дать оценку этому документу в плане его влияния на судьбу медицинского факультета Московского университета нам удалось обнаружить лишь в статье Ф. Р. Бородулина "200 лет I МОЛМИ им. И. М. Сеченова". Новым уставом, писал Ф. Р. Бородулин, «...была отменена автономия университетов. Ректор, деканы, профессора отныне не избирались Советом университета, а назначались министром. Кафедры философии по-прежнему оставались под запретом, но на всех факультетах вводился курс богословия и церковной истории. Заявления о зачислении в университет от лиц "низкого происхождения" должны были подаваться не ректору университета, а попечителю учебного округа, который "под благовидным предлогом" не допускал их в университет. Неограниченно расширялась власть попечителя округа, увеличивались права инспектора. "Устав" 1835 года и вся система все более усиливавшегося николаевского режима... сделали свое дело: с середины 30-х до середины 50-х годов в деятельности факультета, за единичными исключениями, не ощущался тот высокий взлет ищущей новых путей научной мысли, который имел место в предыдущие годы²».

Однако если сопоставить данные, приведенные Ф. Р. Бородулиным, даже с текстом "Общего Устава Императорских Российских университетов" (1835), не говоря уже о фундаментальных исследованиях истории становления и развития системы народного просвещения в России, выполненных, например, С. В. Рождественским или М. И. Сухомлиновым, то складывается впечатление, что Ф. Р. Бородулин описывал положения совершенно другого университетского устава.

Так, например, утверждение Ф. Р. Бородулина о том, что "ректор, деканы, профессора отныне не избирались Советом, а назначались министром", полностью противоречит сразу четырем параграфам "Устава" 1835 года. В частности,

² Бородулин Ф. Р. 200 лет I МОЛМИ им. И. М. Сеченова // Очерки по истории I МОЛМИ им. И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 20.

параграф 30 прямо определял, что: "...1) Избрание Ректора, Почетных Членов и Корреспондентов. 2) Избрание Профессоров и Адъюнктов; назначение их к разным по Университету должностям..." относится к числу главных и непосредственных "предметов занятий Совета"³. По уставу Совет университета не избирал лишь деканов, которые, согласно параграфу 68, должны были "избираться Факультетами на четыре года из Профессоров Ординарных..."⁴. Без коллегиального решения Совета университета или вопреки нему министр "по собственному своему усмотрению" мог назначать только профессоров или адъюнктов "на вакантные кафедры". Однако, как свидетельствуют известные факты истории медицинского факультета Московского университета, этим правом министр пользовался лишь в исключительных случаях. Обычно же он либо утверждал кандидата, избранного Советом, либо, в случае своего несогласия, предлагал Совету провести повторные выборы и представлял другого кандидата.

Не соответствует положениям "Устава" 1835 года и заявление Ф. Р. Бородулина об "оставлении под запретом кафедр философии". Особенно одиозным оно выглядит в свете того, что "Уставом" 1835 года предписывалось вновь восстановить в российских университетах философские факультеты, существование которых без кафедр философии попросту немислимо. В списке кафедр I Отделения философского факультета в параграфе 11 "Устава" 1835 года отдельная кафедра философии значится под первым номером⁵.

Что же касается отмены "Уставом" 1835 года автономии Московского университета, то следует заметить, что устав

³ Общий Устав Императорских Российских Университетов//Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1875. — Стб. 974 (Далее: Устав 1835 года. — Стб. 974).

⁴ Там же. — Стб. 979.

⁵ Там же. — Стб. 970.

не мог лишить университета того, чего он уже с начала 19 века, со времени включения его в единую государственную систему учебных заведений, не имел. Если же под автономией университета Ф. Р. Бородулин имел в виду университетское самоуправление, то "Устав" 1835 года не отменял, а ограничивал его. Определенному "стеснению" как за счет предоставления министру уже упоминавшихся полномочий назначать профессоров и адъюнктов, так и вследствие разрешения попечителю председательствовать на заседаниях Совета с правом решающего голоса, подверглось "выборное начало". Была отменена одна из важнейших традиционных привилегий университета, заключающаяся в том, что до 1835 года все члены Московского университета могли быть подвергнуты только университетскому суду; университет лишился прав управления учебным округом; существенно возросла власть попечителя, ставшего "первым членом университета", который поступал "под его непосредственное начало".

"Общий Устав Императорских Российских университетов" 1835 года к числу документов демократического толка, безусловно, не относился, однако превращать университеты в кадетские корпуса его составители не собирались. Все то, о чем писал Ф. Р. Бородулин, произошло значительно позднее, на рубеже 40—50-х годов, и с "Уставом" 1835 года ничего общего не имело. Более того, как только были закрыты кафедры философии, ликвидировано "выборное начало", введены негласные сословные ограничения для поступающих в университет, немедленно встал вопрос о необходимости подготовки нового университетского устава⁶. Зачем столь серьезному и авторитетному исследователю, каким по праву может считаться Ф. Р. Бородулин, понадобилась эта фальсификация, сказать трудно. Наверное, у него были на то определенные причины, но сейчас важнее другое. Во многом благодаря Ф. Р. Бородулину в историко-ме-

⁶ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 262—266.

дицинской литературе за "Уставом" 1835 года прочно закрепились "слава" крайне реакционного и обвинение в создании на медицинском факультете Московского университета условий, противоречивших "высокому взлету ищущей новых путей научной мысли".

Вместе с тем обнаруженные нами архивные документы свидетельствуют, что такая оценка "Устава" 1835 года применительно к университетскому медицинскому образованию вряд ли может считаться объективной. Предписывавшиеся им нововведения не ограничивались лишь увеличением числа кафедр и продолжительности обучения на медицинском факультете, а представляли собой целый комплекс весьма принципиальных преобразований, коснувшихся практически всех аспектов организации и содержания учебного процесса на факультете, подавляющее большинство из которых сыграли существенную позитивную роль в деле дальнейшего совершенствования программы подготовки врачей.

Прежде всего следует отметить, что новый устав и штаты предусматривали значительное расширение материально-технической базы как университета в целом, так и его медицинского факультета. По сравнению с "Уставом" 1804 года доходная часть бюджета Московского университета должна была увеличиться более чем в два раза. Были повышены оклады профессорам и адъюнктам; увеличен объем финансирования клинических институтов, лабораторий, музеев, библиотеки; выделены средства на создание новых музейных коллекций ("зоологической", "фармакологической", "собраний" хирургических и акушерских инструментов), на организацию и строительство "Зоотомического театра" и "Практического ветеринарного заведения"⁷.

Кардинальному пересмотру подвергся порядок приема и зачисления студентов в университет. Собеседование ректора и нескольких назначенных им профессоров с абитуриен-

⁷ Устав 1835 года. — Стб. 995.

том навсегда сменилось детально проработанной процедурой проведения вступительных экзаменов. "Все желающие вступить в число студентов Университета, — гласил параграф 91 устава, — должны выдержать предварительное испытание; по правилам, изданным Министерством Народного Просвещения..."⁸.

Главная задача, которую были призваны решить эти "правила", высочайше утвержденные в 1837 году и получившие название "Правила испытания для желающих поступить в Университет"⁹, заключалась в том, чтобы не допустить в университеты молодых людей, не имевших достаточной подготовки для изучения университетских курсов наук. На необходимость решения этой задачи внимание руководителей Министерства народного просвещения было обращено еще в 1831 году Николаем I, до которого дошли сведения, "что в университеты часто поступают молодые люди студентами без надлежащих предварительных познаний, отчего не в состоянии будучи следить за чтением университетских лекций вместо приобретения высшего образования теряют понапрасну время"¹⁰. Тогда же Николай I специальным указом повелел "строго соблюсти, чтобы впредь в студенты университета никто не был принимаем, не окончив в гимназии полного курса положенных наук"¹¹.

Однако, отдавая должное справедливости требований императора, разработчики и составители "Устава" 1835 года подошли к решению этой проблемы значительно более гибко: поступать в университеты разрешалось всем, кто хотел в них учиться и достиг шестнадцатилетнего возраста, но при этом зачислялись только те, кто мог сдать вступительный экзамен. Из сказанного не следует делать вывод, что

⁸ Там же. — Стб. 983.

⁹ Правила испытания для желающих поступить в Университет//Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. II. — Ч. II. — СПб., 1866. — Стб. 169—170 (Далее: Правила... — Стб. 169—176).

¹⁰ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 188.

¹¹ Там же. — С. 188—189.

руководители Министерства народного просвещения пошли против воли императора. Согласно "Правилам", абитуриент должен был сдавать семь вступительных экзаменов: "а) Закон Божий, Священная и Церковная История; б) Российская грамматика, Словесность и Логика; в) Языки: Латинский, Немецкий и Французский; г) Математика до конических сечений включительно; д) Физика; е) География и статистика; ж) История"¹², которые за исключением экзамена по "Чистописанию, Черчению и Рисованию" в точности соответствовали перечню и содержанию выпускных гимназических испытаний¹³.

В результате, полностью сохранив идеологию императорского указа, разработчики "Правил" создали возможность для поступления в университеты не только выпускникам гимназий, но и лицам, получившим начальное и среднее образование дома, за границей или в духовных учебных заведениях, и тем самым существенно поддержали медицинские факультеты, студентами которых зачастую становились молодые люди, относившиеся к двум последним категориям абитуриентов. Каких-либо других, кроме уровня общеобразовательной подготовки, например сословных, ограничений для поступления в университет ни устав, ни "Правила" не предусматривали. Правда, для некоторых абитуриентов предусматривались льготы, но они также не носили сословного характера: "Получившие удовлетворительные аттестаты от Гимназий об окончании в сих заведениях полного курса и об успехах окончательного в оных испытания, — говорилось, в частности, в параграфе 2 "Правил", — если удостоены притом одобрительными отзывами о поведении, могут быть освобождаемы от вторичного испытания при поступлении в Университет, но не иначе как по представлению Попечителя Учебного Округа, с разрешения Министра Народного Просвещения, и смотря по доверен-

¹² Правила... — Стб. 171.

¹³ Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 200.

ности, которую заслуживает Гимназия"¹⁴. Была и еще одна категория абитуриентов, которым "Правила" предоставляли определенные льготы при поступлении в университет. К ней относились выпускники духовных училищ, желавшие пройти курс подготовки в Медицинском институте. Для них параграфом 14 "Правил" предусматривались чуть более упрощенные вступительные испытания. "При требовании в Медицинские Институты Университетов учеников Духовных Семинарий, доколе в том надобность существовать будет, надлежит, по необходимости, ограничиваться при испытании предметами, преподаваемыми в сих заведениях, именно: Российским и Латинским языками, начальными основаниями математики, географией, историей и логикою..."¹⁵.

Вступительные экзамены должны были проводиться один раз в год — в июле — перед началом очередного учебного года. Большинство предметов соискателям шпаги и студенческого мундира полагалось сдавать "изустно" специальной комиссии, назначаемой попечителем под председательством ректора, в которую входили профессора и адъюнкты от всех факультетов. По некоторым дисциплинам (российская словесность, иностранные языки, математика) абитуриенты были обязаны отвечать на вопросы письменно. При этом важно отметить, что "Правила" кардинально меняли подход к проведению вступительных экзаменов. Если до реформы 30-х годов ректор и профессора опрашивали поступавших в университет сразу по всем предметам, знание которых было обязательным для зачисления, и тут же принимали решение, то теперь все абитуриенты должны были последовательно сдавать семь отдельных экзаменов, для каждого из которых назначался свой состав экзаменационной комиссии.

Для проведения "изустных испытаний" Совету университета предлагалось разработать по каждой дисциплине экза-

¹⁴ Правила... — Стб. 169.

¹⁵ Там же. — Стб. 172.

менационные билеты, или, согласно терминологии того времени, "свертки", включавшие по три вопроса, которые предварительно должны были быть рассмотрены "в факультетах по принадлежности". Для письменных экзаменов также полагалось подготовить "темы сочинений, тексты для переводов и задачи. По Российской Словесности темы должны быть такого рода, чтобы из отработывания оных явствовало не только знание Грамматики и Риторики, но и степени умственного образования вообще"¹⁶. Проверка экзаменаторами письменных работ должна была проходить в присутствии абитуриента и предполагала возможность задавать ему дополнительные вопросы.

Знания поступающих оценивались по пятибалльной шкале от 0 до 5: 0 — "худо"; 1 — "слабо"; 2 — "посредственно"; 3 — "хорошо"; 4 или 5 — "отлично". Оценки после каждого экзамена оглашались публично и заносились в специальные "списки", на основании которых после сдачи последнего экзамена рассчитывался "средний вывод познаний каждого" (сумма полученных баллов, деленная на число экзаменов). Для того чтобы быть принятым в университет, "средний вывод" должен был составлять не менее 3, а точнее 2,5, поскольку, согласно параграфу 30 "Правил", "если после деления при целом числе окажется дробь, то $\frac{1}{2}$ и больше принимаются за единицу"¹⁷. Но кроме "среднего вывода", равного или превышающего 3, для зачисления необходимо было еще не "иметь в каких-либо двух предметах по — 1", сдать как минимум на 3 "Закон Божий и Российскую Словесность"¹⁸, а "в Латинском языке иметь по крайней мере — 2"¹⁹.

¹⁶ Там же. — Стб. 174.

¹⁷ Там же. — Стб. 175.

¹⁸ "Иностранцы и иноверцы, желающие поступить в медицинский факультет... могут быть допущены в Университет, если имеют и не более 2 в Российской Словесности"//Правила... — Стб. 175.

¹⁹ Правила... — Стб. 175.

Фактически "Общим Уставом Императорских Российских Университетов" и "Правилами испытания для желающих поступить в Университет" был создан прообраз современной конкурсной процедуры приема в высшие учебные заведения, что позволило, во-первых, исполнить волю монарха и не допускать в университеты лиц "без надлежащих предварительных познаний", а во-вторых, обеспечило возможность ликвидировать существовавший еще с 18 века обязательный для студентов всех факультетов курс "приготовительных наук" и тем самым дополнительно увеличить время, отводимое на специальную подготовку.

Из сказанного, однако, не следует делать вывод, что, начиная с 1835—1837 годов, студенты медицинского факультета университета больше не изучали общеобразовательных наук, а сразу же приступали к освоению специальных предметов. Такие дисциплины, как физика, химия, ботаника, зоология, минералогия, логика, иностранные языки, остались неотъемлемой частью учебной программы подготовки врача. Однако если ранее медики изучали комплекс общеобразовательных наук, преподававшихся одновременно студентам всех факультетов, в полном объеме, то после введения нового порядка приема в университет для них на медицинском факультете стали читаться особые сокращенные и переработанные курсы, содержавшие преимущественно те сведения, которые было необходимо знать будущему врачу.

Далее студенты медицинского факультета приступали к освоению собственно "врачебных наук", перечень и распределение которых по кафедрам также подверглись существенному пересмотру. В отечественной историко-медицинской литературе, как уже говорилось, этот факт стал одним из немногих, "замеченных" исследователями. (В организации преподавания, — писал, например, Ф. Р. Бородулин, — произошли следующие изменения: кафедре нормальной анатомии придавался курс патологической анатомии и "важнейшие статьи" из сравнительной анатомии; курс физиологии переходил к кафедре общей патологии заново; уч-

реждалась кафедра семиотики и кафедра частной патологии и терапии; кафедра хирургии разделялась на две самостоятельные кафедры: хирургии теоретической ("умозрительной") и хирургии операционной с придачей к последней курса глазных болезней; кафедре повивального искусства придавался курс женских и детских болезней и оспопрививания; заново учреждалась кафедра судебной медицины, медицинской полиции и истории медицины; кафедре фармации придавалась токсикология, "изъяснение минеральных вод", диететика или гигиена (на выбор). Без перемен оставалась лишь кафедра скотолечения. Всего на медицинском факультете оказывалось 10 кафедр (против шести по уставу 1804 г.) и притом с большим числом добавочных курсов²⁰. Похожие описания предусматривавшихся параграфом 13 "Устава" 1835 года нововведений в плане организации и содержания учебного процесса можно встретить и в публикациях Д. М. Российского, И. Д. Страшуна, Г. В. Архангельского²¹.

²⁰ Бородулин Ф. Р. Цит. соч. — С. 20.

²¹ Предусматривавшаяся "Уставом" 1835 года кафедра "Клиники: а) Частная Патология и Терапия; б) Клиника в больнице" называется в публикациях Д. М. Российского, И. Д. Страшуна, Г. В. Архангельского кафедрой: "Клиники (частная патология и терапия)", в то время как курс частной патологии и терапии не являлся тогда ни составной частью курса терапевтической клиники, ни его эквивалентом. Указанная в уставе кафедра "Врачебного веществословия: а) Общая Терапия; б) Врачебное Веществословие, Токсикология и изъяснение минеральных вод; в) Фармация; г) Рецептатура и д) Диететика или Гигиена" названа Д. М. Российским: «врачебное веществословие, токсикология, диететическая гигиена». Отсутствие у Д. М. Российского отдельного курса общей терапии и произвольное объединение диететики и гигиены в курс "диететической гигиены" в особых комментариях не нуждаются. В работе Г. В. Архангельского в названии этой же кафедры совершенно отсутствует раздел курса о минеральных водах; в кафедре "Повивального искусства" не упоминаются ни курс, посвященный "способу прививания оспы", ни отдельный курс: "помощь родильницам и лечение их и новорожденных" (Российский Д. М. Цит. соч. — С. 63; Страшун И. Д. Цит. соч. — С. 20; Архангельский Г. В. Цит. соч. — С. 35).

Однако, забегаая несколько вперед, заметим, что все эти описания верны лишь отчасти. "Устав" 1835 года действительно предписывал создание на медицинских факультетах российских университетов 10 кафедр, но из этого вовсе не следует, что на медицинском факультете Московского университета после введения устава "оказалось 10 кафедр". Остается только удивляться, как упомянутым выше исследователям, единодушно заявившим об учреждении в 1835 году отдельной кафедры семиотики, удалось не заметить, что в период действия "Устава" 1835 года на медицинском факультете Московского университета не существовало ординарного профессора по этой дисциплине, или как им удалось не обратить внимание на тот факт, что клинику внутренних болезней и курс частной патологии и терапии, которые, согласно их "версии", читались на одной кафедре, преподавали два ординарных профессора.

Уже в 1835/36 учебном году в процессе введения нового устава на медицинском факультете Московского университета в него сразу же был внесен ряд поправок. Во-первых, было принято решение разделить кафедру "Клиники: а) Частная патология и Терапия; б) Клиника в больнице" — на две самостоятельные кафедры — частной патологии и терапии и терапевтической клиники и для преподавания этих разделов внутренней медицины ввести две ординарные профессорские должности. Во-вторых, также на две отдельные кафедры было поделено преподавание комплекса фармацевтических дисциплин. В-третьих, вместо предусматривавшихся уставом двух хирургических кафедр было организовано три: а) "Общая и Частная Хирургия с Наукою о переломах и вывихах"; б) "Хирургия оперативная с клиническою и Анатомия Хирургическая"; в) "Окулистика с Клиникою Глазных болезней и Десмургия". И, наконец, в-четвертых, ликвидирована самостоятельная кафедра семиотики, для преподавания которой был введен отдельный адъюнктский курс на кафедре терапевтической клиники²².

²² ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 5. — Д. 1. — Л. 3—3 об.

В литературе об этих поправках к тексту параграфа 13 "Устава" не говорится ни слова, причем они не упоминаются не только при обсуждении вопросов, связанных с принятием нового университетского устава, но и далее, когда описываются организация и содержание учебного процесса, сложившиеся на медицинском факультете Московского университета во второй половине 30-х—первой половине 40-х годов. Так, например, Д. М. Российский, анализируя проблему преподавания в эти годы фармацевтических дисциплин, писал: "С 1835 г. по новому университетскому уставу кафедра лекарствоведения получила наименование кафедры врачебного веществословия, куда входили: а) общая терапия, б) врачебное веществословие с токсикологией и изъяснением минеральных вод, в) фармация, г) рецептура, д) диететика и гигиена... Кафедру врачебного веществословия занял Александр Алексеевич Иовский... много сделавший для дальнейшего развития науки о лекарственных веществах... В 1845 г. на кафедру врачебного веществословия, вместо ушедшего в отставку А. А. Иовского, был назначен Николай Богданович Анке, руководивший ею до 1863 г."²³. Из приведенной цитаты следует, что в период с 1835 по 1863 год на медицинском факультете Московского университета существовала только одна кафедра фармацевтических дисциплин, возглавлявшаяся профессором А. А. Иовским, который затем уступил ее Н. Б. Анке. В действительности же фармацевтические дисциплины с 1835 по 1845 год читались на двух отдельных кафедрах. А. А. Иовский преподавал только "фармацию, рецептуру, токсикологию и изложение минеральных вод (в смысле химическом)", а другая часть курса: "Общая терапия, гигиена, врачебное веществословие и изложение минеральных вод (в смысле врачебном)" — читалась на второй кафедре, профессором которой с 1835 года

²³ Российский Д. М. Цит. соч. — С. 81—83.

был не кто иной, как Н. Б. Анке²⁴. И этот пример, к сожалению, далеко не единственный.

Однако оставим на время проблему введения в действие "Устава" 1835 года на медицинском факультете Московского университета. Этот вопрос в силу его огромной важности и совершенной неизученности заслуживает значительно более подробного рассмотрения и будет отдельно изложен ниже. Сейчас лишь отметим, что действия профессоров Московского университета и руководителей Министерства народного просвещения по перераспределению учебных дисциплин медицинского факультета между кафедрами и введению дополнительных профессорских курсов, хотя и определили весьма радикальный пересмотр параграфа 13 "Устава", ни в коей мере не противоречили уставу в целом. В примечании к главе II, одним из составляющих которой был и параграф 13, прямо говорилось, что "предметы преподавания для каждого Факультета, выше сего означенные, могут, по усмотрению Министра Народного Просвещения, быть умножены или до времени сокращены, смотря по местным обстоятельствам и по удобности приискания способных преподавателей"²⁵. Возможность увеличения количества преподавательских должностей, и в том числе профессорских, подтверждалась и параграфом 3: "Каждый Факультет состоит из учащихся и учащихся. Число первых определяется штатом, но может быть увеличено по мере надобности..."²⁶. Отдельно заметим, что в этом плане "Устав" 1835 года был даже демократичнее "Устава" 1804 года, которым разрешалось увеличивать только количество адъюнктских должностей.

На освоение сокращенных и адаптированных для будущего врача курсов физики, логики, химии, ботаники, зоологии, минералогии, иностранных языков, полного курса

²⁴ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 5. — Д. 1. — Л. 3 об.

²⁵ Устав 1835 года. — Стб. 973.

²⁶ Там же. — Стб. 970.

богословия и собственно "врачебных наук" параграфом 100 "Устава" 1835 года отводилось пять лет. До истечения этого срока никто из поступивших на медицинский факультет не мог быть ни экзаменован, ни тем более аттестован на какое бы то ни было медицинское звание или ученую степень. Как уже говорилось, в отечественной историко-медицинской литературе факт увеличения продолжительности обучения на медицинском факультете отмечается, однако при этом совершенно не упоминается другое ничуть не менее существенное нововведение, предписывавшееся, кстати, тем же самым параграфом 100, который начинался словами: "Университетское преподавание вообще разделяется на полугодия..."²⁷. Иными словами, "Устав", кроме введения пятилетнего срока обучения, предписывал разработать и установить строго фиксированный набор учебных дисциплин для каждого из десяти полугодий, в течение которых студенты должны были осваивать курс наук медицинского факультета, и тем самым законодательно утверждал курсовой тип организации учебного процесса.

Распределение учебных дисциплин по семестрам позволило преодолеть важнейший недостаток прежней цикловой системы организации учебного процесса, при которой не обеспечивалась строгая логическая последовательность преподавания наук. Последнее, по словам М. Я. Мудрова, приводило к тому, что студенты "...слушают преподаваемое им учение со всевозможным вниманием, с напряжением всех своих умственных способностей и не понимают того, что говорят им профессора, ибо беспрестанно слышат незнакомые им выражения и ссылки на науки, которых они еще не знают... Они удвояют свое прилежание, но тщетно стараются усвоить себе слушаемое ими в одно время учение десяти и более различных наук: вместо точных, стройных и ясных познаний, наполняют они лишь голову свою беспорядочным сбродом разнородных, несвязанных и темных

²⁷ Там же. — Стб. 984.

понятий, которых, несмотря ни на какое старание, не могут ни обозреть, ни привести в порядок"²⁸. Только с введением курсовой системы организации учебного процесса, предполагавшей строгое распределение всех предметов по годам обучения, удалось создать оптимальную последовательность преподавания, при которой студентам была предоставлена возможность "ежегодно, по мере снискиваемых ими сведений, постепенно переходить от одной науки к другой и, наблюдая такую очередь, к концу назначаемого учебным планом срока приобрести потребное врачу познание всей медицины и всего врачебного искусства"²⁹, при которой клиническая подготовка стала завершающим и основным этапом обучения на медицинском факультете.

Но и этим важнейшим нововведением университетская реформа середины 30-х годов 19 столетия для медицинского факультета не исчерпывалась. С принятием "Общего Устава Императорских Российских Университетов" весьма существенному пересмотру подверглась и процедура проведения выпускных университетских экзаменов, которые на медицинских факультетах, начиная с 1810 года, стали одновременно и государственной аттестацией на медицинские звания, дававшие право на самостоятельную врачебную практику. И хотя новый порядок аттестации на медицинские звания определялся не "Уставом" 1835 года, а специальными "Правилами испытания медицинских, ветеринарных и фармацевтических чиновников и вообще лиц, занимающихся врачебною практикою", высочайше утвержденными в 1838 году, для молодых людей, которые завершали обучение на медицинском факультете Московского университета и желали посвятить себя врачебной практике, эти два самостоятельных документа представляли собой единое

²⁸ Мудров М. Я. О пользе врачебной пропедевтики, то есть медицинской энциклопедии, методологии и библиографии/М. Я. Мудров. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 268.

²⁹ Там же. — С. 266.

целое. Для них "Правила испытания медицинских чиновников" превращались в непосредственное продолжение главы VI "Устава", определявшей "порядок проведения всех университетских испытаний", в примечании к которой говорилось, что "О возведении в ученые степени по медицинской части и о присвоенных сим степеням правах и преимуществах существуют особые постановления..."³⁰. В свою очередь в "Правила испытания медицинских... чиновников..." в целом ряде разделов, которыми должны были руководствоваться экзаменаторы при "испытании" выпускников медицинских факультетов университетов, давались прямые ссылки на "Устав". Более того, сам факт замены ранее действовавших "Правил об экзаменах медицинских чиновников" (1810) был обусловлен главным образом принятием в 1835 году новых уставов для четырех российских университетов и Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

Согласно новым "Правилам испытания медицинских... чиновников...", выпускники медицинских факультетов могли претендовать только на звание лекаря. Существовавшая ранее возможность быть аттестованным на звание (ученую степень) доктора медицины отныне полностью ликвидировалась. Для того чтобы быть допущенным к "испытанию" на звание доктора медицины, требовалось как минимум уже иметь "звание лекаря и прослужить в нем" от 4 до 6 лет³¹, что, кстати говоря, полностью коррелировало с соответствующим положением "Устава", определявшим порядок аттестации на ученую степень доктора по другим факультетам. Претендовать на докторскую степень отныне разрешалось только тем, кто уже был удостоен степени ма-

³⁰ Устав 1835 года. — Стб. 985.

³¹ Правила испытания медицинских, ветеринарных и фармацевтических чиновников и вообще лиц, занимающихся врачебною практикою // Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1875. — Стб. 1443 (Далее: Правила испытания медицинских... чиновников... — Стб. 1443).

гистра, и только через год после защиты магистерской диссертации³².

Следующее нововведение касалось порядка формирования экзаменационной комиссии и означало окончательное признание органами государственной власти медицинских факультетов российских университетов в качестве полноправных высших медицинских учебных заведений. Отныне "при врачебном экзамене в Университетах" при полном сохранении его статуса уже не требовалось обязательного присутствия "одного или двух Членов Врачебной Управы, или других медицинских чиновников, доверия заслуживающих"³³. Экзамены на любые медицинские звания должны были принимать только профессора медицинского факультета.

Изменялось и содержание самого "лекарского испытания". Во-первых, выпускники медицинских факультетов должны были теперь сдавать экзамены не по тем 16 предметам, которые указывались в "Правилах испытания медицинских... чиновников...", а, как гласило примечание к параграфу 14, по всем наукам, "которые, на основании уставов сих заведений, в течение полного курса им были излагаемы"³⁴. И мы не случайно упомянули число 16. В новых "Правилах испытания медицинских... чиновников..." соответствующий параграф с подробным перечислением всех 16 экзаменационных дисциплин сохранился практически без изменений, но стал относиться только к тем, кто хотел сдать лекарский экзамен и при этом не обучался ни в каком-либо из российских университетов, ни в академии. Выпускники же медицинского факультета Московского университета, претендовавшие на звание лекаря, сдавали не 16, а, как свидетельствуют обнаруженные нами архивные

³² Устав 1835 года. — Стб. 986.

³³ Правила об экзаменах медицинских чиновников//Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 616.

³⁴ Правила испытания медицинских... чиновников... — Стб. 1440—1441.

документы, 27 экзаменов, на которые "Правилами испытания медицинских... чиновников..." отводилось шесть недель. Правда, справедливости ради следует заметить, что некоторые из этих 27 экзаменов, а именно: минералогию, ботанику, зоологию, математико-физику, химию, фармацию — им перезачитывали по результатам весенней сессии после четвертого полугодия³⁵.

Во-вторых, в ходе следующего этапа "лекарского испытания" соискатели этого звания должны были не только "сделать анатомио-физиологическую демонстрацию какого-либо органа или части тела" и "доказать, что умеют производить так называемые малые Хирургические Операции", но также "вскрыть мертвое тело по правилам Судебной Медицины" и "сделать Хирургическую Операцию на мертвом теле, с описанием подвергающихся операции частей"³⁶. Последнее, безусловно, не означало, что после 1835—1838 годов лекари — выпускники медицинского факультета Московского университета были уже не только интернистами, но и хирургами. Для получения права на самостоятельную хирургическую практику по-прежнему требовалось пройти дополнительную аттестацию и получить звание медика-хирурга, которое, кстати, с этого времени в табели о рангах медицинских чиновников перестало уже быть выше звания доктора медицины. Однако введение дополнительного "испытания" из области оперативной хирургии произошло не случайно. Оно явилось прямым следствием целого направления реформы университетского медицинского образования 30-х годов 19 века, заключавшегося в стремлении (прежде всего руководителей Министерства народного просвещения) значительно расширить объем хирургической подготовки на медицинских факультетах, о чем будет подробнее сказано ниже.

³⁵ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 346. — Д. 30. — Л. 32—33.

³⁶ Правила испытания медицинских... чиновников... — Стб. 1441.

Заключительный этап лекарского экзамена посвящался тому, "чтобы удостовериться в практических способностях испытуемого", для чего "назначаются ему в медицинской и хирургической клиниках больные, не менее трех в каждой, коих он должен лечить под руководством Профессоров, по крайней мере, в продолжение двух недель. После чего представляет на рассмотрение собранию экзаменаторов составленные им истории болезней с выводами (epicrisis) и свидетельство Профессоров клиник об окончании сей части испытания и оказанных им при этом познаниях"³⁷. И вот как раз в этот последний этап "испытания", после которого уже следовало присвоение звания, новые "Правила испытания медицинских чиновников" вносили самые радикальные изменения. Примечанием к процитированному выше параграфу на первый взгляд совершенно неожиданно, учитывая общую направленность реформы на придание университетскому медицинскому образованию более специального и практического характера, определялось, что он "относится до посторонних лиц, подвергающихся экзамену в... Университетах"³⁸. Иными словами, начиная со второй половины 30-х годов, студенты медицинского факультета Московского университета для получения лекарского звания практического "испытания" в клинике у постелей больных больше проходить были не должны.

Однако ничего "неожиданного" в таком решении не было. "Уставом" 1835 года предусматривалось обязательное посещение студентами клинических занятий, и составителям "Правил испытания медицинских... чиновников..." было совершенно очевидно, что если профессор-клиницист в ходе занятий и по результатам нескольких этапных "испытаний" не сможет составить себе представление о том или ином студенте, то это ему тем более не удастся на выпускном экзамене. Отмена практического "испытания" у poste-

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

лей больных в клинике не только не противоречила общему духу осуществленных преобразований, но, напротив, стала прямым следствием реформы организации и содержания учебного процесса на медицинских факультетах российских университетов, вызванной принятием и введением нового университетского устава.

ВВЕДЕНИЕ "ОБЩЕГО УСТАВА ИМПЕРАТОРСКИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ" В ДЕЙСТВИЕ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В сравнении с "Уставом Императорского Московского университета" (1804) нововведения, запланированные разработчиками и составителями "Общего Устава Императорских Российских Университетов" (1835) в плане организации и содержания учебного процесса, носили менее радикальный характер. И все же объем предстоявших преобразований был весьма значителен. Профессорам университета вновь предстояла большая и очень непростая работа. К чести руководителей Министерства народного просвещения следует отметить, что они это прекрасно понимали. Уже вскоре после высочайшего утверждения устава министр народного просвещения С. С. Уваров принял негласное решение не форсировать события в течение тех двадцати с небольшим дней, что оставались до начала учебного года, а вводить новый устав в действие с 1 января 1836 года с тем, чтобы иметь возможность спокойно и обстоятельно продумать и согласовать все вопросы, связанные с предстоящей

реорганизацией учебного процесса в университете. "По всей вероятности, — сообщал 3 сентября 1835 года Совету Московского университета попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов, — введение нового Устава в полное действие воспримет свое начало с будущего 1836-го года. Но дабы тотчас, по получении о сем предписания высшего начальства, можно было приступить к исполнению онаго, я необходимым признаю заблаговременно приготовить и предварительно составить новое распределение и размещение по всем частям на основании сего Устава... В таком случае, — говорилось далее в письме попечителя, — долгом поставляю себе покорнейше просить почтеннейших Членов Совета Императорского Московского Университета, не теряя времени, заняться рассмотрением сего дела в том разуме, каким образом приступить к исполнению нового Устава, как в отношении преподавателей и преподаваемых предметов, так и в отношении учащихся, сообразно новому распределению кафедр... Я полагаю, что удобнее можно будет приступить к таковому соображению, начав оное отдельно в факультетах, которые внесут свои предложения на общее рассмотрение Совета"¹.

Как показали дальнейшие события, развернувшиеся вокруг внедрения нового устава на медицинском факультете, тайм-аут Министерством народного просвещения был предоставлен не напрасно. Профессора медицинского факультета приступили к исполнению "покорнейшей просьбы" попечителя без малейшего промедления, но представить свои соображения, "как в отношении преподавателей и преподаваемых предметов, так и в отношении учащихся, сообразно новому распределению", смогли лишь спустя без малого два месяца — 26 октября 1835 года. И все это время они не сидели сложа руки. Достаточно сказать, что в течение сентября—октября 1835 года проблема распределения указанных в "Уставе" учебных предметов по кафедрам и по полугодиям

¹ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 4. — Д. 396. — Л. 1.

три раза (12, 21 и 27 сентября)² рассматривалась на заседаниях Совета факультета и трижды (9, 12 и 26 октября)³ профессора медицинского факультета выносили ее на обсуждение Совета университета.

У профессоров медицинского факультета возникло много замечаний и претензий к тексту параграфа 13 "Устава".

Во-первых, они высказали обоснованное сомнение в возможности организации таких кафедр, как "Врачебное веществословие" и "Скотолечение". Профессора полагали, что объем преподавания по каждой из них будет просто непосилен для одного профессора, и предложили разделить каждую из названных кафедр на две (табл. 3) и ввести на факультете четыре ординарные профессорские должности для преподавателей фармацевтических и ветеринарных наук.

Во-вторых, требовалось решить вопрос об организации самостоятельной кафедры семиотики, включение которой в число кафедр медицинского факультета, как уже отмечалось, стало результатом ошибки, допущенной в Комитете устройства учебных заведений, готовившем новый университетский устав. Для профессоров медицинского факультета было совершенно очевидно, что семиотика и как научно-практическая, и как учебная дисциплина не имела того уровня развития и не накопила того объема фактических данных, которые позволили бы выделить ее в самостоятельный ординарный профессорский курс. В связи с этим они единодушно высказались против создания отдельной кафедры семиотики, но тут же возник вопрос о том, профессору какой кафедры передать преподавание этой дисциплины, исключать которую из учебного плана, конечно же, никто не собирался.

После неоднократного обсуждения профессора постановили, что поскольку семиотика "собственно есть одна из ге-

² ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 5—46.

³ Там же. — Л. 46—66.

неральных частей Патологии", то и "преподавание ее присоединить к Общей Патологии"⁴. Выход не лучший, так как это решение неминуемо должно было привести к установлению сугубо теоретического характера преподавания курса семиотики.

Профессоров, однако, можно понять. Они, конечно же, знали, что в Петербургской и Московской медико-хирургических академиях с 1828 года преподавание семиотики велось у постелей больных отдельным преподавателем кафедры терапевтической клиники. Но пойти по пути, избранному их академическими коллегами, не могли, потому что он предусматривал разделение единого курса частной патологии, терапии и клиники на две самостоятельные кафедры (один профессор не смог бы вести занятия сразу по четырём предметам преподавания: семиотике, терапевтической клинике, частной патологии и терапии). А читать сугубо теоретически в отрыве от больных систематический курс болезней, составлявший предмет изучения и преподавания частной патологии и терапии, было, с их точки зрения, ещё большим злом, нежели теоретическое изложение курса семиотики. Ещё в 1832 году профессора Московского университета во всеуслышание заявляли, что "не следует отделять Терапевтическую Клинику от Профессора Частной Терапии", поскольку, во-первых, "профессора оных могут быть различны в образе суждений и понятий, и тем могут приводить в недоумение слушателей касательно описания лечения, между тем, как клиника должна быть практической проверкою теоретического преподавания"⁵, а во-вторых, потому что преподавание систематического курса болезней должно обязательно сопровождаться демонстрацией больных.

Точно так же профессора медицинского факультета высказались и в отношении замысла о разделении единой ка-

⁴ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 4. — Д. 396. — Л. 25.

⁵ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). — Ф. 404. — Ед. хр. 21. — Л. 42 об.—43.

Таблица 3. Проекты распределения учебных дисциплин медицинского факультета по кафедрам

"Общий Устав Императорских Российских университетов"	Проект Совета Московского университета 26.10.1835 г.	Проект Министерства народного просвещения 18.10.1835 г.	Итоговый проект Совета Московского университета
<p>1. Анатомия: а) Анатомия человеческого тела, с присовокуплением Специальной Физиологии и важнейших статей из Сравнительной Анатомии; б) Анатомия Патологическая; в) рассечение трупов</p> <p>2. Физиология: а) Физиология Общая; б) Общая Патология</p> <p>3. Врачебное веществословие а) Общая терапия; б) Врачебное веществословие, токсикология и изъяснение минеральных вод; в) Фармация; г) Рецепттура; д) Диететика или Гигиена</p> <p>4. Клиника а) Частная Патология и Терапия; б) Клиника в больнице</p> <p>5. Семиотика</p> <p>6. Хирургия Умозрительная</p>	<p>1. Анатомия: а) Анатомия человеческого тела, с присовокуплением Специальной Физиологии и важнейших статей из Сравнительной Анатомии; б) Анатомия Патологическая; в) рассечение трупов</p> <p>2. Физиология вообще и Общая Патология и Семиотика</p> <p>3. Врачебное веществословие, Общая Терапия и Диететика или Гигиена</p> <p>4. Фармация, Рецепттура, Токсикология и изъяснение Минеральных вод</p> <p>5. Частная Патология и Терапия</p> <p>6. Хирургия Умозрительная</p>	<p>1. Анатомия здорового и больного человека, с предварительным изложением Общей Анатомии</p> <p>2. Физиология и Общая Патология</p> <p>3. Общая Терапия, Врачебное Веществословие (Фармакология или Материя медика) со включением учения о Минеральных водах; Рецепттура, Фармация</p> <p>4. Частная Патология и Терапия</p> <p>5. Клиника внутренних болезней (Терапевтическая), учение о душевных болезнях, Патологическая Семиотика</p> <p>6. Общая и Частная Хирургия</p>	<p>1. Анатомия здорового и больного человеческого тела</p> <p>2. Физиология и Общая Патология</p> <p>3. Фармация, Рецепттура, Токсикология и изложение Минеральных вод (в смысле химическом)</p> <p>4. Общая Терапия, Гигиена, врачебное веществословие и изложение Минеральных вод (в смысле врачебном)</p> <p>5. Частная Патология и Терапия</p> <p>6. Клиника внутренних болезней (Терапевтическая), учение о душевных болезнях. Патологическая Семиотика</p>

Продолжение

"Общий Устав Императорских Российских университетов"	Проект Совета Московского университета 26.10.1835 г.	Проект Министерства народного просвещения 18.10.1835 г.	Итоговый проект Совета Московского университета
<p>7. Хирургия Операционная, глазных болезней и Хирургическая Клиника</p> <p>8. Повивальное искусство: а) повивальное искусство; б) о женских и детских болезнях; в) способ прививания оспы; г) помощь родильницам и лечение их и новорожденных</p> <p>9. Судебная Медицина: а) Судебная Медицина, Медицинская Полиция, способ лечить смертные обмороки, утопших и пр.; б) История и Литература Медицины, в) Энциклопедия и Методология</p> <p>10. Скотолечение</p>	<p>7. Хирургия Операционная и глазных болезней</p> <p>8. Повивальное искусство: а) повивальное искусство; б) о женских и детских болезнях, способы прививания оспы; помощь роженицам и лечение их и новорожденных</p> <p>9. Судебная Медицина: а) Судебная медицина, Медицинская Полиция и способы лечить смертельные обмороки; б) История и Литература Медицины, Энциклопедия и Методология</p> <p>10. Скотолечение</p> <p>11. Ветеринарная Анатомия, Физиология и рассечение трупов животных</p> <p>Клиника в Институтах: Терапевтическом, Хирургическом и Повивальном. Клиническая практика в больнице</p>	<p>7. Хирургия мануальная (оперативная со включением окулистики и Хирургической Анатомии, Клиника наружных болезней (Хирургическая)</p> <p>8. Акушерство, Акушерская клиника. Учение о Женских и Детских болезнях</p> <p>9. Гигиена; Медицинская Полиция, Токсикология, Судебная Медицина, История и Литература Медицины</p> <p>10. Ветеринарная Наука</p>	<p>7. Общая и Частная Хирургия с Наукою о переломах и вывихах</p> <p>8. Хирургия Оперативная с Клиническою и Анатомия Хирургическая</p> <p>9. Окулистика с Клиникою Глазных болезней и Десмургия</p> <p>10. Акушерство, Женские и детские болезни</p> <p>11. Судебная Медицина, Медицинская Полиция; История и Литература Медицины, Энциклопедия и Методология</p> <p>12. Ветеринарная наука</p>

федры хирургии на кафедру хирургической клиники и кафедру "Умозрительной хирургии", в рамках которой в отрыве от больных планировалось читать систематический курс частной патологии и терапии наружных болезней⁶. Иными словами, в невольной полемике, возникшей между Ю. Х. Лодером и И. Ф. Бушем в ходе подготовки "Устава" 1835 года профессора Московского университета полностью заняли позицию Ю. Х. Лодера, идеи которого, по-видимому, были им значительно ближе.

Из сказанного, правда, не следует делать вывод о том что, обсуждая в сентябре—октябре 1835 года преобразования в организации и содержании учебного процесса, связанные с внедрением новой учебной программы для медицинского факультета, профессора руководствовались исключительно идеями Ю. Х. Лодера, о которых, кстати говоря, учитывая особенности характера Ю. Х. Лодера и его особый статус в Московском университете, они вполне могли и не знать. У них были и свои, причем весьма смелые и неординарные, замыслы. В частности, профессора выступили с предложением увеличить до двух лет продолжительность обучения студентов в клиниках у постелей больных и впервые в истории высшего медицинского образования в России поставили вопрос о разделении этого двухлетнего курса клинической подготовки на два последовательных этапа. Первый и уже фактически существовавший, согласно замыслу профессоров, должен был обеспечить студентам возможность изучать в курсе частной патологии и терапии все известные болезни, познакомиться в клинических институтах с клинической картиной, особенностями течения и подходами к терапии наиболее распространенных из них; освоить навыки опроса и осмотра пациентов, "привыкнуть к обращению с больными всякого возраста", "приучиться замечать припадки болезней, писать истории оных, ходить за больными, перевязывать раны

⁶ Там же. — Л. 42 об.

производить так называемую малую хирургию... то есть: пускать кровь жильную, пиявочную, ложешную; делать заволоки, скарификации, прижигания, прикладывать... пластыри, гишпанских мух и другие, ставить катетер, делать спринцевания и т. п."⁷.

Задача второго этапа клинической подготовки заключалась в предоставлении студентам условий для самостоятельной работы с больными, возможности применять на практике под контролем профессора и его помощников приобретенные знания и навыки. "Совет Университета признает полезным и даже необходимым, — говорилось в письме попечителю от 26 октября 1835 года, — кроме находящихся при Университете Клинических Институты, учредить в которой либо из Московских Городских больниц или госпиталей практическую медико-хирургическую клинику, где молодые люди, уже получившие изложенный в предыдущем пункте навык в наблюдениях и обращении с больными, могли бы не только смотреть как действуют их учителя, но и сами действовали бы под надзором опытных врачей, и таким образом прежде поступления на службу достигали бы достаточной степени совершенства в медицинской и хирургической практике... В надежде, что такое предложение Совета будет уважено, — отмечалось далее в документе, — расположить и предметы учения так, чтобы в продолжение целого пятого года учения как можно менее заняты были учащиеся лекциями, дабы все свободное от Университетских лекций время... находиться на таковой Клинической практике в больнице"⁸.

Оценивая предложения профессоров медицинского факультета Московского университета, необходимо признать, что без малого два месяца были потрачены не зря. Однако этих двух месяцев оказалось достаточно не только для того, чтобы профессора смогли полностью продумать, согласо-

⁷ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 4. — Д. 396. — Л. 27.

⁸ Там же. — Л. 27—28.

вать и сформулировать свою позицию в отношении порядка введения нового устава в действие, но и для того, чтобы руководители Министерства народного просвещения смогли опомниться и осознать совершенную ими ошибку. Они хотя и с опозданием, но все-таки поняли, что нельзя поручать университетам самим составлять учебные планы, поскольку шансы на то, что подготовленные в четырех российских университетах планы даже по основным вопросам окажутся идентичными, практически равнялись нулю. А в таком случае автоматически ставилась под удар идеология единого общероссийского университетского устава, становилось невозможным исполнение параграфа 94, которым, в частности, определялось, что "Студент, начавший лекции в одном из Русских Университетов, может окончить оныя в другом, с зачетом времени (времени, а не прослушанных учебных дисциплин. — *Авт.*) пребывания в первом в число лет, определенных для окончания полного курса..."⁹.

В Министерстве опомнились уже в середине октября 1835 года, и 18-го числа С. С. Уваров направил С. Г. Строганову готовый министерский проект "распределения кафедр и расписания учебных предметов по полугодиям"¹⁰. Иными словами, еще до того, как на заседании Совета 26 октября 1835 года профессора Московского университета составили свое "итоговое мнение", у попечителя уже имелся готовый ответ на обсуждавшийся вопрос.

Предложенный С. С. Уваровым вариант распределения учебных предметов медицинского факультета по кафедрам представлен в табл. 3 и, как несложно заметить, предусматривал две принципиальные поправки к тексту параграфа 13 "Устава". Первая состояла в том, что С. С. Уваров в отличие от своего предшественника точно и аккуратно перенес все замечания И. Ф. Буша в лодеровский проект, предписав разделить единый курс частной патологии, терапии и кли-

⁹ Устав 1835 года. — Стб. 983.

¹⁰ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 7.

ники и организовать две самостоятельные кафедры: а) "Частной Патологии и Терапии"; б) "Терапевтической клиники и Патологической Семиотики".

Как покажут дальнейшие события, развернувшиеся на медицинском факультете Московского университета в 40—50-х годах. 19 века, это решение оказалось в целом правильным. Правда, на первых порах, как и предполагали московские профессора, определенные трудности с организацией самостоятельной

Сергей Семенович Уваров (1786—1855) — министр народного просвещения (1833—1849)

кафедры частной патологии и терапии все-таки возникли: не удалось сразу же добиться наглядности преподавания, возникли серьезные проблемы с перераспределением учебного материала и согласованием курсов клиники внутренних болезней и частной патологии и терапии. Но как только была окончательно разработана и внедрена идея этапности клинического преподавания, эти проблемы мгновенно отошли на второй план. Всем стало совершенно очевидно, что прежняя необходимость профессору клиники читать еще и систематический курс внутренних болезней не позволяла надлежащим образом обучать студентов собственно врачебному искусству¹¹.

¹¹ Подробнее об этом см.: Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Факультетские клиники Московского университета во второй половине 19 века//Терапевтический архив. — 2001. — С. 64—71.

Что же касается второй поправки, сделанной С. С. Уваровым, то она практически уничтожила лодеро-мудровский замысел создания кафедры естественнонаучных основ клинической медицины. Во-первых, вместо единого анатомо-физиологического предмета в присланных С. С. Уваровым проектах распределения учебных дисциплин "по кафедрам" и "по полугодиям" речь шла всего лишь о преподавании нормальной анатомии. Во-вторых, ликвидировался самостоятельный курс "рассечение трупов", а секционные занятия предписывалось объединить с преподаванием курса нормальной анатомии, что автоматически исключало из учебного плана медицинского факультета секционные занятия по анатомии патологической. И, наконец, в-третьих, С. С. Уваров перенес преподавание курса "патологическая анатомия" с третьего на пятый год обучения¹². Последнее не только полностью противоречило идеологии лодеровского замысла, но и создавало очень серьезную угрозу для будущего патологической анатомии в Московском и других российских университетах. Преподавать патологическую анатомию как фундаментальную науку на пятом курсе, т. е. уже после того, как студенты прослушают курсы частной патологии и терапии внутренних и хирургических болезней и приступят к освоению клинических дисциплин, было невозможно в принципе. Как следствие исполнение министерских предписаний должно было неминуемо привести к появлению в учебной программе медицинских факультетов российских университетов не фундаментального, а прикладного курса этой науки.

Почему С. С. Уваров пошел на пересмотр идеологии преподавания одного из важнейших курсов медицинского факультета, точно неизвестно. Однако, вероятнее всего, он сделал это неосознанно, просто подписав поданный ему проект нового учебного плана. Что же касается уваровских советников, то они, судя по всему, не понимали фундамен-

¹² ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 10—11 об.

тального значения патологической анатомии в силу того, что, подобно большинству врачей начала 19 века, рассматривали ее как дисциплину, изучающую лишь морфологические знаки болезней. А при таком взгляде на патологическую анатомию рекомендовать ее размещение в учебном плане медицинского факультета среди дисциплин третьего курса было столь же необоснованно, как и вводить курс фундаментальной науки для студентов пятого года обучения.

Проект распределения учебных дисциплин медицинского факультета по кафедрам и полугодиям, разработанный в Министерстве народного просвещения и направленный С. С. Уваровым 18 октября 1835 года в Московский университет, представлял собой готовый сценарий введения "Устава" 1835 года. Но С. Г. Строганов не стал немедленно информировать Совет о пришедших из Петербурга документах. Он решил выдержать паузу и исполнить предписание министра об их передаче Совету "...для принятия в основание распоряжений по Медицинскому Факультету при предполагаемом введении в действие Устава и Штата..."¹³ только 8 ноября, т. е. двумя неделями позже того, как Совет составил собственные "распределения".

Принятое С. Г. Строгановым решение было не только смелым, но и, как показали дальнейшие события, более чем дальновидным. В первой половине 19 столетия Московскому университету откровенно везло на талантливых, сильных и перспективно мыслящих организаторов. С. Г. Строганов отлично понял, что в середине 30-х годов профессора медицинского факультета уже не нуждались в подсказках, и по ходу работы над составлением нового учебного плана увидел, что у них имелись свои соображения и замыслы. Немедленная же передача Совету министерских распоряжений могла, как сказал бы Ф. Р. Бородин, уничтожить "высокий взлет ищущей новых путей научной мысли" и заставить профессоров просто принять их,

¹³ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 7 об.

что называется, к исполнению. И расчет С. Г. Строганова полностью оправдался. Когда 8 ноября профессора медицинского факультета познакомились с предложениями и рекомендациями С. С. Уварова, которые по многим вопросам, мягко говоря, не совпадали со взглядами Совета, дальнейшая работа над составлением учебного плана медицинского факультета стала заключаться не в послушном исполнении воли начальства, а в поиске разумного компромиссного варианта.

На подготовку нового распределения учебных дисциплин факультета по кафедрам и полугодиям ушло еще около месяца. Совет медицинского факультета собирался трижды (11, 14 и 18 ноября)¹⁴, и компромисс в конечном итоге был найден. Министр настаивал на выделении преподавания "Умозрительной хирургии" и частной патологии и терапии внутренних болезней в отдельные кафедры, и профессора признали, что одному преподавателю (как хирургу, так и интернисту) будет не просто читать систематический курс болезней и параллельно вести клинические разборы и практические занятия со студентами у постелей больных. Но для московских профессоров сохранение единых кафедр хирургии и частной патологии, терапии и клиники не было самоцелью. Главным для них являлось установление теоретико-практического характера преподавания курсов частной патологии и терапии наружных (хирургия) и внутренних болезней с обязательными клиническими демонстрациями. Поэтому, согласившись на создание самостоятельных кафедр "умозрительной хирургии" и "частной патологии и терапии" внутренних болезней, они одновременно поставили вопрос о необходимости введения процедуры тематического подбора больных в университетские клиники. В этом случае, хотя преподавание курсов частной патологии и терапии становилось сугубо теоретическим, у студентов сохранялась возможность познакомиться с болезнями,

¹⁴ Там же. — Л. 45—62.

о которых рассказывалось в лекциях. "Неоценимая была бы польза для студентов, — говорилось, в частности, в "особом мнении" А. А. Иовского, дополнявшем проект Совета медицинского факультета и раскрывавшем ряд его положений, — ежели бы уже существующие при Университете клиники содержали таких больных, о болезнях которых идет речь в определенное время у Профессора Терапии и Хирургии. Больных таковых легко могут доставить разные московские больницы и Госпитали по сношению с ними г.г. Профессоров через содействие начальства. Таковые клиники были бы настоящими школами теоретического и практического учения о лечении болезней"¹⁵.

Проект С. С. Уварова не оставлял профессорам шансов на организацию дополнительной "медико-хирургической клиники", но и по этому принципиальному вопросу профессора смогли предложить компромиссный вариант, сохранив свою идею установления этапности клинической подготовки студентов медицинского факультета. "Внимание студента упражняемое и теоретически и практически целый четвертый год в лечении больных, на пятый год, не скудное уже, в полном смысле наукою, совершенствуется наблюдением в других больницах, — говорилось далее в "особом мнении" А. А. Иовского. — Итак в пятый год студенты, изучившие уже медицину и теоретически, и практически, могут и должны посещать утром и вечером другие городские больницы, а в продолжении дня заниматься слушанием остальных медицинских лекций"¹⁶.

Забегая несколько вперед, отметим, что, хотя С. С. Уваров и одобрил предложение московских профессоров о постепенном привлечении студентов к работе с больными, Министерство народного просвещения не сделало ничего ни для организации тематического подбора больных, ни для обеспечения студентам пятого курса возможности про-

¹⁵ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 61 об.

¹⁶ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 62.

ходить практическое обучение в городских больницах. Идею московских профессоров о введении этапности клинической подготовки студентов медицинского факультета удалось воплотить в жизнь только после 1845 года, когда было принято "Дополнительное постановление о медицинском факультете Императорского Московского университета".

Единственный вопрос, по которому профессора Московского университета не смогли или не захотели искать компромиссного варианта, касался порядка преподавания патологической анатомии. Совет университета заявил свое решительное несогласие с переносом курса патологической анатомии на 5-й год обучения студентов на факультете. Профессора П. П. Эйнбордт и А. А. Иовский даже подали по этому поводу в Министерство "особые мнения": П. П. Эйнбордт выступил с резкой критикой в адрес предпринятой попытки внести изменения в задуманный его учителем Ю. Х. Лодером план организации кафедры нормальной анатомии, а А. А. Иовский в свою очередь заявил, что не понимает, как можно читать курс фармакологии в условиях, когда студенты еще не знают даже азов патологической анатомии. "Теперь уже не можно составить того фармакологического сведения, — говорилось, в частности, в "особом мнении" А. А. Иовского, — что ревень имеет силу слабитель: теперь требуется очевидный отчет о том, от чего происходит слабительное свойство его и какие перемены он производит в теле. Теперь требуется даже познание места, на которое действует слабительное лекарство... По сему преподавание фармакологии в таковом значении может быть полезно только по выслушиванию курса физиологии и анатомической патологии"¹⁷.

С. Г. Строганов не стал мешать профессорам факультета высказывать свое мнение. Но предоставив профессуре известную "свободу рук", все же следил за тем, чтобы подго-

¹⁷ Там же. — Л. 60—60 об.

тавливаемый учебный план максимально соответствовал принципиальным установкам Министерства народного просвещения. "Преподавание хирургии... по своей важности должно быть гораздо пространнее..., — писал он ректору Московского университета, направляя "распоряжения" С. С. Уварова по медицинскому факультету, — почему Медицинский Факультет сделал бы постановление преподавания сего предмета, разделив на три кафедры¹⁸. Сказать, что профессора сильно воспротивились полученному указанию, нельзя, но и особого восторга попечительское предложение у них не вызвало. Если судить по протоколам заседаний Совета факультета, то главной своей целью в ходе решения поставленной задачи профессора считали, увеличив "число преподавателей", не нарушить сложившиеся внутренние логические связи между отдельными дисциплинами, составлявшими прежде единый курс хирургии. При возникшем обсуждении были высказаны различные предложения, но в конечном итоге профессора остановились на том варианте распределения дисциплин хирургического профиля, который приведен в табл. 3.

20 ноября 1835 года итоговый проект учебного плана, составленный профессорами медицинского факультета, вместе с дополнявшими его особыми мнениями был отправлен в Петербург. Он выгодно отличался от министерского "распределения предметов медицинского факультета по кафедрам и по полугодиям". Не заметить этого было нельзя. С. С. Уварова возмутило своеволие попечителя и Совета Московского университета, но С. Г. Строганов заранее предусмотрел возможное недовольство министра и нашел способ продемонстрировать ему компромиссный характер присланных документов. Он послал в министерство не только итоговое мнение Совета медицинского факультета от 20 ноября 1835 года, но и предыдущий октябрьский проект профессоров, дав тем самым понять, что министерские рас-

¹⁸ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 46 об.

поряжения от 18 октября 1835 года были тщательно проработаны, но в интересах дела в них пришлось внести некоторые коррективы.

С. С. Уваров все понял и поступил примерно так же, как С. Г. Строганов и московские профессора. Он, скрепя сердце, одобрил подготовленный Советом университета проект распределения учебных дисциплин по кафедрам, санкционировав введение двух дополнительных ординарных профессорских должностей на медицинском факультете. "В Медицинском Факультете полагается, согласно с Вашим проектом, 12 кафедр вместо 10, прежде назначенных в одобренном мною проекте распределения Медицинских кафедр, сообщенном Вашему Сиятельству от 18-го октября сего года, — писал С. С. Уваров в ответном письме от 31 декабря 1835 года. — Таковое изменение допущено ныне по тому только уважению, что расписание кафедр составлено на один год: опыт покажет, которое разделение выгодно для науки"¹⁹. Что же касается проекта распределения учебных дисциплин по полугодиям, то здесь министр остался непреклонен, потребовав неукоснительного исполнения своего предписания от 18 октября 1835 года.

* *
*

Судьба университетского устава 1835 года, прослужившего в качестве основного закона деятельности медицинского факультета Московского университета меньше времени, чем потребовалось на его подготовку, может быть по праву отнесена к числу самых больших и до сих пор неразрешенных загадок в истории отечественного высшего медицинского образования. В самом деле: десять лет готовить устав, привлечь к этой работе в первую очередь московских профессоров, широко использовать их предложения и спустя

¹⁹ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 5. — Д. 1. — Л. 4 об.

всего восемь лет после введения устава в действие именно в Москве отказаться от "рожденного" с таким трудом документа, заменив его "Дополнительным постановлением о медицинском факультете Императорского Московского университета" (1845).

В отечественной историко-медицинской литературе высказывается суждение, что главной причиной случившегося послужило слияние в первой половине 40-х годов 19 века медицинского факультета Московского университета с Московской медико-хирургической академией²⁰. Однако эта точка зрения вряд ли может быть признана достаточно обоснованной, поскольку само по себе слияние двух учебных заведений совершенно не требует кардинального пересмотра уставных документов того из них, на базе которого это слияние осуществляется. Поиски ответа на вопрос о причинах, заставивших руководителей Министерства народного просвещения пойти на пересмотр всего пакета документов, регламентировавших деятельность "московского медицинского факультета", привели нас к необходимости воссоздания реально существовавшего в рамках действия "Устава" 1835 года учебного плана медицинского факультета Московского университета.

До настоящего времени подобная попытка была предпринята лишь однажды авторами вышедшей в свет в 1997 году монографии "История высшего медицинского образования в России"²¹. Однако эту попытку нельзя назвать удачной, хотя бы потому, что многие из приведенных

²⁰ См., например: Страшун И. Д. 175 лет/В кн.: 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 21; Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова/В кн.: Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 21; 225 лет Первому Московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М., 1990. — С. 24.

²¹ Изуткин Д. А., Тамарин Ю. А., Камаев И. А. История высшего медицинского образования в России. — Нижний Новгород, 1997. — С. 26.

Д. А. Изуткиным, Ю. А. Тамариным и И. А. Камаевым данных прямо противоречат сохранившимся документам, а каких-либо ссылок в монографии указанных авторов не содержится.

Основой для выполненной нами реконструкции учебного плана, сложившегося на медицинском факультете Московского университета в рамках действия "Устава" 1835 года и представленного в табл. 4, послужили изданные в 1837—1845 годах в типографии Московского университета "Обозрения преподавания наук в Императорском Московском университете..." и "Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета...". "Обозрения..." позволили получить сведения, касающиеся перечня читавшихся на факультете курсов и распределения их по полугодиям, "Отчеты..." — проверить эту информацию и дополнить ее данными о количестве часов, отводившихся на преподавание того или иного курса.

Как видно из представленной таблицы, большинство нововведений "Устава" 1835 года нашло отражение в реально действовавшем учебном плане медицинского факультета Московского университета в период с 1837/38 по 1844/45 учебный год. В частности, введен пятилетний курс обучения, осуществлено строгое распределение всех предметов по полугодиям, организовано преподавание самостоятельных курсов патологической анатомии и семиотики, за исключением анатомии с 2 лет до 1 года сокращено преподавание всех базовых естественнонаучных дисциплин, исключены из учебной программы факультета такие "школьные" дисциплины, как математика, география, история, что позволило высвободить необходимые часы для введения новых учебных дисциплин. Причем последнее было сделано без какого-либо ущерба для общеобразовательной подготовки будущих врачей. Как справедливо заметил инспектировавший в 1840 году Московский университет лейб-медик Е. И. Раух, благодаря значительному "росту школьного образования" в гимназиях Московского учебного округа и но-

вому порядку приема студентов в университет их преподавание на медицинском факультете попросту потеряло смысл²².

Внедренный московскими профессорами в 1837/38 учебном году новый учебный план медицинского факультета был несомненно лучше того, который действовал до времени принятия "Устава" 1835 года. Однако, как показывает более обстоятельный анализ материалов, представленных в табл. 4, победу в деле разработки единого учебного плана подготовки врача с правом на самостоятельную практику было праздновать еще рано.

Рассмотрим вначале ситуацию, сложившуюся на медицинском факультете Московского университета с преподаванием общеобразовательных и базовых естественнонаучных дисциплин. "Весьма похвально..., — писал в своем отчете уже упоминавшийся нами Е. И. Раух, — что Математика не читается, а Ботаника и Зоология преподаются для Медицинских Студентов в несколько ограниченном объеме. Однако ж я должен заметить, что объем этот, как в сказанных науках так и в Минералогии, еще довольно значителен... Позволю себе заметить, что в строгом смысле врачу только очень не много нужно из этих наук, и что многие из студентов занимаются ими только для предстоящего экзамена, и чтоб после все забыть снова"²³.

Е. И. Раух, безусловно, несколько стусил краски. Лишних знаний не существует, а для чего студенты изучают те или иные науки и вообще поступают в университет, — это в конце концов их личное дело. Однако в целом Е. И. Раух был несомненно прав. "Еще довольно значительный" объем преподавания общеобразовательных и естественных наук привел к тому, что на протяжении первых двух лет пребывания студентов на медицинском факультете Московского университета им чита-

²² Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 2000. — Т. XI. — С. 131.

²³ Там же. — С. 132.

Таблица 4. Учебный план медицинского факультета Московского университета с 1837/38 по 1844/45 учебный год

Учебные курсы	Кол-во часов в неделю	Учебные курсы	Кол-во часов в неделю
<i>I курс</i>			
<i>1-е полугодие</i>		<i>2-е полугодие</i>	
Физика	3	Физика	3
Логика	?*	Логика	?
Богословие и церковная история	7	Богословие и церковная история	7
Теория языка и русского слога	3		
Анатомия	6	Анатомия	6
Немецкий и французский язык	?	Немецкий язык	?
Английский и итальянский язык	?		
Латинский язык	3	Латинский язык	3
<i>II курс</i>			
<i>3-е полугодие</i>		<i>4-е полугодие</i>	
Зоология	7	Зоология	7
Химия	6	Химия	6
Ботаника	3	Ботаника	3
Минералогия	4	Минералогия	4
Анатомия	6	Анатомия	6
Фармация	6	Фармация	6
<i>III курс</i>			
<i>5-е полугодие</i>		<i>6-е полугодие</i>	
Физиология и Общая Патология	6	Физиология и Общая Патология	6
Токсикология	6	Рецептура и химическое исследование минеральных вод	6
Фармакология	4	Фармакология и учение о минеральных водах (в смысле врачебном)	4
Общая терапия	2	Гигиена	1
Вскрытие трупов (практическая анатомия и краткое изложение топографической анатомии)	6	Вскрытие трупов (практическая анатомия и краткое изложение топографической анатомии)	6
Десмургия	6	Десмургия	6
Скотолечение (анатомия и физиология домашних животных)	3	Скотолечение (наука о наружном осмотре животных и Биотика)	3
<i>IV курс</i>			
<i>7-е полугодие</i>		<i>8-е полугодие</i>	
Теоретическая хирургия	6	Теоретическая хирургия	6
Наука о душевных болезнях	1	Наука о душевных болезнях	1
Повивальное искусство	6	Наука о женских и детских болезнях	6

Продолжение

Учебные курсы	Кол-во часов в неделю	Учебные курсы	Кол-во часов в неделю
Офтальмология	6	Топографическая анатомия	?
Топографическая анатомия	?	Частная патология и терапия	6
Частная патология и терапия	6	Патологическая семиотика	4
Нервные, кожные и венерические болезни	4	Скотолечение (частная патология и терапия, эпизоотические болезни)	3
Скотолечение (общая патология и общая терапия)	3		
<i>IV курс</i>			
<i>9-е полугодие</i>		<i>10-е полугодие</i>	
Терапевтическая клиника	12	Терапевтическая клиника	12
Хирургическая клиника и Оперативная хирургия	14	Хирургическая клиника и Оперативная хирургия	14
Судебная медицина и Медицинская полиция	6	История, энциклопедия и методология медицины	6
Патологическая анатомия	1	Патологическая анатомия	1

* ? — количество учебных часов в неделю установить не удалось.

лись только две медицинские дисциплины — анатомия и фармация. А вот это обстоятельство представляло собой уже действительно серьезный недостаток внедренного московскими профессорами учебного плана, поскольку на освоение всего комплекса собственно медицинских наук студентам отводилось фактически только три года.

Прямым следствием названного недостатка в организации и содержании учебного процесса на факультете стала чрезмерная перегрузка учебного плана 3-го, 4-го и 5-го курсов, что в свою очередь предопределило еще одну, и пожалуй самую большую, неудачу всей реформы высшего медицинского образования середины 30-х годов 19 века. Заставив студентов в течение трех последних лет пребывания на факультете изучать огромное количество разнообразных предметов, профессора лишили себя возможности привлекать их к работе с больными в клинических институтах и увеличить продолжительность клинических заня-

тий до двух лет. Важнейшие в программе подготовки практикующего врача курсы терапевтической и хирургической клиники вновь, как и в период, предшествовавший принятию Устава 1835 года, остались одногодичными и преподавались студентам только последнего года обучения. "Студенты, — указывал в своем отчете Е. И. Раух, — посещают только в 5 курсе Медицинскую и Хирургическую Клиники, поэтому только один год. Этого слишком мало"²⁴.

Серьезные претензии у специалистов в области высшего медицинского образования вызвало и включение в программу обучения на медицинском факультете Московского университета двухлетнего курса "Скотолечения". До 1835 года наличие подобного курса являлось абсолютной необходимостью. Специальных учебных заведений, готовивших ветеринарных врачей, не существовало, а потребность в них была ни чуть не меньшей, чем во врачах-интернистах или хирургах. Однако именно в 1835 году ситуация несколько изменилась. Незадолго до принятия устава в Московской медико-хирургической академии открылось специальное ветеринарное отделение, что несомненно должно было отразиться на сокращении объема преподавания курса "скотолечения" в Московском университете. Но на деле этого не произошло, и двухлетний курс ветеринарных дисциплин продолжал отнимать драгоценное время у студентов 3-го и 4-го годов обучения.

Не удалось решить и проблему организации наглядного теоретико-практического преподавания семиотики и систематических курсов внутренних (частная патология и терапия) и хирургических (теоретическая хирургия) болезней. Как уже говорилось, С. С. Уваров в целом одобрил соответствующий замысел московских профессоров, но его практической реализации помешало отсутствие необ-

²⁴ Там же. — С. 133.

ходимой клинической базы. Клинические институты Московского университета и две университетские больницы располагали в общей сложности только 50 койками, и в таких условиях избежать "столкновения" студентов разных курсов "при постелях больных" оказалось невозможным. К тому же, как уже говорилось, для занятий со студентами у постелей больных на 3-м и 4-м курсах попросту не хватало времени. Правда, профессор частной патологии и терапии Московского университета Г. И. Сокольский несколько раз обращался к Совету с просьбами разрешить ему использовать больных, находившихся в Клинических институтах, для демонстрации на лекциях. Однако превратить инициативы Г. И. Сокольского в систему наглядного преподавания курса частной патологии и терапии не удалось.

Так же по существу нерешенной осталась и проблема внедрения в учебный процесс преподавания патологической анатомии. Профессора Московского университета исполнили предписание С. С. Уварова и ввели преподавание основного патологоанатомического курса на 5-м году обучения студентов на факультете, но читать патологическую анатомию как самостоятельную фундаментальную медицинскую дисциплину на последнем курсе было абсолютно невозможно. В результате, несмотря на отчаянные попытки профессора анатомии Московского университета Л. С. Севрука исправить сложившееся положение переносом преподавания части курса патологической анатомии в курс анатомии нормальной (на 2-й год обучения студентов) и внедрением совершенной методики проведения секционных занятий, патологическая анатомия в Московском университете начала постепенно превращаться в один из придатков клиники. Последнее фактически лишило студентов возможности осваивать патологическую анатомию как науку, изучающую структурные основы патологических процессов, что в свою очередь затормозило развитие в Московском университете как самой патологи-

ческой анатомии, так и опиравшихся на ее достижения клинических дисциплин²⁵.

Все вместе взятое определило основную претензию профессоров Московского университета и других отечественных специалистов в области высшего медицинского образования к учебному плану Московского университета, сложившемуся в результате осуществления реформы середины 30-х годов 19 века. Суть этой претензии состояла в том, что учебный план не соответствовал поставленной перед университетом задаче — готовить и выпускать врачей, способных сразу после окончания медицинского факультета приступить к самостоятельной врачебной практике. Более того, как справедливо отметил Н. И. Пирогов, этот учебный план не позволял готовить не только квалифицированных врачей-практиков, но и достаточно образованных теоретиков-естествоиспытателей. Для первой категории специалистов в нем было слишком много общеобразовательных и естественнонаучных дисциплин при недостатке клинической подготовки. Для второй — чрезмерный объем преподавания врачебных наук в сочетании с сокращенными курсами ботаники, зоологии, минералогии, химии. "... Устав, утвержденный в 1835 году, требует немаловажных изменений, — указывал, в частности, Н. И. Пирогов весной 1841 года. — ... из него нельзя узнать, какой взгляд на Медицину служит ему руководством. Если бы основатели этого Устава рассматривали врачебную науку только как одну часть Естествословия, то они бы не сказали в дополнительном пояснении, что "Естественная История должна преподаваться с особенным применением к Врачеб. Науке ...". С другой стороны, если Устав 1835 года руководствовался взглядом на Медицину как на науку чисто практическую и имел бы в

²⁵ Подробнее о преподавании патологической анатомии в Московском университете в 1837—49 гг. см.: Сточик А. М., Пальцев М. А., За-травкин С. Н. Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX века. — М., 1999. — С. 138—167.

виду новые ее прикладные направления, тогда спрашивается, для чего целые 2 года посвящены изучению наук только пригготовительных, для чего только один год определен для разъятия трупов, тоже только один год для практики в клиниках, только полгода для Патологической анатомии, для чего не введена в курс учебы Госпитальная практическая медицина и т. д."²⁶.

Вот именно это, отмеченное не только Е. И. Раухом и Н. И. Пироговым, но и профессорами медицинского факультета Московского университета (Ф. И. Иноземцевым, А. И. Овером, А. И. Полем), несоответствие учебного плана, сложившегося в результате введения Устава 1835 года в действие, с целями и задачами, поставленными перед университетами разработчиками реформы середины 30-х годов 19 века, а отнюдь не слияние университета с академией, и послужило главной причиной замены всего пакета документов, регламентировавших деятельность медицинского факультета Московского университета. Что же касается происшедшего в первой половине 40-х годов 19 века слияния факультета с Московской медико-хирургической академией, то оно было не причиной, а поводом, или, выражаясь словами Н. И. Пирогова, "удобным случаем" для проведения новой реформы, затронувшей впоследствии и другие российские университеты.

²⁶ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 705. — Л. 12.

Литература

Абрикосов А. И. Историческое развитие патологической анатомии// БМЭ. — 1-е изд. — Т. 24. — М., 1932. — С. 116—117.

Абрикосов А. И. Кафедра патологической анатомии//175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М. — Л., 1940. — С. 158—171.

Архангельский Г. В. Ф. И. Иноземцев и его значение в развитии русской медицины. — М., 1959.

Астахова Е. Ю. К истории организации Медицинского института при Московском университете//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2000. — № 4. — С. 42.

Астахова Е. Ю. К вопросу о продолжительности обучения на медицинском факультете Московского университета в период действия университетского устава 1804 года//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. XIII. — 2001. — С. 156—160.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета: В 2-х т. — М., 1855.

Благовидов Ф. В. Этюд из истории высшего образования в России за время царствования императора Александра I и Николая I. — Казань, 1902.

Богданов Н. М. Очерк истории кафедры частной патологии и терапии внутренних болезней в Императорском Московском университете за 1755—1905 гг. — М., 1909.

Бородулин В. И. Очерки по истории отечественной кардиологии. — М., 1988.

Бородулин В. И. Преемственность традиций в терапевтических школах Московского университета//Советское здравоохранение. — 1991. — № 10. — С. 62—65.

Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — В кн.: Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 5—69.

Бруссе Ф. Афоризмы, или Главные основания Физиологии, Патологии и Терапии, предложенные Профессором Бруссе, главным Врачом учебной Военной Госпитали в Париже, 1812 года/Пер. с фр. Ив. Георгиевский. — М., 1824.

Бэйлли М. Патологическая анатомия важнейших частей тела человеческого, преимущественно находящихся в главных четырех полостях/Пер. с англ. И. А. Костомарова. — М., 1826.

Бэкон Ф. О достоинстве и преумножении наук//Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах. — М., 1977.

Валлотон А. Александр I. — М., 1991.

Варвинский И. В. О влиянии патологической анатомии на развитие патологии вообще и клинической в особенности//Московский врачебный журнал. — 1849. — Ч. 1. — С. 55—109.

Гарвей У. Письмо к Риолану//Гарвей У. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М., 1948. — С. 175.

Геллер М. Я. История Российской империи в трех томах. — Т. II. — М., 1997.

Гильтебрандт Ф. А. О средствах, ведущих к полному и основательному познанию Врачебной науки, и лучшему упражнению в Медицинской практике. — М., 1826.

Горелова Л. Е., Сточик А. А. Медицинский факультет Московского университета и Московская медико-хирургическая академия в 1841 году глазами лейб-медика Е. И. Рауха//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 2000. — Т. XI. — С. 127—139.

Лукасян А. Г. Мудров — основоположник отечественной медицины. — В кн.: Мудров М. Я. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 5—87.

Гулькевич Ю. В. История патологической анатомии//Многотомное руководство по патологической анатомии. — Т. 1. — М., 1963. — С. 17—112.

Далин В. М. Александр I, Лагарп и Французская революция//Французский ежегодник, 1984. — М., 1986. — С. 144.

225 лет Первому московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М., 1990.

Двигубский И. А. Краткая история Московского университета... — М., 1817—1826.

Дерябина В. Л. Очерки развития прозекторского дела в России и СССР. — М., 1958.

Дядьковский И. Е. Практическая медицина. Лекции частно-терапевтические. — Ч. I—II. — М., 1846—1847.

Заблоцкий П. П. Очерк по истории медицинской анатомии//Записки по части врачебных наук. Медико-хирургическая академия/Под ред. П. Дубовицкого. — СПб., 1844. — Кн. 2. — С. 54—90; Кн. 3. — С. 67—98.

Журналы Комитета Министров 1802—1826 гг. — СПб., 1888.

Затравкин С. Н. У истоков создания кафедры патологической анатомии//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1992. — Т. I. — С. 96—103.

Затравкин С. Н. Новые данные о роли М. Я. Мудрова в становлении патологической анатомии в России//Архив патологии. — 1992. — № 11. — С. 41—43.

Затравкин С. Н., Белостоцкий В. М. Процедура присвоения выпускникам медицинского факультета Московского университета медицинских званий в период с 1804 по 1838 год//Материалы I Съезда Конфедерации историков медицины. — М., 1998. — С. 153—155.

Затравкин С. Н., Сточик А. А. "Забытые" высшие медицинские учебные заведения России 19 века//Материалы I Съезда Конфедерации историков медицины. — М., 1998. — С. 155.

Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. — СПб., 1886.

Змеев Л. Ф. Былое врачебной России. — СПб., 1890.

Изуткин Д. А., Тамарин Ю. А., Камаев И. А. История высшего медицинского образования в России. — Нижний Новгород, 1997.

Иноземцев Ф. И. О заслугах Христиана Ивановича Лодера в хирургии. — М., 1837.

Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова (1799—1830)//Русская старина. — 1892. — Кн. VIII. — С. 307—346.

История Императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии за сто лет. 1798—1898/Под ред. проф. Ивановского. — СПб., 1898.

История Московского университета в 6-ти томах. — М., 1953—1954.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение?//Кант И. Собрание сочинений в шести томах. — Т. VI. — М., 1965.

Кисунько В. Г., Ревякин А. В. Европейское просвещение. — В кн.: История Европы в восьми томах. — Т. 4. — М., 1994. — С. 298—326.

Клиника//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — Т. XV. — СПб., 1895. — С. 398—399.

Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. — Т. 5. — М., 1958.

Кодолова И. М. Роль М. Я. Мудрова в развитии отечественной патологической анатомии//Архив патологии. — 1951. — № 6. — С. 81—84.

Колосов Г. А. Значение 1812-го года в истории русской медицины. — СПб., 1913.

Колосов Г. А. Медико-хирургическая академия и ее деятели в начале XIX столетия. — Одесса, 1914.

Колосов Г. А. Профессор М. Я. Мудров. Его личность, научно-об-

щественная деятельность и значение для русской медицины. — Пг., 1915.

Колосов Г. А. Ефрем Осипович Мухин//Врачебное дело. — 1928. — № 8. — С. 593—598.

Колосов Г. А. Гильтебрандт//Врачебное дело. — 1928. — № 19. — С. 1473—1476.

Кончаловский М. П., Смотров В. Н. Роль деятелей Московского университета в развитии клинической медицины//Клиническая медицина. — Т. XVIII. — 1940. — № 12. — С. 3—13.

Костомаров И. А. Об отношении патологической анатомии к другим врачевным наукам, и о способах, коими она может быть познаваема и совершенствуема, с предварительным коротким изложением ея истории//Бэйлли М. Патологическая анатомия важнейших частей тела человеческого, преимущественно находящихся в главных четырех полостях. — М., 1826. — С. II—XXVII.

Кузьмин М. К. Матвей Яковлевич Мудров — основоположник клинической медицины в России (К 200-летию со дня рождения)//Терапевтический архив. — 1977. — Т. XLIX. — № 1. — С. 137—140.

Летопись Московского университета. — М., 1979.

Лодер Х. И. Список препаратов и других вещей, принадлежащих до анатомии, хранимых в кабинете Императорского Московского университета. — М., 1823.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. — М.—Л., 1951.

Лушников А. Г. Клиника внутренних болезней в России первой половины XIX века. — М., 1959.

Лушников А. Г. Мироззрение И. Е. Дядьковского//Дядьковский И. Е. Сочинения. — М., 1954. — С. 5—45.

Лысенко В. И. Николай Иванович Фус. — М., 1975.

Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925.

Мельников-Разведенков Н. Ф. Прошлое и настоящее кафедры патологической анатомии в Императорском Московском университете//Сборник статей, посвященных профессору Московского университета Ивану Федоровичу Клейну. — М., 1892. — С. 1—25.

Менье Л. История медицины. — М.—Л., 1926.

Милюков П. Н. Очерки истории русской культуры. — Т. 2. — Ч. 2. — М., 1994. — С. 207—278.

Миронов Г. Е. История государства российского. Историко-библиографические очерки. XIX век. — М., 1995.

Мирский М. Б. Становление клинической медицины в России и других странах Европы//Клиническая медицина. — 1990. — № 12. — С. 94—97.

Мирский М. Б. Профессор Ф. А. Гильтебрандт, его вклад в хирургию и клиническую медицину//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. III. — С. 141—152.

Мицельмахерис В. Г. Очерки по истории медицины в Литве. — Л., 1967.

Мицельмахерис В. Г., Мисюра И. А. Из истории преподавания терапии на медицинском факультете Вильнюсского университета//Клиническая медицина. — 1957. — № 7. — С. 147—154.

Мороховец Л. История и соотношение медицинских знаний. — М., 1903.

Московский университет. 1755—1930. Юбилейный сборник. Издание Парижского и Пражского Комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета//Под ред. В. Б. Ельяшевича, А. А. Кизеветтера, М. М. Новикова. — Париж, 1930.

Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). — М., 1989.

Мудров М. Я. О пользе врачебной пропедевтики, то есть медицинской энциклопедии, методологии и библиографии//Мудров М. Я. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 259—281.

Мудров М. Я. Слово о способе учить и учиться медицине практической или деятельному врачебному искусству при постелях больных//Мудров М. Я. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 202—255.

Мудров М. Я. Слово о благочестии и нравственных качествах гиппократа врача, на обновление в Императорском Московском университете медицинского факультета в торжественном его собрании 1813 года Октября 1-го дня. — М., 1814.

Мультиановский М. П. История медицины. — М., 1967.

Мухин Е. О. Анатомико-патологическое наблюдение о мешочной водяной болезни яичников. — М., 1811.

Мухин Е. О. Курс анатомии. — М., 1815.

Мухин Е. О. Краткое обозрение наносной холеры. — М., 1830.

Мухин Е. О. Описание способов узнавать и лечить наносную холеру с приложением записок о паровых самоварах и ванне, постной и рыбной пище и воздухопроводе, с 3 рисунками. — М., 1831.

Обозрение публичных преподаваний в Императорском Московском университете с 17 Августа 1827 по 28 Июня 1828. — М., 1827.

Обозрение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете с 17 дня Августа 1832 по 28 июня 1833 года. — М., 1832.

Общий Устав Императорских Российских университетов//Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. II. — Ч. I — СПб., 1875. — Стб. 969—995.

Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1806 года Августа 17 по 1807 Июня 28, по назначению Совета. — М., 1806. — С. 5—7.

Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1807 года Августа 17 по 1808 Июня 28, по назначению Совета. — М., 1807. — С. 6—8.

Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1808 года Августа 17 по 28 Июня 1809. По назначению Совета. — М., 1808. — С. 6—9.

Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1809 Августа 17 по 28 Июня 1810 года. По назначению Совета. — М., 1809. — С. 7—10.

Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1810 года Августа 17 по 28 Июня 1811 года. По назначению Совета. — М., 1810. — С. 6—9.

Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете, преподаваемых с 1811 года Августа 17 дня, по назначению Совета. — М., 1811. — С. 5—7.

Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете с 17 Августа 1825 г. по 28 Июня 1826 года. По назначению Совета. — М., 1825.

Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете с 17 Августа 1826 по 28 Июня 1827 года. По назначению Совета. — М., 1826.

О правилах об экзаменах медицинских чиновников//Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 614—623.

Очерки истории Московского университета. — М., 1940.

Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959.

Паламарчук П. Г. Сорок сороков. — М., 1995. — Т. IV.

Памятная записка о профессорах Императорского Московского университета помощника попечителя Московского учебного округа графа А. Н. Панина//Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1874. — Кн. IV.

Паульсен Ф. Германские университеты. — СПб., 1904.

Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. — М., 1908.

Петров Ф. А. Немецкие профессора в Московском университете. — М., 1997.

Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача//Пирогов Н. И. Собрание сочинений. — М., 1962. — Т. 8. — С. 69—355.

Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву//Чтения в обществе истории и древностей российских при Императорском Московском университете. — 1861. — Кн. III. — С. 26—74.

Плетнев Д. Д. Очерки из истории медицинских идей//Плетнев Д. Д. Избранное. — М., 1989. — С. 243—280.

Положение для воспитанников, при Виленском университете, к образованию в медицинской части назначаемых//Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. — Стб. 408—412.

Полунин А. И. Страхов Петр Илларионович//Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Ч. 2. — С. 467—476.

Попов Н. А. Московский университет после 1812 года//Русский архив. — 1881. — Кн. 1. — С. 389—398.

Поэты-радищевцы. — М., 1935.

Правила испытания для желающих поступить в Университет//Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. II. — Ч. II. — СПб., 1866. — Стб. 169—170.

Правила испытания медицинских, ветеринарных и фармацевтических чиновников и вообще лиц, занимающихся врачебною практикою//Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1875. — Стб. 1438—1447.

Прейсман А. Б. Московская медико-хирургическая академия. — М., 1961.

Пресняков А. Е. Российские самодержцы. — М., 1990.

Проект дополнительных правил к Уставу Московского университета относительно учрежденного при оном врачебного Института, составленный в особо учрежденном для сего комитете, для представления на уважение Высшего начальства. — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. — Инв. — 5 Те 143.

Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века//Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в шести томах. — Т. 6. — М., 1950.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. Новое время. — М., 1996.

Рихтер В. М. История медицины в России. — М., 1820.

Ректоры Московского университета. Биографический словарь. — М., 1996.

Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения (1802—1902). — СПб., 1902.

Рождественский С. В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках. — СПб., 1910.

Рождественский С. В. Очерки по истории системы просвещения в России XVIII—XIX веков. — СПб., 1912.

Розанов В. История медицинского образования (раздел статьи "Медицинское образование")//БМЭ. — 1-е изд. — Т. 17. — М., 1936. — С. 633—638.

Российский Д. М. История медицинского образования в дореволюционной России (раздел статьи "Медицинское образование")//БМЭ. — 1-е изд. — Т. 17. — М., 1936. — С. 651—662.

Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955.

Российский Д. М. Очерк истории возникновения и развития медицинского факультета Московского университета в период до Великой Октябрьской социалистической революции//Вестник Московского университета. — 1947. — № 10. — С. 85—110.

Рудаков В. Гимназия//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — Т. VIII-А (16). — СПб., 1893. — С. 694—706.

Саркисов Д. С. Очерки истории общей патологии. — М., 1993.

Сафонов М. М. Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII—XIX вв. — Л., 1988.

Сахаров А. Н. Александр I (К истории жизни и смерти)//Российские самодержцы, 1801—1917. — М., 1994.

Сборник Русского Исторического Общества. — Т. 5. — СПб., 1870.

Серов В. В., Пальцев М. А., Сточик А. М., Затравкин С. Н. Становление патологической анатомии в Московском университете//Вестник Российской академии медицинских наук. — 1994. — № 7. — С. 55—62.

Скорыходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. — Л., 1926.

Смотров В. Н. Факультетская терапевтическая клиника. — В кн.: 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 251—269.

Смотров В. Н. Мудров (1776—1831). — М., 1947.

Соловей М. Г., Грибанов Э. Д. Матвей Яковлевич Мудров//Клиническая медицина. — 1976. — № 5. — С. 147—150.

175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940.

Сорокина Т. С. История медицины в 2-х томах. — Т. 2. — М., 1992.

Сточик А. А. История создания Медицинского института при Московском университете//Материалы I Съезда Конфедерации историков медицины. — М., 1998. — С. 166—167.

Сточик А. М. О клинической базе Московского университета в XVIII веке//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 3. — С. 56—58.

Сточик А. М. Актовая речь. Становление клинического преподавания на медицинском факультете Московского университета. — М., 1997.

Сточик А. М. Герман Бургаве как клинический преподаватель//Материалы I Съезда Конфедерации историков медицины. — М., 1998. — С. 24—26.

Сточик А. М. Преподавание у постели больного на медицинском факультете Московского университета в первой половине XIX века//Здравоохранение Российской Федерации. — 1998. — № 3. — С. 55—62.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Роль клинических кафедр в становлении патологической анатомии в Московском университете//Клиническая медицина. — 1993. — № 5. — С. 9—14.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Кого готовил медицинский факультет Московского университета в 18 веке?//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. III. — С. 99—107.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в XVII веке//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. IV. — С. 83—158.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. Изд. 2-е. — М., 2000.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. К истории открытия клинических институтов Московского университета//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1997. — № 2. — С. 47—49.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Клинические институты Московского университета (1812—1846 гг.)//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1997. — № 3. — С. 46—48.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Реформа университетского медицинского образования в Австрии во второй половине XVIII века//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1997. — № 4. — С. 52—56.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. "Устав Императорского Московского университета" 1804 года и его введение на медицинском факультете//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1997. — № 5. — С. 42—46.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Первые шаги клинического преподавания на медицинском факультете Московского университета (1805—1810 гг.)//Терапевтический архив. — Т. 69. — 1997. — № 12. — С. 81—86.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. О клинической подготовке врачей в университетах средневековой Европы//Клиническая медицина. — 1998. — № 1. — С. 65—67.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Из истории становления клинического преподавания: лейденский прорыв//Клиническая медицина. — 1998. — № 2. — С. 62—64.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Герман Бургаве: закат клинического преподавания в Лейденском университете//Клиническая медицина. — 1998. — № 3. — С. 72—76.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Становление клинического преподавания в Европе в первой половине 18 века//Клиническая медицина. — 1998. — № 4. — С. 63—65.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Австрийская реформа университетского медицинского образования во второй половине XVIII века. Сообщение 1. Реформирование Г. Ван-Свитеном преподавания на медицинском факультете Венского университета//Клиническая медицина. — 1998. — № 5. — С. 74—77.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Австрийская реформа университетского медицинского образования во второй половине XVIII века. Сообщение 2. Разработка И. П. Франком учебного плана подготовки врача//Клиническая медицина. — 1998. — № 8. — С. 70—75.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Этапы становления клинического преподавания на медицинском факультете Московского университета//Материалы I Съезда Конфедерации историков медицины. — М., 1998. — С. 167—169.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Из истории внедрения клинического преподавания на медицинском факультете Московского университета в первой половине XIX века//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1998. — № 2. — С. 54—57.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Разработка программы обучения на

медицинском факультете Московского университета в период работы по подготовке Устава 1835 г. Сообщение 1. События 1825—1828 гг.//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1998. — № 3. — С. 55—60.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Разработка программы обучения на медицинском факультете Московского университета в период работы по подготовке Устава 1835 г. Сообщение 2. Проект Ю. Х. Лодера и его судьба//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1998. — № 4. — С. 48—51.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Организация и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в связи с введением Устава 1835 г. Сообщение 1. Медицинский факультет в "Общем Уставе Императорских Российских Университетов" 1835 г.//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1998. — № 5. — С. 36—40.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Организация и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в связи с введением Устава 1835 г. Сообщение 2. Введение "Общего Устава Императорских Российских Университетов" 1835 г. в действие на медицинском факультете Московского университета//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1998. — № 6. — С. 47—52.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Типы организации учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в 18 — первой трети 19 веков//Материалы научно-методической конференции преподавателей ММА им. И. М. Сеченова "Современные проблемы образования в высшей медицинской школе". — М., 1998. — С. 59—62.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. К истории создания кафедры патологической анатомии Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова//Архив патологии. — 1999. — № 5. — С. 17—22.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание патологической анатомии в Московском университете в первой половине XIX века. Сообщение 1. Письма М. Я. Мудрова М. Н. Муравьеву//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 5. — С. 56—60.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание патологической анатомии в Московском университете в первой половине XIX века. Сообщение 2. Первый этап внедрения патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете (1811—1825)//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. № 6. — С. 52—56.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Роль Ю. Х. Лодера во введении преподавания патологической анатомии в российских университетах//Тезисы 2 Съезда Международного союза ассоциаций патологоанатомов. — М., 1999. — С. 376—377.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание патологической анатомии в Московском университете в первой половине 19 века. Сообщение 3. "Мнение об учреждении новой кафедры для анатомии патологической

и для физиологии сравнительной"//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2000. — № 1. — С. 52—57.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание патологической анатомии в Московском университете в первой половине 19 века. Сообщение 4. Патологическая анатомия в "Общем Уставе Императорских Российских университетов"//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2000. — № 2. — С. 49—52.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание патологической анатомии в Московском университете в первой половине 19 века. Сообщение 5. 1835—1849 годы//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2000. — № 3. — С. 53—57.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Когда был открыт первый лазарет Московского университета//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. XI. — 2000. — С. 139—146.

Сточик А. М., Затравкин С. Н., Астахова Е. Ю. К истории возникновения медицинских институтов при российских университетах. Сообщение 1. История создания Медицинского института при Виленском университете//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 2. — С. 48—50.

Сточик А. М., Затравкин С. Н., Астахова Е. Ю. К истории возникновения медицинских институтов при российских университетах. Сообщение 2. Возникновение идеи создания системы медицинских институтов//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 3. — С. 50—53.

Сточик А. М., Затравкин С. Н., Астахова Е. Ю. Медицинские институты при российских университетах — особый (третий) тип высших медицинских учебных заведений России первой трети XIX века//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2001. — № 2. — С. 35—40.

Сточик А. М., Затравкин С. Н., Астахова Е. Ю. Взаимовлияние учебных программ Медицинского института и медицинского факультета Московского университета в 1818—1834 годах//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2001. — № 5.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Организация и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 5. — С. 43—48.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Из истории медицинского факультета Московского университета//Вестник Российской Академии медицинских наук. — 1995. — № 8. — С. 64—68.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицинский факультет в "Уставе Императорского Московского университета" 1804 года//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1997. — Т. VII. — С. 75—98.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Организация учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в связи

с введением Устава 1804 года. Начало клинического преподавания//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1997. — Т. VIII. — С. 131—160.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Подготовка "Общего Устава Императорских Российских университетов" 1835 года и его введение на медицинском факультете Московского университета//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1998. — Т. IX. — С. 123—189.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. К истории возникновения патологической анатомии//Архив патологии. — 1999. — № 6. — С. 47—52.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX века. — М., 1999.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Факультетские клиники Московского университета во второй половине 19 века//Терапевтический архив. — 201. — № 5. — С. 64—71.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Как и чему обучали студентов медицинского факультета Московского университета в факультетских клиниках во второй половине 19 века//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. XIV. — 2001. — С. 113—126.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е. Замыслы разработчиков устава 1835 года и реалии учебного плана медицинского факультета Московского университета в 1837—1845 гг.//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2001. — № 4.

Страшун И. Д. 175 лет. — В кн.: 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 3—56.

Струков А. И., Смольяников А. В., Саркисов Д. С. Патологическая анатомия//БМЭ. — 3-е изд. — Т. 18. — М., 1982.

Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — Т. I. — СПб., 1889. — С. 58.

Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 6//Приложение к XLII тому записок Императорской академии наук. — № 2. — СПб., 1882. — С. 1—151.

Сухомлинов М. И. Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель Александра I /Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — Т. 2. — СПб., 1889. — С. 92—100.

Трофимов В. Медицинское образование//БМЭ. — 2-е изд. — Т. 17. — М., 1960. — С. 813—845.

Трофимов В. В., Георгиевский А. С. Медицинское образование//БМЭ. — 3-е изд. — Т. 17. — М., 1980. — С. 443—454.

Труайя А. Александр I, или Северный сфинкс. — М., 1997.

Турубинер Л. А. История медицинского факультета Императорского Московского университета от основания до первой Отечественной войны (1764—1812): Дис. ... канд. мед. наук. — М., 1944.

Университет//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — Т. XXXIV-А. — СПб., 1902. — С. 751—803.

Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия//Под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. — М., 1997.

Университет для России: Московский университет в александровскую эпоху//Под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. — М., 2001.

Устав, к наблюдению которого все Университетские Студенты обязуются письменно. — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова. — Инв. 345764.

Устав Императорского Московского университета//Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. I. — СПб., 1875. — Стб. 295—308.

Фальборк Г., Чарнолусский В. Начальное народное образование в России (раздел статьи "Начальное народное образование")//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — Т. XX-А(40). — СПб., 1897. — С. 752—765.

Фортуатов А. А. Школьное дело//Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. — Изд. 7-е. — Б.г. — Т. 49. — Стб. 644—672; Т. 50. — Стб. 1—21 и 115—128.

Фуко М. Рождение клиники: Пер. с фр. — М., 1998.

Хотеенков В., Чернета В. Граф С. С. Уваров — министр и просветитель // Высшее образование в России. — 1996. — № 1. — С. 146—158; № 2. — С. 147—160.

Хотеенков В., Чернета В. Министр просвещения граф П. В. Завадовский// Высшее образование в России. — 1997. — № 1. — С. 124—129.

Чазов Е. И. Истоки. — М., 1994.

Чистович Я. О. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883

Чулков Г. И. Императоры: Психологические портреты. — М., 1991.

Шевырев С. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. — М., 1855.

Шилинис Ю. А. Е. О. Мухин и анатомо-физиологическое направление в медицине. — М., 1960.

Шильдер Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. — Т. I. — СПб., 1897.

Шультейс Э., Тарди Л. Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. — М., 1976.

Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. — М., 1982.

Эйдельман Н. Я. Революции сверху в России. — М., 1989.

Album Studiosorum (1812—1818). — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. — Инв. 5 Те 502.

Ashworth Underwood H. Boerhaave after Three Hundred Years//British Medical Journal. — 1968. — Vol. 4. — P. 820—825.

Bariety M., Coury Ch. Histoire de la medicine. — Paris, 1963.

Beukers H. Clinical Teaching, past and present. Clinical teaching in Leiden from its beginning until the end of the eighteenth century//Clio Media. — Vol. 21. — Amsterdam-Atlanta, 1989. — P. 139—152.

Bielinski J. Uniwersytet Wilenski (1579—1831). — Krakov, 1899—1990.

Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker. — Berlin—Wien, 1929—1934.

Bonnet Th. Sepulchretum S. Anatomia practica ex cadaveribus morbo donatis. — Lyon, 1700.

Bouilland J. B. Traite des fievres lites essentielles. — Paris, 1826.

Broussais F.-J.-V. Histoire des phlegmasies croniques. — Paris, 1808.

Corlieu A. Centenaire de la faculte de medicine de Paris (1794—1894). — Paris, 1896.

Corvisart J. Essai sur les maladies et lesions organiques du coeur et des gros vaisseaux, — Paris, 1806.

Cuvier F. Lecons d'anatomie comparee. — Paris, 1800.

Frank I. P. De curandis hominum morbis epitome. — Mannheim, 1794.

Frank I. P. Johann Peter Frank. Seine Selbstbiographie.—Bern—Stuttgart, 1963.

Frank J. Praxeus medicinae universae praecepta. — Vol. I. — Leipzig, 1811.

Hanclever A. Ungedruckte Briefe Justus Christian Loders an den Nationalökonom Ludvig Heinrich Jacob aus den Jahren 1810—1813//Archiv Geschichte Medizin. — 1918. — N 11. — S. 300—314.

Hecker J. Fr. K. Geschichte der neueren Heikunde. — Berlin, 1839.

Kaiser W. Justus Christian Loder (1753—1832)//Zahn, Mund und Kieferilk. — 1975. — N 63. — S. 271—281.

Kaiser W., Krosch H., Piechocki W. 250 Jahre Collegium clinicum Halense. 1717—1967//Wissenschaftliche Berichte der Martin-Luther-Universität-Wittenberg. — Halle, 1967. — S. 9—68.

Les medicins celebres. — Paris, 1947.

Lesky E. Neue Wiener Schule. — Wien, 1969.

Lesky E. Meilensteine der Wiener Medizin. Grosse Ärzte Osterreichs in drei Jahrhunderten. — Wien, 1981.

Lesky E. The development of bedside teaching at the Vienna medical school from scholastic times to special clinics//History of medical education. — University Press of California, 1970. — P. 217—233.

Lesky E. Johann Peter Frank als Organisator des medizinischen Unterrichts//Sudhoff's Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. — Bd 39. — Heft 1. — 1955. — S. 1—29.

Lindeboom G. A. Herman Boerhaave. The man and his work. — London, 1968.

Lindeboom G. A. Boerhaave and his time. — Leiden, 1970.

Ludwig Ch. G. Methodus doctrinae medicae universae Praelectionibus Academicis accommodata. — Lipsiae, 1766.

Morgagni J. B. De sedibus et causis morborum per anatomen indagatis. — Venise, 1761.

Mudrow M. Nosographia Physiologica, ad leges et extispicia Anatomiae Generalis et Patologicae delineata//Конспекты отделения медицинских наук при Императорском Московском университете. — М., 1828. — С. 21—66.

Müller-Dietz H., Müller-Dietz W. Die Familie des Anatomen Justus Christian von Loder 1753—1832//Vierteljahrsschrift F. Heraldik. — 1988. — N 6. — S.141—162.

Puschmann Th. Geschichte des medizinischen Unterrichts. — Leipzig, 1899.

Salaks J. J. Ch. von Loders Krankenanstalten in Russland. Inaugural Diss. — Berlin, 1991.

Salutati C. De mobilitate legum et medicine. — Florence, 1947.

Stochik A. M. Establishment of Clinical Teaching at the Medical Faculty of Moscow University//XXth International Congress of History of Science. Book of Abstracts — Scientific Sections. — Liege, 1997. — P. 348.

Stotchik A. M. H. Boerhaave and bedside teaching at the Leiden University//36th International Congress on the History of Medicine. Book of Abstracts. — Tunis-Carthage, 1998. — P. 155.

Talbot Ch. Medical education in the Middle Ages//History of medical education. — University Press of California, 1970. — P. 79—83.

Thorndike L. Science and thought in the fifteenth century. — N. Y., 1929.

Virchow R. Morgagni und der anatomische Gedanke. — Berlin, 1894.

Wiasemsky T. Hauptmomente aus der Geschichte der Kais. Moskauer Universität seit ihrer Gründung//Le physiologiste Russe. — M., 1914. — Bd 6. — S. 3—124.

Wolf G. Zur Geschichte der Wiener Universität. — Wien, 1883.

Zatravkin S. N. Medical Institute at Moscow University//XXth International Congress of History of Science. Book of Abstracts — Scientific Sections. — Liege, 1997. — P. 554.

Zatravkine S. N. New facts about J. H. von Loder's Contribution in Sophistication of Higher Medical Education in Russia//36th International Congress on the History of Medicine. Book of Abstracts. — Tunis-Carthage, 1998. — P. 165.

Список использованных архивных документов

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- Журнал Главного Управления Училищ Правления (1803). Ф. 732. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 8—22 об.
- Журнал Главного Управления Училищ Правления (1804). Ф. 732. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 17—36.
- Полный годовой отчет, представленный высшему начальству от Императорского Московского университета за 1804 год. Ф. 733. — Оп. 95. — Д. 179. — Л. 1—34.
- Годовой отчет, представленный высшему начальству от Императорского Московского университета за 1805 год. Ф. 733. — Оп. 95. — Д. 180. — Л. 1—36.
- Выписка из журнала Комитета Министров. Декабря 28 дня 1812-го года. Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 38. — Л. 2—7.
- О покупке Анатомического Кабинета лейб-медика Лодера Ф. 733. — Оп. 28. — Д. 287. — Л. 1—45.

- Устроение Терапевтического Института или Врачебной Школы на 100 воспитанников при Императорском Московском университете (1818). Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 161—165 об.
- О помещении Студентов при Клинических Институтах (1818). Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 168—171 об.
- Устроение Клинического Института с показанием оного по заведениям, по содержанию, по палатам, по болезням и по суммам (1818). Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 174—181.
- О Клинических Институтах вообще (1818). Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 219—222.
- Возобновление институтов Клинического, Хирургического и Повивального на прежнем основании, т. е. для 12 человек больных на казенном содержании (1818). Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 223—227 об.
- Журнал пятьдесят третьего собрания Комитета устройства учебных заведений (1828). Ф. 737. — Оп. 1. — Д. 87814. — Л. 178 об.—181.
- Журнал пятьдесят девятого собрания Комитета устройства учебных заведений (1828). Ф. 737. — Оп. 1. — Д. 87814. — Л. 393—398 об.
- Журнал семьдесят четвертого собрания Комитета устройства учебных заведений (1829). Ф. 737. — Оп. 1. — Д. 87815. — Л. 10—20 об.
- Журнал семьдесят пятого собрания Комитета устройства учебных заведений (1829). Ф. 737. — Оп. 1. — Д. 87815. — Л. 23—26.
- Журнал семьдесят седьмого собрания Комитета устройства учебных заведений (1829). Ф. 737. — Оп. 1. — Д. 87815. — Л. 39—43.
- Записка Н. И. Пирогова Временному медицинскому комитету от 9 апреля 1841 года Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 705. — Л. 12—14.
- Записка Н. И. Пирогова Временному медицинскому комитету от 18 мая 1841 года Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 705. — Л. 15—20 об.
- Донесение лейб-медика Е. И. Рауха министру народного просвещения от 4 октября 1841 года Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 701. — Л. 215—227.

Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ)

- Сокращенная таблица за 1806 год, представляющая обзорение, сколько поступило родильниц в Повивальный институт Императорского Московского университета, который был учрежден для трех родильниц на казенном содержании, и сколько в оном Институте родилось младенцев. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 1458. — Л. 20 об.—21.
- Дневная записка Врачебного Отделения 1813-го года Сентября 27-го дня. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 1а. — Л. 45—48.
- Дневная записка Врачебного Отделения 1813-го года Октября 23-го дня. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 1а. — Л. 49—51 об.
- Дневная записка Врачебного Отделения 1813-го года Ноября 20-го дня. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 1а. — Л. 53—54 об.
- Дневная записка Врачебного Отделения 1814-го года Марта 19-го дня. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 3а. — Л. 5—21.
- Донесение ректора университета попечителю Московского учебного округа от 2 мая 1814 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 212. — Л. 3.
- Отношение попечителя Московского учебного округа профессору В. М. Рихтеру об Акушерском институте 14 сентября 1815 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 443. — Л. 5—5 об.
- Представление Совета Московского университета попечителю Московского учебного округа о Повивальном институте 19 ноября 1815 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 443. — Л. 6—7 об.
- Дневная записка Врачебного Отделения 1815-го года Февраля 13-го дня. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 6а. — Л. 10 об.—13.
- Дневная записка Врачебного Отделения 1815-го года Мая 29 дня. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 6а. — Л. 16—17 об.
- Дневная записка Врачебного Отделения 1815-го года Октября 23-го дня. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 6а. — Л. 27 об.—31 об.
- Отношение попечителя Московского учебного округа Совету университета о Повивальном Институте 26 ноября 1815 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 443. — Л. 8—8 об.
- Ведомость о числе больных, лежавших в Клиническом Институте и приходивших в оный для получения рецептов в течение 1815 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 1458. — Л. 29 об.—30.

- Дневная записка Врачебного Отделения 1816-го года Мая 5-го дня. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 9а. — Л. 34 об.—37.
- Дневная записка Врачебного Отделения 1816-го года Августа 21-го дня. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 9а. — Л. 61—61 об.
- Об истребовании попечителем Московского учебного округа сведений об университетской больнице и находящихся в ней больных студентах (1816). Ф. 418. — Оп. 113. — Д. 415. — Л. 1—6.
- Ведомость о числе больных, лежавших в Клиническом Институте и приходивших в онный для получения рецептов в течение 1816 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 1458. — Л. 37 об.
- Дневная записка Врачебного Отделения от 18 июня 1818 года. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 13а. — Л. 26 об—30 об.
- Отношение попечителя Московского учебного округа министру народного просвещения от 4 июля 1818 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 984. — Л. 1—5.
- Об отправлении студента А. Палехова, получившего звание лекаря, на практику в Главный Московский военный госпиталь (1818). Ф. 418. — Оп. 115. — Д. 170. — Л. 1—6.
- Дневная записка Врачебного Отделения от 7 сентября 1818 года. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 13 а. — Л. 43 об.—44.
- О предписании Медицинскому Отделению Московского университета сообщать попечителю учебного округа об окончании курса казенными воспитанниками для распределения их по местам (1818). Ф. 418. — Оп. 115. — Д. 205. — Л. 1—4.
- Дневная записка Врачебного Отделения от 17 октября 1818 года. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 13 а. — Л. 45—47.
- Дневная записка Врачебного Отделения от 1 ноября 1818 года. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 13 а. — Л. 50—51 об.
- Дневная записка Врачебного Отделения от 5 марта 1820 года. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 17 а. — Л. 21 об.
- О приглашении деканом Врачебного Отделения Императорского Московского университета члена Московской Медицинской Конторы для присутствия на экзаменах студентов, ищущих медицинских званий (1820). Ф. 418. — Оп. 117. — Д. 400. — Л. 1—2.
- Отношение Совета Московского университета об отправлении студентов в Главный Московский военный госпиталь для практики от 14 марта 1821 года. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 18. — Т. 1. — Л. 71—71 об.

- Циркулярное письмо министра духовных дел и народного просвещения от 6 апреля 1821 года попечителю Московского учебного округа о скорейшем выпуске лекарей при Московском университете. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 18. — Т. 2. — Л. 5.
- Ведомость из класса Физиологии и Судебной медицины казенным и своекоштным студентам (1821) Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 1433. — Л. 107—108 об.
- Об обязательном прохождении практики студентов последнего года обучения (1822). Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 357. — Л. 1—5.
- Донесение Директора Медицинского Института М. Мудрова об обеспечении надзора за студентами, произведенными в лекаря от 9 июня 1824 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 876. — Л. 1.
- Дневная записка Врачебного Отделения от 17 июля 1824 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 852. — Л. 55—56.
- Донесение особого Комитета, учрежденного для приведения в исполнение мер в отношении к учащимся от 8 октября 1824 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 945. — Л. 1—5.
- Отношение попечителя Московского учебного округа Совету Императорского Московского университета о доставлении вновь Штатов и пополнений к уставам Университетов от 25 июня 1825 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 1—3 об.
- О препровождении копии с отношения Г. Министра за №1498 Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 4.
- От попечителя Московского учебного округа министру народного просвещения. Мнение Совета Московского университета (1825) Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 6—36 об.
- Мнение о весьма удобном распределении медицинских наук, изложенном в §24-ом Высочайше утвержденного в 1804 году Устава Университета (1825) Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 40—40 об.
- Мнение об учреждении новой кафедры для Анатомии Патологической и для Физиологии Сравнительной (1825) Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 41—42 об.
- Об истребовании сведений о порядке учения в Университете и каталог лекций на нынешний академический год (1826). Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3133. — Л. 1—7.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 11 января 1826 года. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 27 а. — Л. 1—4 об.

- О подробном конспекте патологии, терапии и клиники (31 марта 1826 г.) Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1604. — Л. 4—5.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 22 мая 1826 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1625. — Л. 24 об.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 5 июня 1826 года. Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 27 а. — Л. 55.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 29 июля 1826 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1625. — Л. 88 об.—91.
- Мнение попечителя Московского учебного округа о перемене Университетского Устава (1826). Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3086. — Л. 1—36 об.
- Мнение попечителя Московского учебного округа о медицинских науках (1826). Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3086. — Л. 37—39 об.
- Письмо Ю. Х. Лодера попечителю Московского учебного округа А. А. Писареву от 14 июля 1826 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3133. — Л. 8—9 об.
- Донесение Совета Императорского Московского университета попечителю Московского учебного округа от 24 августа 1826 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3133. — Л. 13—14.
- О составлении предварительного начертания курса медицинских наук (1826). Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1606. — Л. 1—1 об.
- Дневная записка Совета Московского университета от 11 августа 1826 года. Ф. 418. — Оп. 249. — Д. 14. — Л. 317—322 об.
- Дневная записка Совета Московского университета от 16 августа 1826 года. Ф. 418. — Оп. 249. — Д. 14. — Л. 327—328.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 30 октября 1826 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1625. — Л. 109 об.—110.
- О несогласиях г. Лейб-медика Лодера с Университетом (1826(1827)). Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3165.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 1 марта 1827 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2116. — Л. 17—18 об.
- О разрешении Лейб-медику Лодеру присутствовать на заседаниях Медицинского Отделения Университета и экзаменовывать студентов по анатомии и физиологии и награждении его орденом (1827). Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2361. — Л. 7—14.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 19 февраля 1828 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 1—1 об.

- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 16 июня 1828 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 75—77.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 10 июля 1828 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 81—82 об.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 21 июля 1828 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 86—86 об.
- Мнение профессора Е. Мухина о преподавании анатомии в Университете от 1 августа 1828 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3654. — Л. 6—9.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 28 августа 1828 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 98 об.—103 об.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 11 сентября 1828 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 113—115 об.
- Донесение ректора Московского университета попечителю Московского учебного округа от 12 октября 1828 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3654. — Л. 11—11 об.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 13 октября 1828 года. Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 2556. — Л. 116 — 128 об.
- Отношение попечителя Московского учебного округа Совету Московского университета о полученном мнении профессора Мухина от 1 ноября 1828 года. Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3654. — Л. 25.
- О правилах, определяющих учебные обязанности разных лиц, действующих по Клиническому Институту Московского Университета (16 декабря 1831 г.) Ф. 418. — Оп. 338. — Д. 42. — Л. 1—3 об.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук от 6 июня 1834 года. Ф. 418. — Оп. 341. — Д. 84. — Л. 61—66.
- О введении в действие некоторых статей высочайше утвержденного в 26 день июля сего года Устава Императорских Российских университетов (1835). Ф. 418. — Оп. 4. — Д. 331. — Л. 1—9.
- Отношение попечителя Московского учебного округа Совету Московского университета от 3 сентября 1835 года. Ф. 418. — Оп. 4. — Д. 396. — Л. 1—2 об.
- Дневная записка заседания Совета Московского университета от 9 октября 1835 года. Ф. 418. — Оп. 249. — Д. 23. — Л. 439—447 об.

- Дневная записка Чрезвычайного заседания Совета Московского университета от 12 октября 1835 года. Ф. 418. — Оп. 249. — Д. 23. — Л. 450—458 об.
- Отношение министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа от 18 октября 1835 года. Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Ч. 1. — Л. 7—13.
- Донесение Совета Московского университета попечителю Московского учебного округа от 26 октября 1835 года. Ф. 418. — Оп. 4. — Д. 396. — Л. 20—38.
- Таблица распределения предметов и времени учения относительно учащихся в Медицинском факультете. Ф. 418. — Оп. 4. — Д. 396. — Л. 45—48.
- Дневная записка Отделения Врачебных наук №24 от 11, 14 и 18 ноября 1835 года. Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 46—56 об.
- Мнение П. Эйбордта 14 ноября 1835 года. Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 57—58 об.
- Мнение адъюнкта А. Иовского. Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 59—62 об.
- Донесение попечителя Московского учебного округа министру народного просвещения от 25 ноября 1835 года. Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 15—16.
- О введении нового Устава в действие по университету с 1 января 1836 года. Ф. 418. — Оп. 5. — Д. 1. — Л. 1—67.
- Предписание министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа от 31 декабря 1835 года. Ф. 418. — Оп. 5. — Д. 1. — Л. 2—6.

*Отдел письменных источников
Государственного исторического музея
(ОПИ ГИМ)*

- Свод замечаний на Проект дополнительных правил к Уставу Московского Университета относительно Медицинского Отделения и Врачебного Института, составленный в особо учрежденном для сего Комитете, для представления на уважение Высшего Начальства (1832). Ф. 409. — Д. 21. — Л. 40—50.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрикосов А. И. 135, 146—148, 340
 Александр I 22—41, 46, 47, 49—53,
 56, 58, 63, 104, 190, 197, 210,
 211, 213—215, 220, 222, 225, 259
 Альбинус Б. 142
 Андреевский И. С. 85, 90, 91
 Анке Н. Б. 305, 306
 Антисери Д. 346
 Аракчеев А. А. 220
 Арсеньев К. И. 217
 Архангельский Г. В. 293, 303, 340
 Астахова Е. Ю. 83, 159, 197, 198,
 200, 340, 350
 Бальдингер Э. 144, 259
 Барсук-Моисеев Ф. И. 85, 88
 Баузе Ф. 46
 Безбородко А. А. 38
 Белинский В. Г. 207
 Бемер 139
 Беневени А. (Benevieni A.) 133
 Биша М. 140—142, 145, 243
 Благовидов Ф. В. 340
 Блюланд 139
 Блюментрост Л. Л. 10
 Богданов Н. М. 340
 Боне Т. (Bonet T.) 135, 136, 353
 Бородулин В. И. 239, 341
 Бородулин Ф. Р. 48, 80, 98, 101,
 115, 123, 146, 147, 294—296, 302,
 303, 325, 331, 341
 Броун Дж. 238
 Бруссе Ф. (Broussais F.) 237—241,
 245, 246, 248, 341, 353
 Буйо Ж.-Б. (Bouilland J.-B.) 239,
 241, 353
 Бунге Х. Г. 270
 Бургаве Г. 9, 109
 Буш И. Ф. 285—289, 292, 320, 322
 Бэйлли М. 133, 146, 341
 Бэкон Ф. 134, 341
 Валлотон А. 24, 25, 341
 Вальсальва А. 142
 Ван-Свитен Г. 18, 175—177, 182,
 184, 187
 Варвинский И. В. 137, 238, 341
 Васильчиков И. В. 34
 Везалий А. 133
 Венсович И. Ф. 85, 88, 152, 153,
 162
 Веселовский И. С. 270
 Вирхов Р. (Virchow R.) 138, 354
 Воинов И. П. 88
 Воронцов А. Р. 52
 Вязьмитинов С. К. 190, 191, 198—
 200
 Гаен А. 144
 Галич А. И. 217
 Гарвей У. 135, 341
 Геллер М. Я. 341
 Герман К. Ф. 217
 Гете И. Ф. 258
 Гильтебрандт Ф. А. 85, 96—98, 105,
 106, 109—112, 130, 159, 160, 341
 Голенищев-Кутузов П. И. 116, 118,
 119
 Голицын А. Н. 200, 201, 213—215,
 217—221, 260
 Горелова Л. Е. 341, 351
 Грановский Т. Н. 231
 Грибанов Э. Д. 347
 Грузинов И. Е. 162
 Гукасян А. Г. 238, 341
 Гулькевич Ю. В. 135, 146, 341
 Гумбольдт А. 258
 Гумбольдт В. 258
 Гумбург К. 266
 Гуфеланд К. В. 258, 259
 Далин В. М. 35, 341
 Данилевский А. И. 85, 88, 152, 153
 Двигубский И. А. 275, 341
 Дерябина В. Л. 146, 147, 341
 Дюпонтрен Г. 142, 146
 Дядьковский И. Е. 169, 170, 342
 Евстахий Б. 133
 Екатерина II 24, 26, 27, 36, 41—46,
 51, 68, 182

- Жихарев С. П.** 77
Заблоцкий П. П. 146, 342
Завадовский П. В. 37, 39, 45—47, 49—53, 55, 220
Змеев Л. Ф. 342
Зонненфельс И. 182
Зудгоф К. 239, 343
Зыбелин С. Г. 109

Изуткин Д. А. 331, 332, 342
Иноземцев Ф. И. 164, 293, 339, 342
Иовский А. А. 305, 327, 328

Камаев И. А. 331, 332, 342
Кант И. 43, 342
Каразин В. Н. 46, 48, 56
Карамзин Н. М. 27, 32, 219
Карпи де А. 133
Кауниц В. А. 182
Керестури Ф. Ф. 147, 148
Керштенс И. X. 146, 147
Кисунько В. Г. 18, 223, 342
Клингер Ф. И. 48, 58
Ключевский В. О. 28—31, 36, 37, 42, 206—211, 215, 216, 220, 342
Кодолова И. М. 342
Козодавлев О. П. 45
Колосов Г. А. 152, 238, 342, 343
Кондорсе Ж. 55, 56
Конради 139
Кончаловский М. П. 110, 343
Корвизар Ж. (Corvisart J.) 139, 140, 142, 353
Костомаров И. А. 133, 146, 343
Костюшко Т. 36
Котельницкий В. М. 85, 119, 270
Кочубей В. П. 35, 38, 197
Крылов И. А. 251
Крювелье Ж. 146
Кудрявцев П. Н. 231
Кузьмин М. К. 343
Кювье Ж. (Cuvier G.) 247, 248, 353

Лагарп Ф.-С. 23—30, 34, 35, 40—42, 46, 47, 49, 50
Ламберт 225
Ланцизи Дж. 144
Лазенек Р. 140—142, 243
Лебедев К. В. 270

Ливен К. А. 225, 228, 229, 231, 268, 277, 278, 280, 281, 285
Лобштейн И. Ф. 146, 241, 248
Лодер Ю. X. 22, 158, 161, 162, 164—167, 169, 170, 256—262, 264—268, 271—275, 277, 279—285, 287—289, 292, 320, 328, 343
Ломоносов М. В. 10, 11, 343
Лушников А. Г. 343
Лысенко В. И. 46, 343
Льето Ж. 139, 145
Людвиг Хр.Г. (Ludwig Ch.G.) 139, 142, 143, 145, 353

Магницкий М. Л. 215—218, 220, 221, 225
Мантейфель 58
Мария Терезия 18, 175, 176
Мартынов И. И. 54
Мейер-Штейнер Т. 239, 343
Меккель И. (младший) 139, 142, 243, 248
Меккель Ф. Т. 145
Мельгунов С. 214
Мельников-Разведенков Н. Ф. 146—148, 343
Менье Л. 343
Миллоков П. Н. 44, 45, 57, 59, 67, 69—71, 78, 209, 215, 217, 222, 223, 228, 343
Миронов Г. Е. 32, 34, 206, 207, 343
Мирский М. Б. 343
Мисюра И. А. 344
Мицельмахерис В. Г. 154, 343, 344
Монтано Дж. Б. 111
Морганьи Дж. Б. (Morgagni J. B.) 135, 136, 138, 139, 141, 142, 144, 145, 243, 353
Мороховец Л. З. 344
Мудров М. Я. 22, 88, 94, 102, 103, 114—118, 120, 124—130, 148—161, 164—170, 202—204, 235—239, 241—248, 264—266, 270, 274—277, 279, 280, 283—285, 307, 308, 344, 354
Мультановский М. П. 344
Муравьев М. Н. 27—30, 46, 49, 58, 77, 98, 102, 104, 114, 130, 148—150, 152, 153, 156—158, 161, 164, 242—244, 259

- Мухин Е. О. 162—164, 273—275, 344
 Неволин К. А. 231
 Немиров С. Н. 85
 Николай I 205—209, 217, 225, 226, 228, 229, 271, 298
 Новиков Н. И. 36
 Новодранова В. Ф. 142
 Новосильцев Н. Н. 38, 49, 58
 О'Мейли К. (O'Malley C.) 15
 Оболенский А. П. 79, 201, 232, 233, 249, 260
 Овер А. И. 241, 339
 Озерецковский Н. Я. 48, 54
 Павел I 23, 25, 32, 34, 36, 51, 52
 Паламарчук П. Г. 103, 345
 Пастухов П. И. 45
 Паульсен Ф. 345
 Пекен М. Х. 98, 102
 Перовский Л. А. 226
 Петр I 31, 32
 Петров Ф. А. 56, 345
 Петровский 226
 Пинель Ф. 139
 Пирогов Н. И. 157, 161, 169, 231, 238, 250, 261, 338, 339, 345
 Писарев А. А. 249—256, 262—272, 274
 Плетнев Д. Д. 240, 345
 Побединский Н. М. 105
 Политковский Ф. Г. 85, 88, 105, 109, 110—112, 114, 154
 Полушин А. И. 201, 345
 Поль А. И. 339
 Попов Н. А. 345
 Порталь П. 145, 243
 Потоцкий С. О. 46, 48, 54, 58
 Прейсман А. Б. 346
 Пресняков А. Е. 30, 39, 40, 206, 208, 346
 Прокопович-Антонский А. А. 232
 Пушкин А. С. 43, 228, 229, 346
 Радищев А. Н. 36, 37
 Разумовский А. К. 200
 Раухах Э. 217
 Раух Е. И. 332, 333, 336, 339
 Реале Дж. 346
 Ревякин А. В. 18, 223, 342
 Редерер И. Г. 144, 259
 Редкин П. Г. 231
 Риолан Ж. 135
 Рихтер А. Г. 259
 Рихтер В. М. 85, 91, 92, 106, 107, 110—113, 117—119, 152, 153, 160, 346
 Рождественский С. В. 46, 48, 182, 186, 187, 205, 212—214, 217, 219—222, 224, 227, 294, 296, 298, 299, 346
 Розанов В. 346
 Ромодановский В. И. 270
 Российский Д. М. 85, 90, 91, 97, 98, 100, 115, 116, 123, 152, 173, 293, 303, 305, 346
 Рудаков В. 346
 Румовский С. Я. 54, 58
 Рунич Д. П. 217, 218, 221
 Рюиш Ф. 142
 Рясковский Г. А. 270
 Салтыков Н. И. 23
 Саркисов Д. С. 135, 346, 351
 Сафонов М. М. 31, 347
 Сахаров А. Н. 29, 347
 Свербеев Д. Н. 77
 Севрук Л. С. 337
 Серафим 220
 Серов В. В. 347
 Сиверс 236
 Сиденгам Т. 9
 Сильвиус (Ф. де ла Боэ) 144
 Скороходов Л. Я. 347
 Смельский 266
 Смирнов А. Ф. 208
 Смолянинов А. В. 135, 351
 Смотров В. Н. 110, 238, 347
 Сокольский Г. И. 169, 337
 Соловей М. Г. 347
 Сорокина Т. С. 347
 Сперанский М. М. 32, 38, 39, 61, 225
 Сточик А. А. 341, 342, 347
 Страхов П. И. 201, 237, 238
 Страшун И. Д. 96, 97, 101, 115, 123, 146—148, 293, 303, 331, 351
 Строганов П. А. 37, 38, 41, 49

- Строганов С. Г. 225, 315, 322, 325,
 326, 328—330
 Струдза А. С. 217
 Струков А. И. 135, 351
 Сухомлинов М. И. 24, 39, 53, 55,
 56, 63, 66, 69, 70, 75, 99, 179,
 183, 294, 351
 Талбот Ч. (Talbot Ch.) 11, 12, 354
 Тамарин Ю. А. 331, 332, 342
 Тарди Л. 147, 352
 Терновский А. Г. 270
 Титтман 112
 Тихонович И. К. 266, 270
 Третьяков М. П. 265
 Трофимов В. 351
 Труайя А. 26, 27, 41, 351
 Турубинер Л. А. 351
 Уваров С. С. 71, 78, 209, 210, 217,
 225, 227, 229, 231, 314, 322—327,
 329, 330, 336, 337
 Фаллопий Г. 133
 Фальборк Г. 352
 Феттер А. Р. 145
 Фойгтель 139, 145
 Фортунатов А. А. 45, 60
 Фотий 220
 Франк И. П. (Frank I. P.) 114, 128,
 133, 145, 154, 155, 175, 177, 178,
 184, 187, 196, 197, 287, 288, 289,
 353
 Франк Й. (Frank J.) 153—155, 165,
 196, 197, 353
 Фридрих Великий 18
 Фуко М. 352
 Фус Н. И. 46, 54, 75, 76
 Херниус О. 144
 Хотеев В. 47, 50, 78, 210, 352
 Храповицкий А. В. 45
 Чазов Е. И. 249, 250, 266, 352
 Чарнолуцкий В. 352
 Чарторыйский А. А. 38, 39, 48, 49,
 54—56, 196
 Чернега В. 47, 50, 78, 210, 352
 Чистович Я. О. 102, 352
 Чулков Г. И. 352
 Шахт Г. О. 109
 Шевырев С. П. 99, 352
 Шилинис Ю. А. 352
 Шильдер Н. К. 24, 352
 Ширинский-Шихматов П. А. 226
 Шишков А. С. 218—226, 228, 229,
 232, 233, 249, 268
 Штикс А. 289
 Шторх 226
 Штофреген 285
 Шультейс Э. 146, 147, 352
 Эвениус А. Е. 270
 Эйдельман Н. Я. 31, 33, 40, 43, 352
 Эйнборд П. П. 270, 328
 Эпинус Ф. 45
 Эрдман И. 281, 285
 Юнкер Й. 144, 259
 Якоб Л. 259
 Янкович де Мириево Ф. И. 44, 45,
 54
 Bariety M. 144, 352
 Beukers H. 353
 Bielinski J. 197, 353
 Corlieu A. 353
 Coury Ch. 144, 352
 Hanclever A. 259, 353
 Hecker J. Fr. K. 177, 353
 Kaiser W. 186, 259, 353
 Krosch H. 186, 353
 Lesky E. 133, 145, 146, 177, 178,
 288, 353
 Lindeboom G. 353
 Muller-Dietz H. 259, 354
 Muller-Dietz W. 259, 354
 Piechocki W. 186, 353
 Puschmann Th. 146, 175, 354
 Salaks J. J. 260, 354
 Salutati C. 12, 354
 Thorndike L. 12, 354
 Wiasemsky T. 354
 Wolf G. 354

Оглавление

Как готовили практикующего врача в университетах Европы (вместо введения)	9
<i>Глава 1.</i> Александровская реформа просвещения.....	23
<i>Глава 2.</i> Реорганизация учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в связи с введением "Устава" 1804 года.....	73
<i>Глава 3.</i> Создание клинической базы и становление клинического преподавания на медицинском факультете Московского университета.....	95
<i>Глава 4.</i> Становление патологической анатомии на медицинском факультете Московского университета	132
<i>Глава 5.</i> Формирование новых целевых установок медицинского факультета Московского университета	172
<i>Глава 6.</i> Разгром университетов. Реформа просвещения первых лет царствования Николая I.....	205
<i>Глава 7.</i> Разработка программы обучения на медицинском факультете Московского университета в период подготовки "Общего Устава Императорских Российских университетов" 1835 года.....	232
<i>Глава 8.</i> Медицинский факультет в "Общем Уставе Императорских Российских университетов" 1835 года	293
<i>Глава 9.</i> Введение "Общего Устава Императорских Российских университетов" в действие на медицинском факультете Московского университета.....	314
Литература	340
Список использованных архивных документов.....	355
Именной указатель	363

Монография

Андрей Михайлович Сточик
Михаил Александрович Пальцев
Сергей Наркизович Затравкин

**МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА В РЕФОРМАХ ПРОСВЕЩЕНИЯ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА
(издание второе, дополненное)**

Зав. редакцией *Т. П. Осокина*
Редактор *Е. А. Гоголина*
Художник *А. Л. Чириков*
Технический редактор *И. П. Куликова*
Корректор *Т. А. Кузьмина*

ЛР № 066787 от 21.07.1999. Сдано в набор 18.05.2001. Подписано к печати 04.08.2001.
Формат бумаги 60×881/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,0.
Уч.-изд. л. 23,6. Тираж 1000 экз. Заказ № 1466.

Издательство ЗАО «Шико».
101990, Москва, Петроверигский пер., 6/8.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова. 214000, г. Смоленск,
пр. им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-900758-19-2

